

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

7(4) 2021

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 7. № 4. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 7. № 4. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствования и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, Академия труда и социальных отношений (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Врanye государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASJEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Work, Academy of Labor and Social Relations (Moscow), Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сунжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцкого университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Муравьёв А. Н. Гегель об отношении спекулятивной философии и ортодоксальной теологии 5	Muravyov A. N. Hegel on the relation of speculative philosophy and orthodox theology 5
Михайлов И. А. Феноменология открывает Америку: первые ученики и контакты феноменологии 15	Mikhaylov I. A. Phenomenology discovers America: phenomenology's first contacts and disciples 15
Кораев Г. Т. Теоретизм, эстетизм, историзм: новое прочтение критической части «К философии поступка» М.М. Бахтина 27	Koraev G. T. Theoreticism, Aestheticism, Historicism: new interpretation of critical part of M.M. Bakhtin's "Toward a Philosophy of the Act" 27
Молчанова Л. А. Ментальные основы творения телесных образов в первобытном искусстве 38	Molchanova L. A. The mental foundations of bodily images creation in primitive art 38
Лебедева В. Ю. Суицидальная проблематика в русских романах и повести В. Набокова в свете идей Н. Бердяева 52	Lebedeva V. Yu. Suicidal problematics in Nabokov's Russian novels and novella in the light of N. Berdyaev's views 52
Крокинская О. К. «Оцифрована-околдована». Университет в эпоху цифры и ее культурного осмысления 65	Krokinskaya O. K. "Digital enchantment". University in the age of digitalization and its cultural interpretation 65
Савчук Р. А. Основные идеи прочтения церковной истории Юго-Западной Руси в среде украинской диаспоры во второй половине 1980-х гг. (по материалам Научного конгресса тысячелетия крещения Руси-Украины, Мюнхен, 1988 г.) 88	Savchuk R. A. The main ideas of reading the Church history of Southwestern Russia in the Ukrainian Diaspora in the second half of the 1980s. (based on the materials of the Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Russia-Ukraine, Munich, 1988) 88
Власкина Н. А. Костюм казаков-некрасовцев в XIX–XX вв.: историко-культурные связи и условия трансформации 102	Vlaskina N. A. Clothes of the Nekrasov Cossacks in the 19 th – 20 th centuries: historical and cultural relations and conditions for transformation 102
Абилов В. Э. Вопросы этногенеза узбекского народа в этнографических исследованиях Узбекистана в годы независимости 120	Abirov V. E. Ethnogenesis of the Uzbek people in ethnographic studies of Uzbekistan in the years of independence 120
Нанкевич А. А. Категоризация цвета в детском возрасте (0–7 лет): обзор современных исследований 132	Nankevich, A. A. Color categorization in childhood (0-7 years): review of current research 132
Щедрина И. О. Нарратив как пророчество: В.В. Вейдле о Ф.М. Достоевском 145	Shchedrina I. O. Narrative as prophecy: V. V. Weidle about F. M. Dostoevsky 145

**MISCELLANEOUS:
 СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ**

**MISCELLANEOUS:
 MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

Пенской В. В. От Московского царства к Российской империи: разрыв или преемственность? Новое исследование по русской истории раннего Нового времени	153	Penskoy V. V. From the Moscow Tzardom to the Russian Empire: Rupture or Continuity? New research on Russian history of early Modern	153
Сабанчиев Р. Ю. Миф, коллективная память, ошибка репрезентации: границы понятий	168	Sabancheev R. Yu. Myth, collective memory, error of representation: the boundaries of concepts	168
Антипенко Л. Г. О научных предпосылках построения космологической картины мира (логико-математический и философский анализ)	174	Antipenko L. G. On the scientific prerequisites for constructing a cosmological picture of the world (logical-mathematical and physical analysis)	174
Гурин Д. В. Политика и право в философии Г. А. Ландау (полемика с Л. И. Петражицким)	186	Gurin D. V. Politics and law in the philosophy of G. A. Landau (polemic with L. I. Petrazhitsky)	186
Штрамило А. В. Особенности художественного пространства в романах Клиффорда Саймака «Город» и «Вся плоть – трава»	191	Shtramilo A. V. The features of fictional space in Clifford Simak's novels <i>The City</i> (1952) and <i>All Flesh Is Grass</i> (1965)	191

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-1

Муравьев А. Н.

Гегель об отношении спекулятивной философии
и ортодоксальной теологии¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; *muravyovan@yandex.ru*

Аннотация. Лекции по философии религии, которые Гегель, меняя только детали, читал в 1821, 1824, 1827 и 1831 гг., весьма актуальны по своему содержанию, ибо в них поднимается тема отношения спекулятивной философии и ортодоксальной теологии, без раскрытия которой невозможно прекратить конфликт между наукой и религией, начавшийся в XVIII столетии и до сих пор не закончившийся. Об этом свидетельствует всё возрастающая масса проблем современного человечества, которые оно не в состоянии решить, опираясь даже на самые высокие технологии. В статье излагается взгляд Гегеля на указанное отношение и на абсолютную религию истины и свободы. Поскольку эта религия, с точки зрения этого философа, является необходимым результатом истории религии и истории философии, постольку только она в состоянии изменить способ мышления и бытия человечества, гарантирующий ему решение всех этих все более острых проблем.

Ключевые слова: Гегель; философия; религия; теология; разум; рассудок

Для цитирования: Муравьев А. Н. Гегель об отношении спекулятивной философии и ортодоксальной теологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 4-14. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-1

A. N. Muravyov

Hegel on the relation of speculative philosophy
and orthodox theology*

Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034,
Russia; *muravyovan@yandex.ru*

Abstract. Lectures on the philosophy of religion, which Hegel, changing only the details, read in 1821, 1824, 1827 and 1831, are very relevant in their content, because they raise the topic of the relationship between speculative philosophy and orthodox theology, without the disclosure of which it is impossible to end the conflict between science and religion, which began in the 18th century and has not yet ended. This is

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 А.

*Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00746 А.

evidenced by the increasing mass of problems of modern mankind, which it is not able to solve, relying even on the highest technologies. The article presents Hegel's view on this attitude and on the absolute religion of truth and freedom. Since this religion, from the point of view of this philosopher, is a necessary result of the history of religion and the history of philosophy, only it is able to change the way of thinking and being of mankind, which guarantees him the solution of all these increasingly acute problems.

Keywords: Hegel; philosophy; religion; theology; intelligence; reason

For citation: Muravev A. N. (2021), "Hegel on the relation of speculative philosophy and orthodox theology", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 4-14, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-1

В рамках своей уникальной системы, венчающей историческое развитие классической философской мысли, Гегель особое внимание уделял трем темам: во-первых, логическому основанию системы, во-вторых, отношению гражданского общества и государства, в-третьих, отношению философии и религии. При этом разработка логического метода в силу его непреходящей, вневременной актуальности велась Гегелем в строгой научной форме, ибо предназначалась только ученым, специально подготовленным к ней, отчего и получила имя *науки* логики, а *философия* права и *философия* религии как предметы, обладающие самым широким значением в современную ему эпоху, разрабатывались великим немецким идеалистом в форме более популярной, доступной всем образованным людям того времени. И если логическая проблематика стояла для Гегеля на первом месте в теоретическом аспекте, то проблематика общественно-политическая и религиозно-философская имела, с его точки зрения, первостепенную важность в аспекте практическом, т. е. в нравственном и духовном.

Именно практическая весомость третьей темы побудила мыслителя предварить свои лекции по философии религии, которые будут служить в настоящей статье материалом для экспликации гегелевского взгляда на отношение спекулятивной философии и ортодоксальной теологии, выяснением отношения философии религии к

принципам того исторического периода, который начался в XVIII столетии, названном веком Просвещения, и, судя по всему, до сих пор не закончился. Почему это время еще не истекло, станет понятно в конце статьи, а начать ее нужно с упомянутых принципов, так как без них трактовка Гегелем отношения философии и теологии, скорее всего, покажется многим нашим современникам, особенно из церковной среды, устаревшей, предвзятой и произвольной. В этом случае она останется ни к чему не обязывающим личным мнением немца-лютеранина первой трети XIX столетия, которое давно кануло в Лету, а лютеранству, по собственному признанию, Гегель надеялся остаться верен и, добавим, остался верен всю свою жизнь, внезапно оборванную берлинской эпидемией холеры в 1831 году. По поводу пожизненного лютеранства Гегеля скажем в скобках, что об обстоятельствах смерти и похорон немецкого философа подробно пишет современный биограф Гегеля Жак Д'Онт, который в задиристой французской манере выдвигает предположение о франкмасонстве Гегеля. Подтверждение его членства в тайном обществе Д'Онт вычитывает из печатной версии надгробной речи Фридриха Фёрстера, что в его глазах ставит под вопрос гегелевскую религиозность (Д'Онт, 2012: 20-23). Возражая Д'Онту, заметим, что даже доказанное, а не лишь предположенное масонство кон-

гениального Гегелю Фихте отнюдь не нарушило его верности лютеранству.

Говоря о принципах эпохи, Гегель указывает, что дух настоящего времени уже вступил в противоположность к непредубежденной вере благочестия, так что в утверждении современника, что он верит в Бога, по необходимости проступает потребность в полемике со свободным, мирским сознанием, которое по праву гордится своей самостоятельностью. Благодаря ей рассудочное мышление инициирует бесконечный процесс эмпирического *познавания* <Erkennen> законов и порядка конечных явлений природы, а воля человека выступает причиной его труда и поступков. С этой мирской стороны испорченность и раздвоение проникают в религию, говорит Гегель, поскольку вера в Бога перестает освящать всю посюстороннюю действительность, отчего предмет этой веры становится трансцендентным, то есть представляется потусторонней миру абстракцией неопределенного всеобщего начала. Тем не менее, мирская деятельность, несмотря на свою самостоятельность, вынуждена порой испытывать на опыте обусловленность, конечность познания и воли – власть над ними чего-то иного как *данного* независимо от человека. Поэтому обе стороны самостоятельности, ее независимость и обусловленность, вступают друг с другом в необходимое отношение, толкающее человека к допущению того, что мир и он сам созданы Богом. Однако эта уступка светского сознания религиозному представлению, не будучи результатом действительного *познания* <Erkenntnis>, остается, как правило, несерьезной и мертвой: от Бога-творца его вынужденным признанием отделяются раз и навсегда. Религия, констатирует Гегель, для большинства сводится ныне к этой холодной уступке, которую с просвещенным рассудком разделяет и благочестие, так как оно вслед за секулярным сознанием тоже впадает в раздвоение. Восхищенное мудростью божьей, явленной в разумном устройстве, например, природы животных,

благочестивое сознание на своем опыте убеждается в ничтожестве этих тварей, пожирающих друг друга, и, сверх того, в ветхости созданного Богом мира и человека. Вступившая в свои права рефлексия растворяет непосредственность наивной веры, остужает ее теплоту, ранее согревавшую благочестие, заставляя и его опираться в познании на Я как источник всеобщей формы определений природных явлений рассудочным мышлением. Оказывается, что Я в познании всеобщих законов природы по особым категориям (причины и действия, основания и существования, силы и ее обнаружения и т. д.) относится только к себе самому. Конкретность Я выступает определенным всеобщим, а неопределенная абстракция Бога становится для Я непознаваемой рассудком и разумом сущностью – тайной, в которую можно только верить. Таким образом, настоящее время неумолимо утверждает два отрицающих друг друга принципа – *принцип обусловленности и зависимости опыта* наряду с *принципом самостоятельности мышления*, вполне развитым с обеих его сторон, светской и религиозной. Их наличие вносит в дух раскол полностью противоположных науки и религии, ибо эмпирическое познание создает систему конечного универсума, лишённого абсолютной цели, а Бог остается на долю религии лишь в качестве абстрактного представления – предмета слепой, лишённой познания веры. «Поскольку наука подчинила себе познание и есть сознание о необходимости конечного, – заключает Гегель свой анализ принципов современной эпохи, – постольку религия стала утратившей познание, сжалась в простое чувство, в бессодержательное обращение духовного ввысь, к вечному, но о вечном ничего не высказывают; ибо всё, что было бы его познанием, было бы сведением вечного в сферу и связь конечного» ((Hegel, 1969a: 24); ср.: (Гегель, 1975: 216)).

Напряжение этой противоположности вызывает взаимное недоверие религии,

опирающейся на авторитет церкви, и науки, апеллирующей к авторитету опыта. Первая упрекает вторую в суетности познания конечного, а вторая опасается утратить свободу, приняв за истину непознаваемое, отчего все его определения, навязываемые религией, возмущают сознание ученых. Отсюда, указывает Гегель, возникает потребность в примирении конечного и бесконечного. Оно возможно лишь при том условии, что бесконечное являлось бы в конечном, а конечное – в бесконечном, перестав казаться обособленными друг от друга царствами благодаря развитию представления об истине в ее разумное мышление и понятие. Наиболее остро из различных религий эта потребность дает себя знать в христианстве, провозгласившем познание истины, ведущее к свободе, необходимым условием спасения всех и каждого. Однако именно тем, что эта религия острее других нуждается в истинном познании, она способствует тому, что познание развивается как форма, противопоставляющая себя форме откровения, в которой содержание есть *данная* истина. Данность истины человеку есть тот пункт, в котором заключается, согласно Гегелю, *позитивность* христианской религии, ибо познанию истины предстоит преодолеть эту данность, поняв то, что было дано откровением.

Как и почему произошел принципиальный духовный раскол нашего времени – раскол между наукой и религией, настоятельно требующий преодоления?

Вера христианской церкви в виде догматики, исторически связанной с античной философией, была первоначально установлена как учение о разумном мышлении Бога и человека в их неразрывном отношении друг к другу. С субъективной стороны это учение выступало как знание того, во что веруют, а с объективной – как то, что дано человеку в форме откровения, позитивно изложенного в Библии, нуждающейся в силу данности божественного откровения в истолковании, доступном человеческому рассудку и разуму. Экзегезе

за отправляется от писанного слова и интерпретирует его смысл в духе времени, которому принадлежит толкователь священного текста. Именно таким образом возникает *ортодоксальная* теология, из экзегезы развивающаяся далее в свободное познание, делая предметом своих занятий саму религию и ее содержание вообще. Поскольку же по форме это познание было и остается еще не мыслящим, а только представляющим разумом, то есть рассудком, постольку в качестве *рациональной* теологии оно своим конечным способом трактует бесконечное как абстрактное, вместе с тем обнаруживая, что никакие даваемые им конечные определения содержания религии не соответствуют бесконечной природе Бога. Так ортодоксальная теология в своей рациональной форме становится к тому же *апофатической* – отрицающей в интересах представления и рассудка разумное содержание религиозных догм. Тем самым это конечное познание бесконечного «уничтожает религиозное содержание и совершенно обедняет предмет, – утверждает Гегель. – Конечное и определенное, втянутое им в свой круг, указывает, правда, этому познанию на некое ему *потустороннее*, но оно схватывает само потустороннее конечным способом, т. е. как абстрактную, высшую сущность, которой не присущ никакой характер. Просвещение – а именно оно есть уже описанное завершение конечного познания – мнит, что оно ставит Бога невесть как высоко, называя его Бесконечным, которому все предикаты несоразмерны как неправомерные антропоморфизмы. Но в действительности оно, схватывая Бога как высшую сущность, до крайности опустошает и обедняет его» ((Hegel, 1969 a: 37); ср.: (Гегель, 1975: 227-228)).

Рассудочная абстракция бесконечного, лишённого какого-либо конечного определения, логически есть не более, чем чистое бытие, тождественное чистому ничто. Этим тождеством и объясняется, по Гегелю, *универсальное безразличие* современности к религиозной догматике, кото-

рым заражено не только секулярное сознание, мыслящее в духе просвещенного рассудка, но и специфическая наука позитивной религии – ортодоксальная теология, замкнутая в пределах буквы ее догматов, поскольку как рассудочная и апофатическая она не способна к их разумному постижению. «В наше время, – говорит Гегель, – никого не тревожит, что он никак не познаёт Бога; напротив, в высшей степени проницательной считается установка, будто это познание решительно невозможно» ((Hegel, 1969a: 43); ср.: (Гегель, 1975: 232)). Всеобщий характер нашего времени, сосредоточенного на познании исключительно конечных вещей, превратил Бога в бесконечно далекий от человека призрак, ибо знание и наука превращены эпохой в зеркало, способное отражать лишь призраки, схемы, явления, но никак не саму истину. Эта установка, подчеркивает Гегель, есть крайнее унижение человека, парадоксальным образом делающее его более высокомерным, так как свою униженность человек принимает за свое высокое, истинное призвание. Она находится в вопиющем противоречии с возвышенным требованием Христа из Нагорной проповеди: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный», которое в наше время стало пустым звуком. Ортодоксальная теология, несмотря на многословие ее представителей, настолько обеднила содержание христианства, что важнейшие его догматы о триединстве Бога, о тождестве божественной и человеческой природы и Воскресении сына человеческого, вера в которые прежде считалась христианами залогом спасения, ныне, по существу, почти забыты, ибо утратили свою актуальность. В современной теологической литературе об основных положениях христианского вероучения проявлены большое рвение и еще большая ученость, признаёт Гегель, но теологи в лучшем случае рассматривают догматику в историческом аспекте – как повествование о событиях прошлого, поскольку внимание пишущих направлено только на внешние обстоя-

тельства описываемых событий и страсти, разгоревшиеся вокруг них. Однако при историческом подходе к догматам «абсолютный способ возникновения этих учений из глубины духа, а тем самым их необходимость – истина, которую они имеют для нашего духа, – остается в стороне. <...> Если познание религии стало лишь историческим, то теологов, доведших его до этого состояния, можно уподобить конторщикам торгового дома, которые ведут счета и книги лишь чужому богатству и торгуют за других без выгоды для себя. Они, правда, получают жалование, однако их заслуга состоит только в том, чтобы зарегистрировать и обслуживать имущество других. Такая теология не находится даже в поле мысли, не имеет больше дела с бесконечной мыслью в себе и для себя, но орудует ею лишь как *конечным фактом*, мнением, представлением и т. д. <...> Истинным содержанием, познанием Бога такие теологи отнюдь не заняты. Они знают о Боге столь же мало, сколь мало слепой видит картину, когда ощупывает ее раму. Они знают лишь, как определенный догмат был установлен тем или иным собором, какие основания имели к тому сидевшие на том соборе, каким образом возобладала та или иная формулировка. Вроде бы при этом всегда имеют дело с религией, и все же сама религия в рассмотрение при этом не входит» ((Hegel, 1969a: 48); ср.: (Гегель, 1975: 236-237)). В таком положении любые инвективы теологов в адрес философии утратили смысл, так как истинное содержание этих догматов, которым философия некогда как будто бы угрожала, самим теологам перестало быть интересно, и со стороны ортодоксальной теологии опасность философии, принявшей за познание этого содержания, грозить не должна. Исходя из этого, Гегель утверждает: «По существу ортодоксальная теперь философия – не она одна, но она преимущественно; ею берегаются и подтверждают положения, которые всегда ценились как основные истины христиан-

ства» ((Hegel, 1969b: 202); ср.: (Гегель, 1977: 213)).

Но почему именно философия в наше время возрождает, по Гегелю, христианскую ортодоксию?

Она делает это, прежде всего, потому что теология как таковая – как разумный способ познания единства божественной и человеческой природы – возникла в ходе исторического развития философии как таковой. Христианская теология сформировалась на основе античной философии в целом, резюмированной неоплатониками. Через труды Дионисия Ареопагита в христианство вошли постигнутое Аристотелем (ему, кстати сказать, принадлежит авторство самого термина *теология*) понятие триединого бога как разума, мыслящего мышление, и представление стоиков о том, что мыслящий дух человека есть мера всего сущего, отчего Сенеку не зря прозвали *дядей христианства*. В раннем христианстве эти философские достижения, которые превратили, по определению Гегеля, народных языческих *богов фантазии* в персонального *бога мысли*, слились в по-детски наивное представление об Отце, Сыне и Святом Духе как различных ликах божественного триединства, исторически вошедшее в комбинацию с ветхозаветным иудейским представлением о потустороннем творце мира. В силу своей противоречивости смысл указанной комбинации требовал от членов христианских общин непродуманной веры в чудо, тайну и авторитет откровения. Благодаря этому требованию и, вместе с тем, вопреки ему религиозность наиболее выдающихся отцов церкви носила, по замечанию Гегеля, спекулятивный характер, поскольку они исходили из правильной предпосылки, что теология есть философское познание понятия Бога как предмета религии, отчего первыми началами разумного содержания христианского вероучения церковь обязана их философскому образованию. «Еще более проникновенным это соитие религии и философии стало в Средневековье, – продолжает Гегель. – То-

гда настолько мало верили, что понимающее познание может причинить вере вред, что даже полагали его существенно необходимым для продолжения ее образования. Такие великие мужи, как Ансельм и Абельяр, отправляясь от философии, далее разрабатывали определения веры» ((Hegel, 1969a: 29); ср.: (Гегель, 1975: 220)). Поскольку же в Новое время и особенно в век Просвещения дело дошло до того, что эмпирическое познание выстроило в противоположность религии свой собственный и почти автономный мир, овладев конечным содержанием с помощью рассудочного мышления, постольку развитие этого содержания в разумное познание логическим методом истинной (то есть включающей в себя конечное, но не сводящейся к нему) бесконечности абсолютной идеи сделало содержание философии в гегелевской системе совершенно тождественным истинному содержанию христианства.

Конкретное тождество абсолютно истинного содержания христианской религии, ставшей итогом исторического развития религии как таковой, и логической философии, возникшей в конечном итоге исторического развития философии, отнюдь не исключает, согласно Гегелю, определенного различия его форм. Религия занята всеобщим содержанием как *предметом* сознания – в форме представления о Боге как единой истине, вне которой не остается ничего конечного, ибо она имеет начало и конец всех своих определений в себе самой. Логическая философия, продолжая и завершая начатое религией дело познания истины, логически постигает истинное содержание религиозного представления в форме разумного мышления всех определений понятия истины, или идеи Бога от начала и до конца в ней самой, в природе и духе. Поэтому в своем отношении к религии она в системе философии, развернутой Гегелем на основе изложенного им в «Науке логики» логического метода, по необходимости выступает в виде философии религии.

Как начинающая с представления о Боге, философия религии, говорит Гегель, рассматривает то значение этого представления, что Бог есть идея, или абсолют – схваченная разумной мыслью и раскрытая в понятии сущность. Это кровно роднит ее с наукой логики, где логическая идея развертывается как Бог, сущий в себе самом до природы и человеческого духа, которые суть способы манифестации Бога – его представления себя только себе самому, то есть нам, людям. Поэтому природа, дух человека, мир его сознания, человеческий разум и воля для философии религии суть ступени воплощения и реализации божественной идеи, особенные способы явления Бога как всеобщей сущности, в которых она начинает быть для себя, становясь в искусстве (как художественном творчестве), религии и философии абсолютным духом, производящим все эти свои определения из себя и себя из них.

В этом представлении, восходящем через разумное мышление в понятие и идею Бога, философия религии бесконечно ближе к позитивной религии откровения, чем может показаться, ибо ее задачей является восстановление церковного учения из того минимального минимума, к которому его свела в наше время ортодоксальная теология. Свою философию, в том числе и философию религии, Гегель называет *спекулятивной* именно потому, что она отрицает отрицание рассудком религиозного содержания в положительный разум, мыслящий и постигающий в понятии идею Бога. Противоречие между позитивной религией и спекулятивной философией есть лишь мнимое противоречие, ибо нет и не может быть двойственной истины – божественной и человеческой, двойственного разума и двойственного духа, божественного и человеческого, которые были бы совершенно разными. «Человеческий разум, сознание своей сущности, есть разум вообще, божественное в человеке; – убежден Гегель, – и дух, поскольку он есть дух божий, есть не дух по ту сторону звезд, не по ту сторону мира, но Бог

настоящий, вездесущий и как дух он есть во всех духах. Бог есть живой Бог, который действителен и деятелен. Религия есть создание Бога; не человеческое изобретение, но произведение божественной действительности и творчества в человеке» ((Hegel, 1969a: 40); ср.: (Гегель, 1975: 230)). Чем радикальнее человек откажется от своей частичности, перестанет искать свое в смысле лишь конечного, особенного и проникнется в религии сознанием всеобщего содержания, тем больше он сам станет разумом, источником мирового порядка и гармонии, а человеческий дух – божественным духом. Именно из-за истинности содержания спекулятивной философии религии, указывает Гегель, ортодоксальная теология в качестве апофатической обличает ее сегодня в помрачении и затмении духа, так как это негативное направление вместе с эмпирическим познанием «желает оставаться в ночи, называемой им Просвещением, которой луч света познания как раз и должен казаться враждебным» (там же). Страх рассудка и его ненависть к философии, соперником которой он себя высокомерно воображает, происходят из вполне оправданного опасения, что она поглотит его тускло мерцающее в этой ночи рефлексирование, сведя в познании природы Бога рассудок к тому положительному, что лежит в его основании.

Положительное содержание ортодоксальной теологии раскрывает спекулятивная философия религии, вырабатывая понятие религии как таковой, которое со всей определенностью выражает *абсолютная религия*, или *религия истины и свободы* (ее рассмотрением Гегель завершает свои лекции по философии религии). Бог определяется в ней как самосознание, знающее себя в ином, отличном от него сознании, которое в себе есть сознание Бога и таково же оно для себя, поскольку оно знает свое тождество с Богом – тождество, опосредствованное радикальным отрицанием конечности человеческого сознания. Предпосылки такого определения были вполне развиты в ходе истории религии, в

подробностях прослеженной Гегелем в лекциях об определенной религии, составляющих самую пространную часть всего его курса лекций по философии религии. Это понятие Бога составляет содержание истинной веры, знающей, что «быть Богом значит отличать себя от себя самого – быть предметом, но в этом различии быть совершенно тождественным с собой, т. е. быть духом. Это понятие теперь реализовано, сознание знает это содержание и знает, что оно вплетено в это содержание, так как в понятии, которое есть процесс Бога, оно само есть момент. Конечное сознание знает Бога лишь постольку, поскольку в нем Бог знает себя; так есть Бог дух, и именно дух своей общины, т. е. тех, кто его почитает» ((Hegel, 1969b: 187); ср.: (Гегель, 1977: 200)). Такова, по Гегелю, совершенная религия – религия не первого откровения, каковым было историческое христианство, а религия откровения окончательного, завершеного. Другими словами, она есть религия второго пришествия Христа – религия абсолютного духа, или манифестации Бога, знающего себя в конечном человеческом духе, поскольку дух человека сам стал абсолютным, божественным духом. Поэтому в этой религии открылось то, что есть *истинный* Бог – Бог, открывший себя не просто в библейской истории, где он явился отчасти еще чем-то потусторонним, непознанным, а в сознании человеческого духа, уже не нуждающемся в тайне, чуде и каком-либо авторитете. В прошлом они были необходимы, потому что намекали на то, что будет и вели за собой дух в это его светлое будущее, но в настоящем чудо, тайну и авторитет отменяет спекулятивная философия, свидетельствующая духу о его абсолютности высшим способом доказательства – научно-логическим, включающим в себя рассудок только как первый абстрактный момент, претерпевающий диалектическое отрицание и спекулятивное отрицание этого отрицания в положительный разум. При этом Гегель справедливо замечает: никогда «нельзя требовать, чтобы все люди по-

стигали истину философским способом» ((Hegel, 1969 b: 198); ср.: (Гегель, 1977: 209-210)), хотя это, разумеется, не есть знак ее немощи или оторванности от действительной жизни духа, ибо без спекулятивной философии религия истины и свободы невозможна.

Что означают, согласно Гегелю, истина и свобода как определения религии? Истина, говорит он, состоит в том, чтобы не относиться к предметному как чему-то чуждому, а свобода выражает то же самое отношение, только с определением *дейтельного отрицания* чуждости предметного бытия природы и духа. Если быть истинным духом значит быть теоретически адекватным, то есть конкретным тождеством субъекта и объекта, предметом познания для себя самого, то его свобода заключается в практическом отрицании их абстрактного различия – в примирении Бога и мира посредством нравственного единения людей друг с другом в обществе и государстве, которые образуют благодаря этому единую невидимую церковь духа. Благодаря этому каждая из сторон абсолютного отношения Бога и человека найдет в другой свою собственную сущность, ибо всем людям (с помощью спекулятивной философии, проясняющей в философии религии разумное содержание ортодоксальной теологии) станет понятно, что Бог становится человеком ровно настолько, насколько человек становится Богом, на деле реализуя тем самым единство божественной и человеческой природы, то есть сущей независимо от субъекта субстанции и субъекта, который сам себя порождает. Что только такая идея есть абсолютная истина – познание этого есть результат всей истории философии. Как спекулятивная философия она доказывает этот результат в науке логики и в ходе систематического рассмотрения процесса развития природного и духовного мира: «Истина есть то, что природа, жизнь и дух насквозь органичны, что каждое различное есть только отражение этой идеи, так что она представляет себя в нем как еди-

ничное, как процесс в единичном, манифестируя в нем самом это единство» ((Hegel, 1969 b: 204); ср.: (Гегель, 1977: 215)). Но к той же самой идее пришла (в силу своей связанности с историей философии) история религии, которая через естественную и духовную религию, как показывает Гегель, становится религией философского познания истины и нравственной свободы людей.

О том, что время этой религии наступает, говорит, по Гегелю, состояние современного мира. В нем дух как конечный субъект настолько углубился в себя, что открыл в себе бесконечность, хотя он и отягощен еще объективностью как своей противоположностью, что выражает основной духовный конфликт современности – конфликт между наукой и религией, конфликт рассудка с самим собой и с разумом. «Какой выход из своего раскола найдет временное, эмпирическое настоящее, как оно себя преобразует, следует предоставить ему, ибо это [еще] не есть непосредственно практическое дело и забота философии», – этими словами Гегель прощается со слушателями своих лекций по философии религии ((Hegel, 1969 b: 344); ср.: (Гегель, 1977: 333)). К его словам нельзя не добавить, что воз этот поныне находится в той самой точке, где оставил его, отходя в вечность, великий немецкий философ, так что описанная им эпоха, как уже сказано, еще длится. Видно, что быстро такое дело не делается, ибо многим не ясно, что без истинной религии, которой надлежит преобразить сам способ бытия и мышления человечества, с ним не сладить. Это, однако, не означает, что философия может продолжать оставаться беззаботной, а практика – отлынивать от этого насущного дела, так как болезненный раскол между субъектом и субстанцией, человеческим духом и природой, рассудком и разумом, начавшийся в век Просвещения, за прошедшие почти два столетия углубился и расширился настолько, что его духовное исцеление, которого настоятельно требуют теперь не только экологические проблемы,

но и пандемия коронавируса, уже встало на повестку дня. Эти обстоятельства усилили актуальность обращения к спекулятивной философии религии Гегеля, содержание которой темой настоящей статьи, как и самой статьей, конечно, далеко не исчерпывается.

Литература

Д’Онт, Ж. Гегель: биография. Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: «Владимир Даль», 2012. 511 с.

Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии религии // Гегель. Философия религии. В двух томах. Т. 1. Общ. ред. А. В. Гулыги. Пер с нем. П. П. Гайденоко и др. М., «Мысль», 1975. С. 205-530.

Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии религии // Гегель. Философия религии. В двух томах. Т. 2. Общ. ред. А. В. Гулыги. Пер с нем. П. П. Гайденоко и др. М., «Мысль», 1977. С. 5-333.

Hegel, G. W. F. (1969a), *Vorlesungen über die Philosophie der Religion* // G. W. F. Hegel. *Werke* [in 20 Bänden]. Bd. 16. *Vorlesungen über die Philosophie der Religion I*, Shurkamp Verlag, Frankfurt am Main. S. 9-442.

Hegel, G. W. F. (1969b), *Vorlesungen über die Philosophie der Religion* // G. W. F. Hegel. *Werke* [in 20 Bänden]. Bd. 17. *Vorlesungen über die Philosophie der Religion II*, Shurkamp Verlag, Frankfurt am Main. S. 7-344.

References

Hegel, G. W. F. (1969a), *Vorlesungen über die Philosophie der Religion* [Lectures on the philosophy of religion] in: *G. W. F. Hegel. Werke* [in 20 Bänden], Bd. 16. *Vorlesungen über die Philosophie der Religion I*, [Works in 20 volumes. Vol. 16. Lectures on the Philosophy of Religion I], Shurkamp Verlag, Frankfurt am Main, 9-442 (in German).

Hegel, G. W. F. (1969b), *Vorlesungen über die Philosophie der Religion* [Lectures on the philosophy of religion] in: *G. W. F. Hegel. Werke* [in 20 Bänden]. Bd. 17. *Vorlesungen über die Philosophie der Religion II* [Works in 20 volumes. Vol. 16. Lectures on the Philosophy of Religion II], Shurkamp Verlag, Frankfurt am Main, 7-344 (in German).

Hegel, G. W. F. (1975) *Lektsii po filosofii religii* [Lectures on the philosophy of Religion] in: Hegel, G. W. F. *Philosophy of religion*. In two

volumes. Vol. 1. General ed. A.V. Gulygi. Transl. by Gaidenko, P.P. et al., Mysl, Moscow, 203-530 (in Russ.).

Hegel, G. W. F. (1977) *Leksii po filosofii religii* [Lectures on the philosophy of Religion] in: Hegel, G. W. F. *Philosophy of religion*. In two volumes. Vol. 2. General ed. A.V. Gulygi. Transl. by Gaidenko, P.P. et al., Mysl, Moscow, 5-333 (in Russ.).

d'Hondt, Jacques. (2012), *Gegel: biografiya* [Hegel: Biography]. Translated from the French by A. G. Pogonyailo. Vladimir Dal, St. Petersburg, (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Муравьев Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб, д. 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; *muravyovan@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Andrei N. Muravev, Dr. Sci. in Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 7-9 University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; *muravyovan@yandex.ru*

УДК 141

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-2

Михайлов И. А.

**Феноменология открывает Америку:
первые ученики и контакты феноменологии**

Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240,
Российская Федерация; ia.mikhaylov@gmail.com

Аннотация. Цель статьи состоит в определении обстоятельств и закономерностей, обусловивших распространение возникшей в Германии феноменологии на англоязычный мир и, в первую очередь, на США. Был исследован комплекс наиболее ранних документов, раскрывающих данную тему. Результаты проведенной работы таковы: 1) программа «перевода» феноменологической проблематики на язык англоязычной философии отчетливо подразделяется на дипломатические усилия, ведущиеся как в отношении британской, так и собственно северо-американской философии; еще до начала 30-х гг. и начала вынужденной эмиграции ученых из Европы интерес к США и американскому типу организации науки в кругах философов, ассоциированных с феноменологией, достаточно велик (Т. Масарик, М. Шелер, М. Гайгер); 2) зарубежные контакты феноменологии становятся для немецкой феноменологии начала XX в. продолжением ее политики укрепления позиций в национальном (немецком) научном сообществе; 3) основу своей стратегии популяризации феноменологии Гуссерль неизменно строит, опираясь на «идеализм» как основной мировоззренчески значимый для него ориентир; 4) в рамках этой работы Гуссерль, при опоре на своих зарубежных учеников, в том числе канадских, делает ставку на фигуры, уже получившие признание у себя на родине (Дж. Ройс); 5) эта стратегия оказывается малоэффективной ввиду мощной оппозиции идеализму, характерной для американской философии под влиянием прагматизма; эта оппозиция существовала с начала XX в., градуально возрастая ввиду политических поводов, которые Германия предоставляла в 1914, 1933 и 1939 гг.; 6) помимо этого важного упущения, Гуссерль демонстрирует малую готовность к подобной «зарубежной экспансии» феноменологии: он недостаточно глубоко знаком с проблемами, над которыми работают его американские и британские коллеги; 7) проникновение феноменологии на американскую почву следует рассматривать как результат взаимодействия двух «стратегий»: гуссерлевской и британско-американской; изначально присутствовавшие в этом комплексе внутренние противоречия сказались на последующем понимании феноменологии в США. В исследовании использованы методы историко-философской реконструкции, понятийного анализа, подход с позиций социологии знания.

Ключевые слова: феноменология; идеализм; философия в США; Гуссерль; Марвин Фарбер; Джосайя Ройс; Джон Дьюи

Для цитирования: Михайлов И.А. Феноменология открывает Америку: первые ученики и контакты феноменологии // Научный результат. Социальные и

гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 15-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-2

I. A. Mikhaylov

Phenomenology discovers America: phenomenology's first contacts and disciples

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; ia.mikhaylov@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to determine the circumstances and patterns that determined the spreading of German phenomenology into the English-speaking world and, first of all, to the United States. A number of the earliest dated documents covering this topic were examined. The results of the work could be summed up as follows. 1) The program of "translating" phenomenological issues into the language of English-language philosophy is clearly divided into diplomatic efforts with respect to both British and North American philosophy; even before the beginning of the 30s (the beginning of the forced emigration of scientists from Europe) philosophers associated with phenomenology were rather interested in the United States and the American type of organization of science. 2) Phenomenology's foreign contacts are to be viewed as a logical continuation of the struggle for recognition that German phenomenologist were engaged in the German scientific community. 3) In his popularization of phenomenology Husserl relies greatly on "idealism". 4) He tries to get all the help possible from his foreign students and strives to build upon the philosophers that have already received recognition in their homeland (J. Royce). 5) This strategy turns out to be ineffective due to the powerful opposition to idealism characteristic of American philosophy under the influence of pragmatism; this opposition has existed since the beginning of the 20th century, this opposition gradually increases in 1914, 1933 and 1939. 6) Apart from this important omission, Husserl does not seem to be sufficiently familiar with the problems on which his American and British colleagues are working. 7) The penetration of phenomenology into the American world should be viewed as the result of the interaction of two "strategies": Husserl's and British-American; The internal contradictions initially present in this complex affected the subsequent understanding of phenomenology in the US.

Keywords: phenomenology; idealism; philosophy in the US; Edmund Husserl; Marvin Farber; Josiah Royce; John Dewey

For citation: Mikhaylov I. A. (2021), "Phenomenology discovers America: phenomenology's first contacts and disciples", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 15-26 DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-2

Введение

Проблема американской феноменологии относится к числу наиболее важных тем, раскрывающих закономерности развития общенаучных методов философии. Структурно проблема подразделяется на следующий блок вопросов: 1) Каковы были первые впечатления американской (и

вообще англоязычной) философии от того философского направления, которое, начиная с 1913 г., уже нельзя было не заметить на философской сцене Германии? 2) Кто на самых ранних этапах (но также и впоследствии) был причастен к распространению феноменологии? Как это происходило? 3) Какая именно версия фено-

менологии при этом распространялась в англоязычном мире?

1. Первые отклики и впечатления

«Влияние Эдмунда Гуссерля, Макса Шелера и других европейских феноменологов в основном начало ощущаться в Соединенных Штатах начиная с 1920-х гг., хотя о Гуссерле в американских журналах писали и раньше», – отмечает Марвин Фарбер (Farber, 1967: 17). Столь же верно замечание Шпигельберга о том, что феноменология могла начать закрепляться в США лишь после учебных визитов в Германию Фарбера и Кэрнса и по возвращении – защиты ими диссертаций (Spiegelberg, 1994: 663). Буквально следующие же годы, последовавшие за смертью Гуссерля (1938 г.), стали началом систематической рецепции феноменологии в США. Справедливости ради следует отметить, что самая первая трансляция идей немецкой феноменологии в англоязычное пространство начинается уже в первые годы после выхода «Логических исследований». Однако наиболее ранняя публикация, которую имеет в виду Фарбер, касается второстепенных для трансцендентальной феноменологии вопросов (Vixler, 1929), она не является ни самым первым, ни наиболее значимым эпизодом соприкосновения Гуссерля с американской философией. Период, о котором говорит Шпигельберг, также является всего лишь продолжением истории, которая имеет значительно более давнее начало. Наша цель заключается в том, чтобы добавить несколько важных штрихов к этой картине.

Интерес к Америке в кругах будущей феноменологии присутствовал давно. Еще в 1879 г. Томаш Масарик (1850–1937), будущий первый Президент Чехии, делится с Гуссерлем возникшим у него планом «переехать в Америку», поскольку «там, по крайней мере, действительно имеется свобода, и у кого есть силы, может пойти дальше». (Эти планы не осуществились, хотя в 1902 г. Масарик и выезжал в Чикагский университет с циклом лекций.) «Здесь же лучше преуспевают импотен-

ты», – добавляет он относительно ситуации в Австро-Венгрии (из письма Гуссерлю от 7 января 1879 г. (Husserl, 1994a: 105)).

Между тем, вплоть до 1905–1907 гг. американские философы, если и слышали о Гуссерле, то совершенно не считали его значимой фигурой. В 1906 г. у Ч.С. Пирса встречается беглая ремарка о «выдающемся Гуссерле», одном из логиков, которые его, Пирса, не интересуют (Spiegelberg, 1981: 114). Вряд ли повод обратить внимание на своего немецкого коллегу был и у Джеймса, не особо ценившего занятия логическими проблемами, а кроме того, возможно, слышавшего о критике психологизма в «Логических исследованиях» (для самого Джеймса проблемы психологии, как известно, были необычайно важны). Немаловажным является и тот факт, что Джеймс сам воспринимал себя как философа в оппозиции к образцу «немецкого ученого» (Edie, 1970: 481). Все это в целом никак не способствовало знакомству американских ученых и студентов с феноменологией. Один из тех, кто все-таки получил такую возможность, У. Хокинг, рассказывал даже, что от Г. Мюнстерберга (в то время председателя комиссии по распределению стипендий для обучения за рубежом) звучало отчетливое предупреждение: руководство не одобрит таких стипендий, при которых «студенты изолировали себя в провинциальных университетах» (Spiegelberg, 1981: 114). Это напоминание предостерегало студентов от стажировок в университетах, которые американские профессора могли счесть недостаточно крупными и влиятельными. В условиях, когда контакты с зарубежными коллегами еще не имели систематического характера, большое значение имело общение, происходившее на американской территории. Так, например, Мориц Гайгер (1880–1937), представитель мюнхенской школы феноменологии, в 1906 г. слушавший лекции Гуссерля в Геттингене (а с 1913 г. вместе с Гуссерлем – соиздатель «Ежегодника»), в зимнем семестре

1907–08 гг. на протяжении трех месяцев работал в Гарварде с тем самым Мюнстербергом; имел контакты с У. Джеймсом. «[В] целом – чистый психологизм, сопровождающийся резкими атаками против Вас, – сообщает Гайгер Гуссерлю свои впечатления об одной из дискуссий. – И тут, конечно, разыгралась нешуточная битва» (Husserl, 1994b: 92–93). «Хотя мои перспективы здесь крайне невелики, меня сильно тянет связать свою судьбу с Америкой, возможно, на всю жизнь», – сообщает он в другом из писем (Ibid.: 99).

Между тем, «американскую тему» Гуссерль будет еще неоднократно поднимать в общении со своими коллегами. В 1912–1913 гг. Америка интересует Макса Шелера, который уже некоторое время лишен возможностей преподавания в Германии (Ibid.: 222–223); при этом Шелер надеется встретить интерес к себе в кругах «новых американских реалистов». Один из любопытных эпизодов датирован 1932-м годом. Гуссерль направляет Морицу Гайгеру одного из обратившихся к нему молодых коллег – тот должен выступить в Геттингене с докладом перед «Обществом английско-американской культуры». В рекомендательном письме Гуссерля довольно отчетливы две разнонаправленные линии: с одной стороны, «он вообще великолепный и при этом высокоодаренный человек», однако «не мой ученик», – считает необходимым тут же добавить Гуссерль, – «вероятно, ученик Дьюи. Хотя непонятно, следует ли его называть философом» (Ibid.: 115).

Казалось бы, новые возможности для феноменологии и ее известности за пределами Германии открываются после 1911 г.: Гуссерль сперва выступает с программной статьей «Философия как строгая наука» (в журнале «Логос»). Через два года происходит сразу два важных события: Гуссерль публикует первую часть своего систематического труда «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), а кроме того, он выступает в качестве главного устроителя научно-

организационного проекта: периодического издания под названием «Ежегодник феноменологии и феноменологических исследований». Собственно, лишь начиная с этих лет феноменология становится вполне признанным течением поначалу в своей собственной стране, а позднее и за рубежом.

Однако уже в 1914 г. философов разных стран разделяет Первая мировая война. Начинается соревнование диагнозов культуры, оценок мировоззрения противоборствующих сторон, от которых мало кто из философов того времени сумел остаться в стороне. Три лекции, прочитанные в 1917 г. для участников войны из Фрайбургского университета, Гуссерль открывает риторической конструкцией, состоящей из трех элементов: «величие и уникальность Германии – необходимость возрождения внутренних сил народа – идеализм». Вот какой ландшафт открывается перед взором Гуссерля. После отдельных «горных исполинов», «одиноких великих умов» (Коперника, Кеплера, а затем Лейбница), «...вздывается сразу целая гряда духовного величия: Лессинг, Гердер, Винкельман, Вильгельм фон Гумбольдт <...> Гёте и Шиллер <...> гений Канта и <...> величественная горная гряда со многими труднодостижимыми вершинами: Фихте, Шеллинг, Гегель, Шлейермахер, Шопенгауэр...» (Гуссерль, 2010: 366). И вот «пришла теперь эта война». «Ради какой цели?», – спрашивает феноменолог, тут же отвечая: «...цель эта именно в том, чтобы сокрушить мощь Германии, чтобы лишить немецкий народ плодотворной жизни и созидających деяний» (там же: 367). «Есть ли во всей истории народ с более великой судьбой, есть ли народ, которому выпали более трудные испытания? <...> Уже столетие ведет наш немецкий народ борьбу за существование. Германия, вместе с Пруссией униженная при Йене, встала и победила» (там же). Горькой иронией звучат сегодня эти призывы обратить внимание на сокровища немецкого духа и поднять униженный, непонятый «немецкий народ»

на борьбу. В контексте будущего распространения феноменологии на американский континент об этом, быть может, не стоило и говорить. Если бы не третий элемент этой риторической структуры: *идеализм*. Некогда Германия победила «именно благодаря силе нового духа, который пробудил в ней немецкий идеализм», – напоминает Гуссерль (там же).

Американские и британские коллеги Гуссерля, разумеется, не слышали этой его лекции. Тем более они совершенно не догадывались, что уже в первые годы после их выхода Гуссерль интересуется ситуацией в «англо-американском мире», связывая свои надежды именно с идеализмом. В письме Францу Brentano (от 27.12.1905) об одном из его студентов из США, Вальтере Питкине (тот планировал даже перевод на английский язык «Логических исследований», для чего и навещал Гуссерля в 1905 г.), говорит как о «хороших представителях нового, идеалистического поколения американцев» (Husserl: 39). Однако англоязычный мир к тому времени уже с достаточной пронизательностью видел идеализм как едва ли не главную черту немецкой культуры. Именно против этого «идеализма» была направлена вся мощь диагностики со стороны англо-американского мира.

2. Англоязычный мир против идеализма

В те же самые годы, в которые немецкие мыслители апеллируют к идеализму, по другую сторону океана видят в идеализме не только величие, но и величайшую опасность. «Безусловно, главной чертой немецкой цивилизации, – отмечает Д. Дьюи, – является сочетание в ней сознающего себя идеализма с непревзойденной технической эффективностью и организованностью в самых различных областях жизни» (Dewey, 1915: 28). С этой чертой связан комплекс самых разных следствий. Во-первых, предпочитая жизни «в настоящем» – жизнь в «бесконечном и невыразимом» (Ibid.: 45), «немцы более других народов склонны удалиться от насущных и непредвиденных обстоятельств

жизни в сферу Innerlichkeit («внутреннего мира». – И.М.), а она, как кажется, безгранична» (Ibid.). В какой мере такие характеристики точны и могут быть допустимыми в отношении той или иной нации, народа, мировоззрения в целом? За последние два столетия подобные оценки не раз озвучивались самими немцами, независимо от занимаемых ими философских позиций. Что может следовать из подобной мировоззренческой ориентации немецких мыслителей? Во-первых, характер культуры, в значительной степени связанной со своей историей и излишне зависимой от нее, может принимать форму не критического следования традиции или преимущественно «музейной» ее ориентации. Во-вторых, ориентация на «идеализм» и «духовность» может приводить к результатам, обратным по отношению к тем, на которые при этом надеются. Практика редукции «научного метода и научных заключений к области, которая находится за пределами социальной жизни» (Dewey, 1942: 47) может сказываться на отсутствии влияния подобного мировоззрения «в мире повседневном» (Dewey, 1915: 10). Громко провозглашаемые нравственно-этические нормы могут оборачиваться своей противоположностью: «Мне кажется, есть нечто жутковатое в том презрении, с которым немецкая этика, руководствуясь непорочным моральным идеализмом, обрушивается на теорию, исходящую из познаваемости практических мотивов» (Ibid.: 58).

Можно представить, что это сочетание идеализма с презрением к практическим мотивам, которое столь часто отмечают американские наблюдатели, должно представляться им загадочным. Впрочем, выдвигается гипотеза также и относительно этого сочетания. «Главное в том, что Германия более любой другой нации – в некотором смысле даже единственная среди других наций – воплощает в себе важнейший принцип человечности (humanity): свободы духа, соединенного с тщательной и внимательной к деталям работой в сфере внешнего, где господствует закон причин-

ности, где послушание, дисциплина и субординация необходимы для успешной организации» (Ibid.: 36-37). Хотя в 1915 г. критика идеализма со стороны Дьюи не затрагивает феноменологию в эксплицитной форме, однако уже в последующие десятилетия она будет иметь значение для восприятия феноменологии в американском мире. Начало Второй мировой войны заставит повторить многие оценки практически без изменений (Dewey, 1942: 69, 81, 81-82, 56, 91, 75). Но еще несколькими годами до этого, под впечатлением доходивших из Германии новостей внутренней политики национал-социалистов, все тот же немецкий идеализм становится главной мишенью новой критики германского мирозерцания. В 1935 г. филолог и германист Элиза Батлер (1885–1959) выступает с новой критикой немецкого духа, делая на этот раз объектом рассмотрения «грекофилию» немецкой культуры. И вновь идеализм становится одной из главных черт, вызывающих подозрения. «Немцы безнадежно лелеют страсть к Абсолюту, в каком бы облике и под каким именем они его ни воображали», – полагает Батлер, считающая это «опасным идеализмом» (Butler, 1958: 3). «Великие достижения немцев, их катастрофические неудачи, их трагическая политическая история, – на всем лежит печать этого опасного идеализма», – полагает автор (Ibid.).

А что же говорится в первые десятилетия XX в. о феноменологии? К 30-м годам, когда известность феноменологии в англоязычном мире неизмеримо выше, зарубежные обозреватели начинают воспринимать ее уже как концентрированное выражение не только немецкой национальной традиции: «С исторической точки зрения, феноменология имеет характер нового синтеза современных европейских традиций» (Friess, 1930: 408). Как в 1930 г., так и ранее в отношении всей немецкой философии отмечают «прогресс знания во многих областях, интенсивно разрабатывавшихся специалистами [отдельных] наук» (Ibid.: 398-399) и сопутствующую ему «от-

четливую тенденцию к конкретному наблюдению» (Wind, 1925: 529). Однако и к 30-м гг. рецензенты отмечают преобладание «идеалистической» ориентации немецкой культуры: «<Немецкая> современность (включая “феноменологическую философию”) все-таки еще находится под влиянием <...> нового романтизма» (Friess, 1930: 414).

3. Имена американской феноменологии: начало и систематический этап рецепции

Традиционно считается, что за рубежом феноменология ранее всего получила распространение в Японии и США. (Я не касаюсь здесь вопроса о том, что российская рецепция, хотя и была прервана революцией, имела не менее давнюю историю.) Из сравнительно большого числа американцев, приезжавших в первые десятилетия XX в. в немецкие университеты, наибольшее влияние в своих странах затем оказали философы, в той или иной мере учившиеся у Гуссерля, главным образом в 20-х гг.: Фарбер, слушавший лекции Гуссерля во Фрайбурге в 1923-1924 гг. и Дорион Кэрнс (1901–1973), побывавший во Фрайбурге в 1924–26, а затем повторно в 1931–32 гг. Для Гуссерля период с 1913 по 1929 г. – полоса его наибольшей популярности и влияния в Германии; это время, когда Гуссерль, уверенный в себе, своих силах и идеях, спокойно и планомерно работал над расширением известности феноменологии за пределами Германии и, в частности, среди своих американских коллег.

Очень скоро вопрос о том, кого считать «американским» ученым, станет значительно более сложным. В 30–40-х гг. из Европы начинает уезжать довольно большое количество философов, так или иначе связанных с феноменологией. Непросто с А. Шюцем (1899–1959), австрийским ученым, эмигрировавшим в США и долгое время работавшим «в стол», получившим постоянную должность профессора лишь за три года до смерти. Еще более непросто с известным теоретиком проблем восприя-

тия Ароном Гурвичем (1901–1973), родившимся на территории Российской империи (г. Вильнюс), закончившим свою карьеру в США, однако продолжительное время работавшим во Франции и Германии (а умершим в Швейцарии). Входя в новую научную среду, европейские идеи, конечно же, «сплавлялись», «накладывались» на «исконно американскую» традицию. В случае Марвина Фарбера это проявляется в постоянном стремлении прочесть идеи немецкой традиции через таких американских классиков, как У. Джеймс, Д. Дьюи; его интерпретациям это придает иногда совершенно неожиданные повороты.

Для понимания последующих судеб феноменологии в США важны по крайней мере еще два момента. Во-первых, феноменология была лишь одной из частей массивного интеллектуального «импорта», осуществлявшегося в течение сравнительно короткого временного промежутка – одного-полутора десятилетий. При этом – по крайней мере, в эти десятилетия – в балансе импорта/экспорта идей США были однозначно принимающей стороной: «степень, в которой американская духовная жизнь зависела от неамериканского мышления, не сравнима с влиянием американской мысли за рубежом», – отмечает американский философ Г. Шнайдер в 1946 г., тут же дополняя эту характеристику следующей довольно суровой оценкой: «Долгое время после того, как Америка отвоевала свою политическую независимость, она духовно продолжала быть колонией, ее дух еще долго оставался провинциальным. Духовно мы по-прежнему живем на краю европейской культуры» (Schneider, 1957: VII). Удивительные слова! Они тем более важны для понимания того, насколько изменилась ситуация три четверти века спустя.

Второй немаловажный момент заключается в том, что, хотя «импорт» приходил, как правило, разделенный на отчетливо выраженные традиции (Шнайдер упоминает Уайтхеда – Рассела – Мура и «схоластику Парижа»), он мог быть при-

чудливо переплетен с тем, что для многих будет выглядеть совершенно несовместимым. «Из Вены или через нее» пришли: «различные направления аксиологии, экзистенциализм, феноменология, логический позитивизм, психоанализ и социализм» (Ibid.). Что касается экзистенциализма и феноменологии, то указание на Вену как источник не выглядит достаточно убедительным – несмотря на известное значение Вены для раннего Гуссерля (защиту диссертации в 1883 г., общение с Ф. Brentano в 1884 г., венские лекции 1936 г.) а также на деятельность А. Шюца в этом городе. Однако логический позитивизм, психоанализ и социалистические идеи действительно формировали духовный облик Вены первых десятилетий XX в. Важнейшим фактором развития феноменологии в США стало то, что идеи приходили вместе с людьми. Иначе говоря, дело было не только в восприятии умственных течений. Нам еще не раз встретятся броские метафоры «второго рождения» американской философии, этого дитя «двух континентов» или «борьбы за (философскую) независимость» (Kraushaar, 1940) и проч. Сходными будут и оценки отношения немецкой философии к другим национальным традициям (McGill, 1940).

4. Эпизоды Геттингенского периода

Геттингенский период принес Гуссерлю контакты не только из США. В 1910 г. канадец Уинтроп Пикард Белл (1884–1965), впоследствии философ, теолог и историк, продолжил свою учебу в Лейпциге; уже на следующий год, увлекшись феноменологией, перевелся к Гуссерлю в Геттинген. Там, 7 августа, в первые дни Первой мировой войны, он защитил под руководством Гуссерля диссертацию. Уже довольно скоро, в результате доноса (обвинение в критике кайзера), Белла заключили в лагерь для военнопленных, где он находился с начала 1915 г. и до окончания войны. Именно туда, в лагерь, было адресовано ему одно из писем от Э. Гуссерля (Husserl, 1994c: 3-58). Доку-

менты этого общения, продолжавшегося по крайней мере до ноября 1925 г., ценны, помимо прочего, информацией о неожиданном канале популяризации феноменологии. «Феноменологические кружки и стихийно организовывавшиеся курсы лекций по феноменологии организовывались не только там, где держали Вас, но и во французских и даже российских лагерях для военнопленных», – не без гордости сообщает Гуссерль Беллу (Ibid.: 13-14). (Доклады по феноменологии в одном из сибирских лагерей для военнопленных читал Арнольд Метцгер, одним из первых (1933 г.) популяризовавших тему «феноменология и метафизика» (Metzger, 1966), а по возвращении из плена написавший трактат «Феноменология революции» (Metzger, 1979)).

По письмам начала–середины 20-х гг. мы наглядно видим, как реализуется сложная программа презентации феноменологии в англоязычном пространстве. (Речь идет пока не об американской философской среде, однако лондонская «дипломатическая поездка» будет иметь важное значение для популяризации идей, которой через 15 лет займется Фарбер.) Декабрь 1921 г. отмечен для Гуссерля событием, о котором он говорит как о «знаке» и «чуде» (Husserl, 1994c: 30): его приглашают выступить с четырьмя докладами в Лондонском университете (Husserl, 1999). Это известие запускает сложный процесс подготовки, включающий в себя изучение своей будущей аудитории и даже написание краткого резюме, «тезисов» (так называемых “Syllabus” (Husserl, 1970)), для облегчения восприятия идей слушателями. Ни к одной из задач Гуссерль не чувствует себя вполне готовым, прося о помощи своего канадского коллегу («не стоит ли взглянуть в труды Бредли? Может, еще других [философов]? Кто еще, собственно, в Лондоне? Хикс? Бозанкет?») (Husserl, 1994c: 30)). «Досадно, что именно мне, отшельнику, столь мало знающему английскую философскую литературу, предстоит ехать в Англию. Надеюсь, я сумею

достойно выбраться из этой петли» (Ibid.: 33). Перевод тезисов Гуссерль также возлагает на Белла, а сам начинает брать уроки английского, «чтобы понимать по крайней мере медленную речь» (Ibid.: 34).

Но значительно важнее концептуально-теоретическая подготовка. Необходимо определить узловые моменты предстоящих выступлений, которые непременно потребуют особого разъяснения ввиду особенностей философской традиции той аудитории, к которой направляется Гуссерль. Белл помогает определить центральную тему, от которой зависит понимание смысла феноменологической программы. Ее описывает группа понятий «усмотрение сущности», «интуиция» и «категориальное созерцание». «Что служит критерием для того, чтобы мы назвали нечто усмотрением [сущности]? Что мешает назвать “интуицией” какой-либо наш предрассудок?» – подсказывает Белл совершенно естественные вопросы, возникающие с позиций традиционной философии. Интуиция должна быть отделена от нерационального «видения» и увязана с «логической интуицией, получившей признание благодаря Расселу» (Ibid.: 36-37). Белл рекомендует Гуссерлю показать «лондонскому миру философов» задачи феноменологии, очертив «границы еще не исследованных областей синтетических априорных истин» (Ibid.), то есть изложить задачи феноменологии на более привычном (кантианском) языке. Рекомендовалось также разъяснить, что оправданность задач анализа интенционального сознания не может поставить под сомнение неоспоримый факт ограниченности конкретного человеческого сознания. Необходимо было еще показать перспективу: теория познания, которой уделяет столь большое внимание феноменология, не замыкается на себя – она потенциально есть «врата к метафизическим началам»; феноменология есть учение о том, «как могут и должны быть оригинально даны различные виды бытия» (Ibid.: 37). Сегодня мы можем с определенной долей уверенности заключить, что как раз по

этим критическим для понимания феноменологии вопросам Гуссерлю не удалось дать изложения столь убедительного, чтобы оно было принято в американском мире.

Сравнительно новым документом, добавляющим важные штрихи к стратегии популяризации феноменологии в англоязычном мире, становится публикация в рамках гуссерлианы работы, к которой сам Гуссерль, если и имел прямое отношение, то лишь в качестве научного руководителя, однако никак не автора. Речь идет о диссертации У.П. Белла на тему «Критическое исследование теории познания Джосайи Ройса» (Bell, 2018). Следует заметить, что эта публикация в рамках собрания сочинений Гуссерля – пусть и в составе отдельного подраздела «Документы/материалы» – практически не имеет аналогов. Единственным текстом, ранее заслужившим эту честь, был проект гуссерлевского ассистента О. Финка, представившего свой проект «Шестой картезианской медитации» (Fink, 1988). Однако тот текст имеет совершенно особый статус. Это одно из немногих произведений, которое Гуссерль считал возможным рассматривать как пример подлинного «сотворчества»: «Шестая медитация» уже на уровне названия продолжает тематику одного из его собственных произведений (Hua I). Приведем наиболее показательный аргумент. Отталкиваясь от проблемы интерсубъективности, Белл заявляет, что Ройс смешивает два понятия «Другого» («другой», «чужой» субъективности): «Другого» как подразумеваемого («полагаемого») моей собственной субъективностью – и «Другого», который тем или иным образом получает от меня сообщение о моих актах и затем должен их «осуществить» в своей собственной субъективности. (Так на языке Гуссерля могло бы выглядеть изображение *понимания*, возникающего в научной коммуникации.) Из-за этого смешения, полагает Белл, способ данности вещных свойств должен представляться Ройсу ограниченным *явлениями*, оказываться

«только лишь для нас являющимся», «видимостью» (Schein), «фантомом». Сведя один из вопросов философии Ройса к давней проблеме кантианства, Белл именно в этой ситуации видит возможность выгодно показать преимущества гуссерлевской феноменологии: та умеет демонстрировать феномены так, как они дают себя «изначально» (originär), выстраивая затем на этой основе систематическое учение о сущностях (Bell, 2018: 242).

5. Две стратегии популяризации феноменологии

Приживление феноменологии на американской почве становится «равнодействующей» по крайней мере двух стратегий: немецкой (1) и американской (2). С немецкой стороны она состоит из четырех направлений. 1.1 Гуссерль стремится «зацепить» принцип идеализма за традиции, присутствующие в британской и американских традициях (выполненные под его руководством исследования философии Д. Ройса). 1.2 Гуссерль агитирует за феноменологию как фундаментальную программу обоснования научного знания, имеющую значение для всех частных наук. 1.3 Для продвижения феноменологии Гуссерль активно использует в качестве дипломатических представителей ученых, в разное время изучавших философию под его руководством. 1.4 Одним из средств пропаганды является стремление утвердить собственную версию трансцендентальной феноменологии не просто в качестве основной, но также и единственно верной (а ее трактовку Шелером и Хайдеггером – как «искажения» ее подлинного смысла).

Старания американских коллег (2), помогающих добиться признания феноменологии как новой философской программы, во многом совпадают с усилиями Гуссерля. 2.1 Главная часть стратегии также заключается в демонстрации родственности феноменологии тем философским подходам, которые уже присутствовали в англоязычном мире. Поиск мыслителей, труды которых могли бы подтвердить акту-

альность поднимаемых Гуссерлем проблем, сосредотачиваются, в основном, на двух фигурах: У. Джеймса, с опорой на его теорию «потока сознания», а также Ш. Ходсона, у которого можно найти обоснование методических процедур, сходных с феноменологической редукцией (Farber, 1967: 16); (Spiegelberg, 1981); (Spicker, 1971). Эта часть стратегии заключала в себе серьезное внутреннее противоречие, обусловленное противоположностью устремлений трансцендентальной феноменологии и прагматизма, на которые мы обращали внимание в данной статье.

2.2 Американские последователи Гуссерля всеми средствами акцентировали потенциал феноменологии, важный для развития частных областей знания. Однако и здесь рецепция не могла проходить без существенной трансформации исходных принципов гуссерлевской феноменологии, поскольку в этом случае ее приходилось представлять как необходимую часть общенаучных методов исследования – что подрывало притязания Гуссерля на исключительность, уникальность предложенной им философской программы.

2.3 В силу ряда причин любая рецепция феноменологии за пределами Германии неизбежно принимала форму гуссерлианства. В свою очередь, это обстоятельство приводило к тому, что проблема феноменологии и опиравшихся на нее экзистенциализма и философской антропологии на протяжении нескольких десятилетий оставалась широко обсуждаемой, но при этом все же «закрытой», неверно интерпретированной темой.

Литература

Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.

Гуссерль, Э. Фихтевский идеал человечества. Три лекции / Пер. с нем. В.И. Молчанова // Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010. М.: РГГУ, 2010. С. 366-394.

Bell, W.P. Eine kritische Untersuchung der Erkenntnistheorie Josiah Royces (Husserliana. Dokumente. Bd. V). Dordrecht: Springer, 2018.

Bixler, J.S. German Phenomenology and Its Implications for Religion // The Journal of Religion. 1929. No 9 (4). P. 589-606.

Butler, E.M. The Tyranny of Greece over Germany. Boston: Beacon Press, 1958.

Cho, K.K. Marvin Farber (1901–1980) in memoriam // Phänomenologische Forschungen. 1982. No. 12. P. 145-172.

Dewey, J. German Philosophy and Politics. New York: Henry Holt and Co., 1915

Dewey, J. German Philosophy and Politics, New York: G.P. Putnam's Sons, 1942.

Edie, J.M. William James and Phenomenology // The Review of Metaphysics. 1970. No. 23 (3). P. 481-526.

Farber, M. Phenomenology and Existence: Toward a Philosophy within Nature. New York: Harper & Row, 1967.

Fink, E. VI. Cartesianische Meditation. I: Die Idee einer Transzendentalen Methodenlehre (Husserliana. Dokumente. Bd. II. Teil 1). Dordrecht: Kluwer, 1988.

Friess, H.L. The Progress of German Philosophy in the Last Hundred Years // The Journal of Philosophy. 1939. No. 27 (15). P. 396-415.

Hocking, W.E. From the early days of the “Logische Untersuchungen” // Edmund Husserl. 1859–1959. The Hague: M. Nijhoff, 1959. P. 1-11.

Husserl, E. Nachwort zu meinen “Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie” // Jahrbuch für Philosophie Und Phänomenologische Forschung. 1930. No. 11. P. 549-570.

Husserl, E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. 2 Aufl. Dordrecht: Kluwer, 1963.

Husserl, E. Syllabus of a Course of Four Lectures on “Phenomenological Method and Phenomenological Philosophy” // Journal of the British Society for Phenomenology. 1970. No. 2. P. 18-23.

Husserl, E. Briefwechsel (Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 1. Brentano-Schule). Dordrecht: Kluwer, 1994. (a)

Husserl, E. Briefwechsel (Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 2. Die Münchener Phänomenologen). Dordrecht: Kluwer, 1994. (b)

Husserl, E. Briefwechsel (Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 3: Die Göttinger Schule). Dordrecht: Kluwer, 1994. (c)

Husserl, E. Briefwechsel (Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 4: Die Freiburger Schüler). Dordrecht: Kluwer, 1994. (d)

Kraushaar, O.F. Lotze's Influence on the Pragmatism and Practical Philosophy of William James // *Journal of the History of Ideas*. 1940. No. 4 (1). P. 439-458.

McGill, V.J. Notes on Philosophy in Nazi Germany // *Science & Society*, 1940. No. 4 (1). P. 12-28.

Metzger, A. Phänomenologie und Metaphysik. Das Problem des Relativismus und seiner Überwindung. 2 Aufl. III (1. Aufl. 1933). Pfullingen, 1966. 373 S.

Metzger, A. Phänomenologie der Revolution. Frühe Schriften., Frankfurt a. M.: Syndikat, 1979.

Schneider, H. Geschichte der amerikanischen Philosophie., Hamburg: Meiner Verl., 1957.

Spicker, S.F. Shadworth Hodgson's Reduction as an Anticipation of Husserl's Phenomenological Psychology // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1971. Vol. 2. Iss. 2. P. 57-73.

Spiegelberg, H. The Context of the Phenomenological Movement (Phaenomenologica. Vol 80). Dordrecht: Springer, 1981.

Spiegelberg, H. The Phenomenological Movement. 3d Edit. The Hague: Nijhoff, 1994.

Wind, E. Contemporary German Philosophy. II // *The Journal of Philosophy*. 1925. Vol. 22. No. 19. P. 516-530.

References

Bell, W. P. (2018) *Eine kritische Untersuchung der Erkenntnistheorie Josiah Royces. Mit Kommentaren und Änderungsvorschlägen von Edmund Husserl*, in: Husserliana. Dokumente. Bd. V, Springer, Dordrecht (in Deutsch).

Bixler, J. S. (1929), "German Phenomenology and Its Implications for Religion", *The Journal of Religion*, 9 (4), 589-606.

Butler, E. M. (1958), *The Tyranny of Greece over Germany*. Beacon Press, Boston.

Cho, K. K. (1982), "Marvin Farber (1901-1980) in memoriam", *Phänomenologische Forschungen*, 12, 145-172.

Dewey, J. (1915), *German Philosophy and Politics*, Henry Holt and Co., New York.

Dewey, J. (1942), *German Philosophy and Politics*, G. P. Putnam's Sons, New York.

Edie, J. M. (1970), "William James and Phenomenology", *The Review of Metaphysics*, 23 (3), 481-526.

Farber, M. (1967), *Phenomenology and Existence: Toward a Philosophy within Nature*. Harper & Row, New York.

Fink, E. (1988), *VI. Cartesianische Meditation. I: Die Idee einer Transzendentalen Methodenlehre*, in: Husserliana. Dokumente. Bd. II. Teil 1. Kluwer, Dordrecht (in Deutsch).

Friess, H. L. (1939), "The Progress of German Philosophy in the Last Hundred Years", *The Journal of Philosophy*, 27 (15), 396-415.

Hocking, W. E. (1959), "From the early days of the "Logische Untersuchungen"", *Edmund Husserl. 1859-1959*. Nijhoff, The Hague, 1-11.

Husserl, E. (1930), "Nachwort zu meinen "Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie"", *Jahrbuch für Philosophie Und Phänomenologische Forschung*, 11, 549-570 (in Deutsch).

Husserl, E. (1963), *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge*, Hg. v. St. Strasser, 2 Aufl. Kluwer, Dordrecht (in Deutsch).

Husserl, E. (1970), "Syllabus of a Course of Four Lectures on "Phenomenological Method and Phenomenological Philosophy"", *Journal of the British Society for Phenomenology*, (2), 18-23.

Husserl, E. (1994a), *Briefwechsel*, in: Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 1. Brentano-Schule. Kluwer, Dordrecht, 1994 (in Deutsch).

Husserl, E. (1994b), *Briefwechsel*, in: Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 2. Die Münchener Phänomenologen. Dordrecht, Kluwer (in Deutsch).

Husserl, E. (1994c), *Briefwechsel*, in: Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 3: Die Göttinger Schule. Dordrecht, Kluwer (in Deutsch).

Husserl, E. (1994d), *Briefwechsel*, in: Husserliana. Dokumente. Bd. III. Teil 4: Die Freiburger Schüler. Dordrecht, Kluwer (in Deutsch).

Husserl, E. (2009), *Ideji k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaja* [Ideen zu einer Reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch], transl. by A. V. Mihajlov, Akademicheskij Proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Husserl, E. (2010), "Fichtes Ideal Der Menschheit. Drei Vorlesungen", *Ezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii* [Annual for phenomenological Philosophy]. 2009/2010, Rossiysky gosudarstvennyy humanitarny universitet, Moscow, 366-394 (in Russ.).

Kraushaar, O. F. (1940), "Lotze's Influence on the Pragmatism and Practical Philosophy of William James", *Journal of the History of Ideas*, 1940, 4 (1), 439-458.

McGill, V. J. (1940) "Notes on Philosophy in Nazi Germany", *Science & Society*, 4 (1), 12-28.

Metzger, A. (1966), *Phänomenologie und Metaphysik. Das Problem des Relativismus und seiner Überwindung*. 2. Aufl. III (1. Aufl. 1933), Pfullingen, 1966 (in Deutsch).

Metzger, A. (1979), *Phänomenologie der Revolution. Frühe Schriften*. Syndikat, Frankfurt a. M. (in Deutsch).

Schneider, H. (1957), *Geschichte der amerikanischen Philosophie*. Meiner Verl., Hamburg (in Deutsch).

Spicker, S. F. (1971), "Shadworth Hodgson's Reduction as an Anticipation of Husserl's Phenomenological Psychology", *Journal of the British Society for Phenomenology*. 2 (2), 57-73 (in Deutsch).

Spiegelberg, H. (1981) *The Context of the Phenomenological Movement* (Phaenomenologica, vol. 80), Springer, Dordrecht.

Spiegelberg, H. (1994) *The Phenomenological Movement*, 3d Edit, Nijhoff, The Hague.

Wind, E. (1925) "Contemporary German Philosophy. II", *The Journal of Philosophy*, 22 (19), 516-530.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Михайлов Игорь Анатольевич,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, сектор истории западной философии, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация;
ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016

ABOUT THE AUTHOR:

Igor A. Mikhaylov, PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Sector of the History of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation;
ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-3

Кораев Г. Т.

Теоретизм, эстетизм, историзм: новое прочтение критической части «К философии поступка» М.М. Бахтина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14,
г. Калининград, 236016, Россия; *germankoraev@gmail.com*

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о том, что в работе «К философии поступка» М.М. Бахтин критиковал не только теоретизм и эстетизм, но и историзм. Гипотеза подкрепляется двумя аргументами – аргументом от текста бахтинской работы и аргументом от логики бахтинского рассуждения. Проводится реконструкция бахтинской критики историзма. Показывается, каковы основные свойства, присущие историзму, согласно Бахтину, достоинства историзма и его недостатки. Демонстрируется, что главным представителем историзма в бахтинском понимании следует считать В. Дильтея.

Ключевые слова: философия Бахтина; теоретизм; эстетизм; бахтинская критика историзма; конкретная историчность

Для цитирования: Кораев Г.Т. Теоретизм, эстетизм, историзм: новое прочтение критической части «К философии поступка» М.М. Бахтина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 27-37. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-3

G. T. Koraev

Theoreticism, Aestheticism, Historicism: new interpretation of critical part of M.M. Bakhtin's 'Toward a Philosophy of the Act'

Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; *germankoraev@gmail.com*

Abstract. The article proposes a hypothesis that in his work "Towards a Philosophy of the Act" M.M. Bakhtin criticized not only theoreticism and aestheticism, but also historicism. The hypothesis is supported by two arguments – an argument from the text of Bakhtin's work and an argument from the logic of Bakhtin's reasoning. A reconstruction of Bakhtin's criticism of historicism is being carried out. The article reveals the main properties inherent in historicism, according to Bakhtin, the advantages of historicism and its shortcomings. It is shown that W. Dilthey should be considered the main representative of historicism in Bakhtin's understanding.

Key words: Philosophy of Bakhtin; Theoreticism; Aestheticism; Bakhtin's critic of Historicism; concrete historicity

For citation: Koraev G. T. (2021), "Theoreticism, Aestheticism, Historicism: new interpretation of critical part of M.M. Bakhtin's "Toward a Philosophy of the Act"",

Research Result. Social Studies and Humanities, 7 (4), 27-37, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-3

Изучать мысль Бахтина сложно, хотя его философское наследие невелико. Бахтин не Хайдеггер и не Деррида; чтобы перечислить его философские работы, хватит пальцев одной руки. Но он близок названным философам способом мыслить, его стиль необычен.

В текстах Бахтина имеется в достатке темных мест и трудноподъемных абзацев, философских техницизмов и неологизмов, но также в них заметна чуткая работа с языком – множество бахтинских понятий рекрутировано им в философские ряды из слов обыденной речи (не-алиби в бытии, нудительность и т. п.). Ранние работы Бахтина являют собой один из редких примеров самобытного русского философского языка. В обращении к обыденной речи, в работе с ней выражается вызов Бахтина предшествующему устоявшемуся и не удовлетворяющему его философскому языку. И не только языку, но и общепринятому подходу. Это была попытка опереться в первой философии на выраженную в повседневном слове самопонятность и близость жизни, тускнеющую в отвлеченных построениях. Отчасти этим объясняется бахтинское тяготение к описательному методу – он не навязывает и не исключает. Обыденная речь полна *участным словом*, в котором есть место другому и миру.

Ту версию феноменологического метода, которую предложил Бахтин, нельзя назвать строго научной, но отказать Бахтину в стремлении к ясности мышления и изложения мысли тоже нельзя. Терминологическая сухость, конструирование и анализ понятий – далеко не единственный путь философии¹. Бахтин намеренно ста-

¹ Сам Бахтин выражал это так: «Печальное недоразумение, наследие рационализма, что правда может быть только истиной, слагающейся из общих моментов, что правда положения есть именно повторимое и постоянное в нем, причем общее и то-

рался изменить метод – повести философию по пути *описания* базовых структур сознания, раскрывающих на уровне переживания основные моменты человеческого бытия. Это то, что он обозначал термином *архитектоника события-бытия*.

Правда, Бахтин сам же и отмечал, как тяжело следовать по пути описания, не срываясь в привычную игру с понятиями. В противоположность Расселу, предостерегающему, что за понятиями могут скрываться описания, Бахтин указывал на опасность обратного эффекта – критичного для задач его философского проекта – описания могут незаметно подменяться понятиями.

Делает ли все это мысль Бахтина сложной? Да. Но эти же сложности делают философию Бахтина интересной для изучения. Реальной же сложностью для исследователя, на мой взгляд, становится известная фрагментарность работ Бахтина. Тяжелее всего эта фрагментарность дает себя знать в случае основной его философской работы «К философии поступка».

Эта работа, с одной стороны, не была завершена, с другой – она сохранилась не полностью. Из-за этого многие бахтинские идеи как бы повисают в воздухе: у нас нет ни прямого их авторского разъяснения и определения, ни сколько-нибудь подробного их обоснования. Под центральными понятиями Бахтина образуются своеобразные герменевтические провалы. Из-за этих провалов бывает чрезвычайно трудно определить, как должно выглядеть целое здание бахтинской философии.

При этом перед исследователем стоит сразу две проблемы. Если бы текст «К философии поступка» был только незавершенным, но дошел до нас целиком, то проблема бы заключалась в том, чтобы понять, какие причины заставили Бахтина не

жественное принципиально (логически тождественное)» (Бахтин, 2003: 36).

завершить свой труд. Если бы текст «К философии поступка» был Бахтиным завершен, но дошел бы до нас частично, задача исследователя состояла бы в том, чтобы из дошедшего текста восстановить утраченное смысловое целое. Но на деле имеются обе проблемы сразу: задача состоит в том, чтобы восстановить основные идеи Бахтина по дошедшему фрагменту «К философии поступка», принимая в расчет также, что сама работа закончена не была.

Ситуацию, в которую поставлен исследователь, можно сравнить с ситуацией архитектора, который должен восстановить ценную постройку, имея в наличии только руины так и недостроенного здания. Надо прямо признать: имеющийся у исследователей материал может быть обрамлен *различным*, зачастую противоположным образом. Работа исследователя в случае с философией Бахтина всегда неизбежно будет представлять собой реконструкцию. Если принять во внимание изложенные проблемы, предположение о возможном наличии *белых пятен* в общепринятом исследовательском взгляде на философию Бахтина не покажется невероятной.

Цель моей статьи – показать, что одним из таких белых пятен является понятие *историзма*. Моя гипотеза состоит в том, что наравне с *теоретизмом* и *эстетизмом* Бахтин в своей работе «К философии поступка» выделял и критиковал также третий подход к мышлению о бытии, которым является историзм. В литературе о философии Бахтина *критика историзма* в «К философии поступка» еще не подвергалась исследовательскому анализу².

² В концептуальном плане отношение Бахтина к историзму анализирует О.Л. Грановская (см.: Грановская, 2019). Однако в ее статье речь идет об историзме Бахтина в несколько ином смысле – историзме как мировоззренческой позиции, сочетающей установки на интерсубъективность истины с критикой релятивизма: «То, что правильно и рационально в одной ситуации, может быть нерациональным в другой. И с этим утверждением Бахтин, очевидно, согласен. Однако Бахтин не согласен с релятивистским отрицанием существования абсо-

Обобщая исследовательскую литературу, можно выделить две основные интерпретации критической части «К философии поступка». Первая – в принципе все критикуемые Бахтиным способы мышления о бытии сводит к одному общему роду – теоретизму. Вторая – некритически разделяет критикуемые подходы к бытию на теоретизм и эстетизм. Для поставленной здесь задачи важно, что об историзме как третьем подходе, критикуемом Бахтиным, наряду с теоретизмом (и эстетизмом), нигде речи не ведется.

Приведу лишь несколько примеров для того, чтобы проиллюстрировать *общепринятую* исследовательскую точку зрения по этому вопросу. Показательна интерпретация Л.А. Гоготишвили, данная ею в подробнейшем комментарии-преамбуле к работе «К философии поступка» (Гоготишвили, 2003а), который был опубликован в первом томе собрания сочинений Бахтина. Во-первых, важен сам статус преамбулы, которая уже фактом своего нахождения в собрании сочинений становится как бы «официальным комментарием» к бахтинской работе. К тому же комментарий Гоготишвили является одним из самых скрупулёзных исследований (сочетающих текстологические и историко-философские методы) «К философии поступка» Бахтина.

Позицию Гоготишвили можно выразить так: все критикуемые Бахтиным способы мышления о бытии в принципе сводятся к теоретизму. Так, она пишет про

лютных ценностей и универсальных норм, поскольку именно эта идея разрушает этику поступка. Бахтин ничего не боится так сильно, как самореференции. Если человек лишен “другого”, с которым можно разговаривать, под которого можно подстраиваться, которому можно сопротивляться и, таким образом, стабилизировать собственные импульсы, он рискует оказаться в аморальном мире. И, наконец, Бахтин не предполагал, что “первый голос” в дискурсе может не захотеть слышать второй, или захочет обидеть или даже убить его. Он не думал, что убеждения, разделяющие людей, приводят к унижению, кровопролитию и отказу от коммуникации» (Грановская, 2019: 45-46.).

«общий тезис о неспособности теоретического мышления, претендующего на преодоление дуализма, но принципиально остающегося при этом теоретическим (отвлеченным от единственности Я), к такому преодолению» (Гоготишвили, 2003а: 425), а также замечает, что в работе Бахтина дается «критика трех первоначальных объектов (*теоретических версий* преодоления дуализма): дискурсивного теоретического мышления (1), исторического изображения-описания (2) и эстетического созерцания» [курсив мой. – Г.К.] (Гоготишвили, 2003а: 425).

Той же логики сведения всех критикуемых Бахтиным подходов к теоретизму в серии своих статей, посвященных первой философии Бахтина, придерживается и А.А. Гусейнов. Так он пишет, что Бахтин «акцентировано отделяет свое понимание поступка от биологизма, психологизма, экономизма и любых других редукционистских подходов к нему, именуемых им разновидностями теоретизма» (Гусейнов, 2017: 7). Все критикуемые Бахтиным подходы к мышлению о бытии Гусейнов относит к теоретизму.

Второй вариант интерпретации критической части к «К философии поступка» можно рассмотреть на примере статьи А.В. Кривошеева «Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М. Бахтина» (Кривошеев, 2007). Он постулирует четкое разделение Бахтиным теоретизма и эстетизма, а также противопоставление теоретического мира и мира эстетического. Кривошеев пишет: «Хотя эстетическое бытие и ощутимо ближе к действительному единству единого бытия-события жизни, чем теоретический мир, и потому так велик соблазн эстетизма и эстетизации бытия, которые несколько заглушевают слишком очевидную несообразность чистого теоретизма. Все же эстетическое созерцание-вживание тоже не обеспечивает требуемого и необходимого единства и взаимопроникновения между смысловым содержанием (продуктом) поступка и действительным долженствующим

щим его историческим свершением (актом)» (Кривошеев, 2007: 37).

Имеется методологическая сложность утверждаемой мной позиции, которую я хотел бы обозначить сразу. Она заключается в том, что самого понятия историзм, во всяком случае в дошедшем до исследователей тексте «К философии поступка», Бахтин не употребляет. В работе «К философии поступка» Бахтин использует понятие *историчности*³, которое не является аналогом понятия историзм. Историчность (или *конкретная историчность*⁴) – это понятие, которое призвано подчеркнуть отличие бахтинской позиции от позиции абстрактного философствования.

Бахтин заостряет внимание на единстве смыслового и фактического момента события, а эпитет «конкретный» указывает на уникальный характер такого единства.

³ Согласно В.Л. Махлину, понятие историчности появляется как результат переосмысления и трансформации историзма: «С другой стороны, критика историзма в XX в. имела и глубоко позитивные следствия: научно-гуманитарная революция между двумя мировыми войнами – “настоящий кайрос понимающей историографии” – выросла из продуктивной дискуссии об историзме (прежде всего в Германии) и привела к трансформации историзма на путеводной нити понятия “историчность” (Geschichtlichkeit), обоснованном еще В. Дильтеем, радикализованном М. Хайдеггером в 1920-е и позднее модифицированном Г.-Г. Гадамером в его главной книге “Истина и метод” (1960). В контексте этого “герменевтического поворота” (продолжавшего “критику исторического разума” В. Дильтея) возникли такие ключевые понятия нового гуманитарного мышления, как “абсолютная историчность” (Э. Гуссерль), <...> “большое время” становящейся современности великих произведений прошлого (М.М. Бахтин)» (Махлин, 2013: 19).

⁴ Вот характерное употребление Бахтиным понятия историчность: «Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенное и в определенное время и в определенных условиях, т. е. вся конкретная историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой, и индивидуально-исторический (фактический) – едины и нераздельны в оценке ее, как моего ответственного поступка» (Бахтин, 2003: 8).

Понятие *конкретной историчности* является одним из принципиальных для первой философии Бахтина. Оно проходит сквозь большинство магистральных для нее тем, концентрируя внимание на исторической уникальности (*единственности*) актов жизнеосуществления, то есть на рассмотрении основных феноменов человеческого существования в неразрывном единстве их смысловой стороны со стороны фактической (конкретно-исторической).

О противопоставлении историзма и конкретной историчности несколько слов будет сказано в заключительной части работы. Пока же я вернусь к гипотезе о наличии критики историзма в «К философии поступка» Бахтина.

Итак, термина «историзм» в тексте «К философии поступка» читателю встретить не удастся. Но если использование именно этого термина Бахтиным доказать невозможно (хотя позже я приведу некоторые соображения в защиту его использования), то с феноменом, им описываемым, дело обстоит совершенно иначе. Имеется два аргумента, достаточных, по-видимому, для того, чтобы доказать, что наряду с *теоретизмом* и *эстетизмом* в своей работе Бахтин выделял и критиковал также третий подход к мышлению о бытии – историзм.

Прежде чем переходить к этим аргументам, необходимо сделать несколько подготовительных замечаний. Следует начать с того, что в сохранившемся тексте «К философии поступка» значительное место уделено *критической части*. Критическая часть построена вокруг проблемы, задающей основной тон всей работе. Эта проблема – достижение *подлинного*⁵ зна-

⁵ Выбор слова здесь не случаен. Надо констатировать, что Бахтин хоть и философствует в описательном ключе, но все же вполне прозрачным остается ценностное измерение его философствования. Я имею в виду ту экзистенциальную вовлеченность Бахтина, очевидный пафос его рассуждений, стремящихся быть не просто отстраненной констатацией разбираемого положения дел, но также и его оценкой (зачастую не только теоретической). В этом смысле работа Бахтина прямо

ния о действительном мире, бытии. На взгляд Бахтина, действительный мир – это предмет лишь одной дисциплины – первой философии, которую, собственно, и пытается построить Бахтин⁶.

Обычно критическую часть «К философии поступка» Бахтина излагают по следующей схеме: ни одно направление и ни одна школа научной или философской мысли, согласно Бахтину, не достигает знания о действительном мире, но предлагает лишь различного рода и качества суррогаты такого знания. Предшествующие попытки построить учение о бытии Бахтин признает ошибочными. Все виды этих попыток Бахтин сводит к одному или двум (в зависимости от избранной исследователем интерпретации) основным родам: теоретизму и эстетизму, которые он и критикует.

Собственно, понимание критической части «К философии поступка» как исключительно критики теоретизма и эстетизма является общим местом в бахтинистике. После введения и обоснования понятия историзма станет очевидно, что данная схема, накладываемая исследователями на критическую часть работы Бахтина, является нерелевантной.

Как уже сказано, современному научному и философскому мышлению Бахтин ставит неутешительный диагноз неспособности отразить реальный характер бытия. Эта неспособность приводит к тому, что такое мышление разделяет действительный мир на две части. Как пишет Бахтин, «в результате встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщаю-

настроена на поиск философского знания в высшем смысле – подлинного знания.

⁶ Критикуя попытки сделать мир предметом исключительно теоретического мышления, Бахтин пишет о первой философии и ее предмете: «Но мир, как предмет теоретического познания, стремится выдать себя за *весь мир в его целом*, не только за отвлеченно единое, но и *конкретно-единственное бытие в его возможном целом*, т. е. теоретическое познание пытается построить *первую философию* (prima philosophia)» [курсив мой. – Г.К.] (Бахтин, 2003: 12).

щиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается» (Бахтин, 2003: 7).

Мир культуры Бахтин понимает как замкнутое объективное смысловое единство, а мир жизни – как реальный контекст протекания нашего существования. Два этих мира становятся автономными. При этом одна из отвлеченных сторон мира гипертрофируется, то есть начинает претендовать на исключительное значение единственно действительного мира. Когда гипертрофируется мир культуры – рождается теоретизм⁷.

Теоретизм включает в себя целый ряд философских и научных направлений, среди которых следует выделить в первую очередь крайне редуccionистские – позитивизм и прагматизм. Теоретизм объективирует действительный мир и на этом пути порождает автономный теоретический мир (например, биологический мир, который выдается за весь мир⁸). Претендуя дать

⁷ На теоретизм и эстетизм стоит смотреть как на веберовские идеальные типы. Ясно, что вероятность найти, например, полное воплощение теоретизма среди философских учений стремится к нулю. Важно понимать специфику этих понятий, чтобы увидеть, что Бахтин борется не против конкретных философов, которых он объединяет в условную школу – теоретисты, но с определенным *типом* мышления, широко понятой установкой. Бахтин и сам обращает на это внимание читателя. Критикуя практическую философию кантовского толка за теоретическую логику обоснования чистоты морального закона, он пишет: «Для решения этой задачи [показать, что методы практической философии не отличаются от методов теоретической. – Г.К.] различия между отдельными направлениями не существенны» (Бахтин, 2003: 24). Еще важнее понять логику, стоящую за образованием подобных понятий у Бахтина, так как это позволит увидеть место, занимаемое историзмом в критической части «К философии поступка». Как раз эту логику я и постараюсь вскрыть ниже.

⁸ «При таком положении может казаться, что за вычетом смысловых моментов объективной

объективное знание, теоретизм неизбежно выносит субъекта за скобки. Собственно, за исключение субъекта из мира Бахтин и критикует теоретизм в первую очередь.

Помимо теоретизма Бахтин выделяет и критикует другой подход – эстетизм. Главными представителями эстетизма Бахтин называет философов жизни, а также Шопенгауэра. Эстетизм нацелен на то, чтобы изобразить мир становящимся, динамичным. И в этом Бахтин видит силу эстетизма. Основной же проблемой эстетизма, как и теоретизма, является исключение субъекта из мира. Но исключение субъекта происходит в эстетизме на иных основаниях, нежели в теоретизме. В отличие от методов теоретизма, в основе которых лежит абстрагирование и обобщение, главным методом, который используют представители эстетизма, является, по Бахтину, *эстетическое интуирование*. Мир как продукт эстетического интуирования дан всегда из позиции внаходимого ему субъекта. То есть эстетизм, в отличие от теоретизма, полностью отказывающегося от субъекта и субъективности в своем стремлении к идеалу *объективности*, контрабандой возвращает субъективность в свои построения.

Уже после этого краткого экскурса появляется ряд вопросов к подобной интерпретации критической части «К философии поступка». Вопросы эти могут быть обращены, *во-первых*, к логике самого деления на эстетизм и теоретизм, которые по сути не противостоят друг другу и друг друга не исключают. Ведь если теоретизм вообще элиминирует субъекта, то эстетизм этого субъекта пусть и бессознательно, но сохраняет.

культуры остается голая биологическая субъективность, акт-потребность. Отсюда и кажется, что только как поэт, как ученый я объективен и духовен, т. е. только изнутри созданного мною продукта; <...> Чрезвычайная сложность продукта и элементарная простота мотива. Мы вызвали призрак объективной культуры, который не умеем заклясть» (Бахтин, 2003: 50–51).

Во-вторых, возникает вопрос по поводу *полноты* разделения всех способов мышления о бытии на теоретизм и эстетизм. Под понятие теоретизма подпадают представители неокантианства (отчасти), прагматизма, позитивизма и прочих направлений, пытающихся так или иначе создать объективистскую картину мира. Под эстетизм же – философия жизни и другие направления, стремящиеся внести некоторую долю субъективности в свои построения. Но названными школами все многообразие *фундаментальной* мысли не исчерпывается. Или например, В. Дильтей, чьи проекты критики исторического разума и описательной психологии имели явное влияние на философский проект Бахтина, и которого если и можно назвать философом жизни, то в совсем ином нежели Ф. Ницше и А. Бергсона смысле⁹.

Ответить на эти закономерные вопросы поможет введение и обоснование понятия историзм. Для этого обратимся к самой первой из сохранившихся страниц «К философии поступка». Бахтин пишет: «Общим моментом дискурсивного теоретического мышления (естественнонаучного и философского), исторического изображения-описания и эстетической интуиции, важным для нашей задачи, является следующее. Все названные деятельности

⁹ О том, что Дильтей занимает *особое* место в рамках интеллектуального течения, называемого философией жизни, указывает, например, Г. Риккерт в работе «Философия жизни» (которую, кстати заметить, Бахтин знал): «Типы философии жизни, которые мы рассмотрим в первую голову, правда, шире по своим заданиям, но зато в них совершенно отсутствует принципиальная сторона дела. Это может быть пояснено на двух примерах: историзме Дильтея и точке зрения феноменологии <...> О Дильтее мы сказали, что он более историк, чем философ. <...> Но также несомненно, что исторического инстинкта недостаточно для философии. Как раз то, на чем основывается сила историка, ведет к бесплодию во всякой систематической науке. Именно потому, что Дильтей все время любовно погружался в полнокровность прошлой жизни, не ставя никаких границ своему увлечению ею, он никогда не мог сделаться систематически мыслящим философом» (Риккерт, 1998: 312–313).

устанавливают принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительной единственной переживаемостью, вследствие чего этот акт и теряет свою целостность и единство живого становления и самоопределения» (Бахтин, 2003: 7).

В этом отрывке, рассуждая о расколе поступка и мира на фактичность и смысл, Бахтин выделяет три типа познания, являющиеся этому расколу причиной: дискурсивное теоретическое мышление, историческое изображение-описание и эстетическую интуицию. Далее в тексте работы Бахтин покажет, что метод дискурсивного теоретического мышления составляет сущность теоретизма, а метод эстетического интуирования определяет специфику эстетизма.

Как же обстоит дело с историческим изображением-описанием? Ведь по аналогии с двумя предыдущими методами оно тоже должно лежать в основе какого-то подхода к бытию. У меня имеются два аргумента в поддержку того, что метод исторического изображения-описания полагался Бахтиным в основу историзма.

Первый аргумент в обоснование историзма как независимой формы знания можно назвать аргументом от *логики* бахтинского рассуждения. Если реконструировать бахтинское рассуждение, то можно увидеть, что оно строится следующим образом. Ложные формы познания действительного мира раскалывают мир на две половины: на смысловую сторону и на сторону историческую. После раскола эти формы знания тяготеют к гипертрофии какой-либо одной стороны мира (смысловой либо исторической). Соответственно, получаются всего три возможные стратегии мышления о бытии.

Первая стратегия заключается в подстановке объективного мира смыслов на место действительного мира. Вторая возможная стратегия заключается в подстановке мира истории на место действитель-

ного мира. Третья стратегия должна пытаться совмещать позиции первых двух.

Первые две стратегии – разделительные, они стремятся поставить одну половину мира на место целого мира. Третья стратегия – соединительная, она стремится к объединению объективного и субъективного, мира смыслов и мира исторического, но в силу своего методологического изъяна, согласно Бахтину, обречена на провал.

Первая стратегия (гипертрофирующая смысловой мир) – это теоретизм. Третья стратегия (пытающаяся сохранить баланс между уже автономными частями мира) – это эстетизм. Но остается еще вторая стратегия. Эта стратегия и есть, на мой взгляд, историзм.

Второй аргумент – аргумент от бахтинского *текста*. В «К философии поступка» есть фрагмент, в котором, подводя итоги критики теоретизма и эстетизма как недостаточных стратегий мышления о бытии, Бахтин упоминает также третью стратегию: «Вот этот-то мир, где свершилось событие жизни и смерти Христа в их факте и их смысле, принципиально не-определим ни в теоретических категориях, ни в категориях исторического познания, ни эстетической интуицией: в одном случае мы познаем отвлеченный смысл, но теряем единственный факт действительного исторического свершения, в другом случае – исторический факт, но теряем смысл, в третьем имеем и бытие факта и смысл в нем, как момент его индивидуации, но теряем свою позицию по отношению к нему, свою долженствующую причастность» [курсив мой. – Г.К.] (Бахтин, 2007: 19-20).

Легко заметить, что в приведенной цитате отражена та комбинаторика, которая была вскрыта в первом аргументе. Под первый случай подпадает теоретизм, под третий – эстетизм, под случай же познания исторического факта (второй) подпадает историзм.

Я считаю, что двух приведенных аргументов достаточно, чтобы заключить, что бахтинская критика раскола действи-

тельного мира современным мышлением не ограничивалась критикой теоретизма и эстетизма, но также включала критику историзма. Вероятнее всего она была дана в начале работы, и ее текст просто не сохранился, хотя, конечно, нельзя исключать, что она осталась у Бахтина неразвернутой.

Как я уже говорил, само понятие историзма в тексте «К философии поступка» отсутствует. Однако мне кажется правильным назвать эту форму мышления о бытии, основанную на методе исторического изображения-описания, именно так. Во-первых, это название вписывается в ряд подобно образованных (с точки зрения языковой) эстетизма и теоретизма. Во-вторых, понятие историзма имеет за собой достаточно долгую традицию¹⁰. В узком смысле оно служит названием для обозначения немецкой школы исторической мысли XIX века – Ранке и его последователей. Но наравне с таким узким пониманием историзма (как школы исторического исследования) выделилось и более широкое его понимание. Э. Трельч писал об историзме в широком смысле так: «Этот термин следует полностью лишить его дурного вторичного смысла и понимать только как принципиальную историзацию нашего мышления о человеке, его культуре и его ценностях» (Трельч, 1994: 82). И именно в этом более широком смысле историзм мог иметь в виду Бахтин.

Что можно сказать об историзме, опираясь на текст бахтинской работы? Как было сказано ранее, методом, лежащим в основе историзма, является историческое изображение-описание. В отличие от теоретизма, который концентрируется на объективных единствах, историзм делает акцент на субъективной составляющей событий, на их уникальности и неповторимости. Историзм имеет дело с фактичностью, своей последней основой историзм считает *исторический факт*. Отсюда – из односторонней концентрации на историческом факте – происходит главный недостаток

¹⁰ См.: (Махлин, 2013; Руткевич, 2018).

историзма. Бахтин характеризует его как *потерю смысла*.

Что имеет в виду Бахтин? Конечно, он не обвиняет историзм в бессмыслице в обыденном понимании этого слова, но заостряет внимание на том, что концентрация на уникальности в случае вопросов онтологического характера приводит к релятивизму, то есть к отрицанию существования объективного (необусловленного) значения (смысла) того или иного феномена в отрыве от контекста его протекания.

Вообще, обвинение историзма как уделяющего *чрезмерное* внимание историческим условиям возможности существования философии и философского знания в релятивизме является общераспространенным. Достаточно вспомнить программную статью Э. Гуссерля «Философия как строгая наука», с которой Бахтин почти наверняка был знаком¹¹. В этой статье Гуссерль уделяет внимание критике двух магистральных направлений в современной ему философии: натурализма и историцизма¹². Одним из центральных представителей историцизма Гуссерль считает Дильтея, а главная претензия Гуссерля историцизму заключается в его крайнем релятивизме, логически ведущем к скептицизму¹³.

¹¹ По-русски гуссерлевская статья вышла в тот же год, что и по-немецки. Она была опубликована в журнале «Логос» 1911 г. (см.: Гуссерль, 1911).

¹² Предупреждая возможную терминологическую путаницу, подчеркну, что «историцизм» Гуссерлем употребляется не в попперовском значении. В «Философии как строгой науке» под историцизмом Гуссерль имеет в виду ту форму философского мышления, которую можно охарактеризовать как историзм в широком смысле.

¹³ «Историцизм полагает свою позицию в сфере фактов эмпирической духовной жизни. Полагая ее абсолютно, без непосредственной ее натурализации (особенно раз специфическое чувство природы чуждо историческому мышлению и не может, во всяком случае, оказывать на него общепределяющее влияние), историцизм рождает к жизни релятивизм, весьма родственный натуралистическому психологизму и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности» (Гуссерль, 1994: 158).

Для того чтобы сделать характеристику историзма объемнее, остается разобрать еще один важный вопрос, а именно – кого можно считать представителем историзма? В тексте «К философии поступка» Бахтин единожды пишет о Гуссерле и отсылает не к упомянутой статье, а к его «Логическим исследованиям». Однако в вопросе о том, кого Бахтин относил к представителям историзма, гуссерлевская критика историцизма может оказать незаменимую помощь. Она задает ту рамку критики *историзма*, которой, судя по всему, придерживался и Бахтин. На мой взгляд, вслед за Гуссерлем Бахтин относил к представителям историзма в первую очередь Дильтея.

Герменевтика Дильтея и, шире, его проект *критики исторического разума* во многих пунктах был близок Бахтину. Дильтеевская философия отдавала должное историческому моменту в философствовании и в своем стремлении построить философию не абстрактной, а действительной жизни вряд ли могла встретить возражения со стороны Бахтина. Но тот недостаток, который выделяет Бахтин у историзма, – отрицание внеисторической значимости научных положений, релятивизм и психологизм, обычно также выделялись и критиками дильтеевской философии. Короче говоря, философия Дильтея подпадает и под положительные, и под отрицательные моменты, выделяемые в историзме Бахтиным¹⁴.

¹⁴ Нужно также принять в расчет замечание Гоготишвили, которая пишет, что «изображение-описание – это, скорее всего, аналог того, что закрепится впоследствии в философии под названием “идиографического метода”, понятие которого было введено В. Виндельбаном...» (Гоготишвили, 2003b: 460). Кроме Виндельбанда Гоготишвили также отмечает Риккерта и Дильтея как тех, кто, согласно Бахтину, придерживался метода исторического изображения-описания. Эти замечания Гоготишвили возможно развить в том ключе, что мыслители, которые утверждали, что философия есть исключительно идиографическая наука (или должна ею стать), могли быть отнесены Бахтиным к историзму. Историзм и теоретизм как бы вписываются в понятийный ряд, выражающий противо-

Осталось кратко подвести итоги. Была выдвинута гипотеза о том, что историзм является третьей наряду с эстетизмом и теоретизмом формой мышления о бытии, критикуемой Бахтиным в «К философии поступка». Критика историзма, хотя и косвенно, отражена в «К философии поступка». В подтверждение данной гипотезы было приведено два аргумента – аргумент от логики бахтинского рассуждения и аргумент от бахтинского текста.

Было показано, что в основе историзма лежит метод, называемый Бахтиным методом исторического изображения-описания. Главное достоинство историзма, согласно Бахтину, заключается в том, что он отдает должное исторической составляющей изучаемой действительности, а недостаток – в потере смысла, то есть в историзации, ведущей к релятивизму и скептицизму. Главным представителем так определяемого историзма следует считать Дильтея.

Что нового дает представленная здесь реконструкция понятия и критики историзма в «К философии поступка» для понимания философии Бахтина? Помимо уже отмеченной ранее новизны исследования – прежде бахтинская критика историзма не становилась предметом внимания бахтинистов, – ценность данной работы заключается в следующем.

Во-первых, *становится яснее общая логика* критической части «К философии поступка», основополагающей философской работы Бахтина. Как было показано, эстетизм и теоретизм не перекрывают всего поля задуманной Бахтиным критики. Ни в плане логическом, ни в плане историческом – остаются не названными течения мысли и характерные им подходы, которые противостоят бахтинской позиции. Благодаря понятию историзма удается

поставления гуманитарных и естественных наук. При этом ясно, что если Дильтея (особенно раннего) и можно считать представителем историзма, то отнести к нему напрямую Виндельбанда, а тем более Риккерта, будет гораздо сложнее.

увидеть критическую часть «К философии поступка» в ее полноте.

Во-вторых, *расширяется контекст* бахтинской критики. Тем самым можно не только восстановить отношение Бахтина к представителям историзма (в первую очередь Дильтею), но также *уточнить союзников бахтинской критики*. Здесь бахтинская и гуссерлевская оценки сходятся: плюс историзма – близость к действительности, минус – неизбежный релятивизм.

В-третьих, *проясняется позиция самого Бахтина*. Не будь в «К философии поступка» критики историзма, Бахтина во многом можно было бы считать его сторонником. Так, в частности, в этом ключе можно интерпретировать (неверно) его понятие конкретной историчности, утверждающее *единственность события*, то есть его уникальность, идиографичность. Однако после проведенной реконструкции становится очевидно, что, хотя Бахтин говорит о конкретной историчности события и поступка, он отвергает не только теоретизм с эстетизмом, но и историзм. Бахтин пытается соединить в своей первой философии достоинства всех трех подходов, в попытке построить философию *бытия как события*.

Литература

Бахтин, М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7-68.

Гогтишвили, 2003а – Гогтишвили, Л.А. [«К философии поступка» Приложение] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 351-438.

Гогтишвили, 2003б – Гогтишвили, Л.А. [«К философии поступка» Постраничные примечания (2)] // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 457-492.

Грановская, О.Л. Берлин и Бахтин: плюрализм, полифония и критика релятивизма // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 41-51.

Гусейнов, А.А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5-15.

Гуссерль, Э. Философия, как строгая наука // Логос. Кн. 1. М.: Мусагет, 1911. С. 1-57.

Гуссерль, Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 127-175.

Кривошеев, А.В. Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (III). С. 34-38.

Махлин, В.Л. Историзм: (К истории понятия) // Литературоведческий журнал, 2013. № 1 (33). С. 5-24.

Риккерт, Г. Философия жизни // Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. С. 269-443.

Руткевич, А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24-36.

Трёлч, Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. 719 с.

References

Bakhtin, M. M. (2003), "Toward a Philosophy of the Act", *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.], 1, Russkie slovari, Moscow, Russia, 7-68 (in Russ.).

Gogotishvili, L. A. (2003a), "К философии поступка' Postranichnye primechaniya" (2) [Toward a Philosophy of the Act. Comments], in: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.], 1, Russkie slovari, Moscow, Russia, 457-492 (in Russ.).

Gogotishvili, L. A. (2003b), "К философии поступка' Prilozhenie" [Toward a Philosophy of the Act. Appendix], in: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.], 1, Russkie slovari, Moscow, Russia, 351-438 (in Russ.).

Granovskaya, O. L. (2019), "Berlin and Bakhtin: pluralism, polyphony and critic of relativism", *Voprosy Filosofii* [Philosophical questions], 12, 41-51 (in Russ.).

Guseynov, A. A. (2017), "The Philosophy of the Act as the First Philosophy (An Interpretation of Bakhtin's Moral Philosophy) First Article: To Be Means to Act", *Voprosy filosofii* [Philosophical questions], 6, 5-15 (in Russ.).

Husserl, E. (1994), *Filosofiya kak strogay nauka* ("Philosophie als strenge Wissenschaft") [Philosophy as a Rigorous Science], Saguna, Novocherkassk, 127-175 (in Russ.).

Husserl, E. (1911), "Philosophie als strenge Wissenschaft" (Philosophy as a Rigorous Science), *Logos*, book 1, Musaget, Moscow, Russia, 1-57 (in Russ.).

Krivosheev, A. V. (2007), "The Act like the basis of M. M. Bakhtin's fundamental ontology", *Tomsk State University Journal*, 300 (III), 34-38. (in Russ.).

Makhlin, V. L. (2013), "Historicism (to the history of the concept)", *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 1 (33), 5-24 (in Russ.).

Rickert, H. (1998), "Philosophy of life" [Die Philosophie des Lebens: Darstellung und Kritik der philosophischen Modeströmungen unserer Zeit], *Filosofiya zhizni* [Die Philosophie des Lebens, Philosophy of life], Nika-Tsentr, Kiev, Ukraine, 269-443. (in Russ.).

Rutkevich, A. M. (2018), "Historicism and its Critics", *Voprosy filosofii* [Philosophical questions], 12, 24-36 (in Russ.).

Troeltsch, E. (1994), *Istorizm i ego problema* [Der Historismus und seine Probleme, Historicism and its problems], Yurist, Moscow, Russia, (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Кораев Герман Таймуразович, сотрудник Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, 236016, Россия; germankoraev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

German T. Koraeв, Employee of Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; germankoraev@gmail.com

УДК 7.03 + 008.316(045)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-4

Молчанова Л. А. | **Ментальные основы творения телесных образов
в первобытном искусстве**

Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, д. 1,
г. Ижевск, 426034, Россия; lusmolchan@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрены побудительные причины возникновения художественно-творческой деятельности человека в ходе антропогенеза. Объектом исследования стала социальная среда, сформировавшая образы палеоискусства, сначала ментальные, а затем воплощенные в скульптуре и пещерной живописи. Работа предпринята с целью выявить психофизиологические и социальные предпосылки возникновения этих образов. В статье подверглись анализу ментальные основы творчества и сам психофизиологический «механизм» творческого акта. Для выявления социально-исторических предпосылок образотворчества детально рассмотрены этапы становления дуально-родовой организации из первобытного стада. В результате проведенного анализа выявлена причина возникновения полового запрета, в итоге послужившего толчком к возникновению доминантных образов искусства – женщины и зверя. Новым в данной работе является сам подход к изучению этих образов и причин их появления. На основе гипотетического моделирования воссоздана социальная среда первобытного сообщества, в которой на определенном этапе возникает табу. Именно система запретов стала причиной возникновения морали и сознательного творчества. Обуздание звериных инстинктов «будило воображение» и, в конце концов, сублимировалось в образы искусства.

Ключевые слова: первобытное искусство; ментальность; телесный образ; табу; сублимация; символ; архетип

Для цитирования: Молчанова Л.А. Ментальные основы творения телесных образов в первобытном искусстве // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 38-51. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-4

L. A. Molchanova | **The mental foundations of bodily images creation in primitive art**

Udmurt State University, 1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russia;
lusmolchan@mail.ru

Abstract. The paper considers the motivating reasons for the emergence of artistic and creative human activity in the course of anthropogenesis. The object of the study was the social environment that formed the images of paleo art, first mental images, and then the images embodied in sculpture and cave painting. The work is undertaken in order to identify the psycho-physiological and social prerequisites for the emergence of these images. The article analyzes the mental foundations of creativity and the psycho-physiological "mechanism" of the creative act itself. To identify the

socio-historical prerequisites of image-making, the stages of the formation of a dual-generic organization from a primitive herd are considered in detail. As a result, the reason for the emergence of a sexual taboo was revealed, which eventually served as an impetus for the emergence of dominant images of art – a woman and a beast. The approach to the study of these images and the reasons for their appearance is new in this work. On the basis of hypothetical modeling, the social environment of a primitive community is recreated, in which a taboo arises at a certain stage. It was the system of prohibitions that caused the emergence of morality and conscious creativity. The curbing of animal instincts "awakened the imagination" and, in the end, was sublimated into images of art.

Keywords: primitive art; mentality; body image; taboo; sublimation; symbol; archetype

For citation: Molchanova L. A. (2021), "The mental foundations of bodily images creation in primitive art", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 38-51, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-4

Культура как понятие «надфизиологическое» на ранних стадиях развития оказывается тесно связанной с физиологией человеческого тела, с осознанием сильных физиологических переживаний.

У. Тернер

Введение

Особенностью современного этапа цивилизации является смена парадигмы мышления. Тенденция к переходу от логико-вербального, левополушарного мировосприятия к мифопоэтическому, образному, правополушарному набирает силу. По мнению исследователей постмодерна – времени, в котором нам довелось жить, идея поэтического мышления обретает в современном ментальном пространстве фундаментальный статус (Постмодернизм: Энциклопедия, 2001: 623). Именно такой тип сознания был свойственен архаическому человеку. Поэтому так важно выявить и грамотно осмыслить побудительные мотивы и сам механизм его творческой деятельности – как в познавательных целях, так и имея в виду адаптацию современного человека к постоянно меняющемуся миру; в этом видится *актуальность* данной работы. Самопознание человеком своих истоков и творческих потенциалов, а

значит, и перспектив, всегда остается актуальным.

Целью настоящей статьи является исследование психофизиологических и социально-исторических предпосылок возникновения первообразов искусства в ходе антропогенеза.

Объектом изучения стала социальная среда, сформировавшая образы палеоискусства, сначала ментальные, а затем воплощенные в материале.

Обзор исследований

Тема настоящей работы требует осмысления первобытной ментальности и истоков ее формирования. Побудительные мотивы творчества объяснялись исследователями культуры палеолита по-разному. Стоит упомянуть гипотезы, которые сейчас считаются несостоятельными, но, тем не менее, они существовали в науке 150 лет с момента открытия древнейших памятников палеоискусства в Европе. Это гипотеза «макарон», гипотеза «руки» и гипотеза «простого этапа». «Макароны» –

это параллельные линии, оставленные пальцами на глиняной поверхности. Весь генезис творчества сторонники этой гипотезы сводили к спонтанной игре этих линий, к субъективно-игровым переживаниям древних художников. Гипотеза «руки» тоже мало что объясняет. В глубине пещер обнаружены целые фризмы отпечатков детских ладоней. Они считались предтечей реалистичных образов палеоискусства. Сторонники гипотезы «простого этапа» считали, что найденные древним человеком обломки камней, похожие на лица людей или морды животных, «будили воображение» и постепенно привели к появлению скульптуры.

Необходимо вспомнить основные теории происхождения искусства, которые существовали еще до открытия палеолитических пещерных росписей и которые возникли уже в XX столетии.

1. Теория подражания – мимесис. Искусство возникло в подражание природе. Теорию мимесиса обсуждали еще древнегреческие философы.

2. Орудийно-трудовая теория, марксистская. Труд как импульс к возникновению искусства.

3. Игровая теория. «Искусство для искусства», как развлечение в часы досуга.

4. Религиозно-магическая теория. Искусство возникло в ритуале; песенное, танцевальное, музыкальное, театральное, в конце концов – изобразительное.

5. Компенсаторная теория. Искусство как изображение объектов вождения, недоступных и неприкосновенных. Эта теория, на наш взгляд, близка к истине, но она не объясняет, почему эти объекты стали недоступны.

6. Изображение животных как демонстрация охотничьих трофеев, как одна из форм мужского социального поведения.

7. Гипотеза информационного взрыва. В связи с возросшим объемом информации появилась необходимость фиксировать ее на внешних носителях. До этого существовала устная передача знаний и традиции.

Несмотря на существование множества теорий, версий, гипотез происхождения искусства, до сих пор эта проблема остается открытой. И уже в XXI веке новые поколения ученых продолжают дискутировать на эту тему, проводятся конференции, издаются сборники, пишутся диссертации. Современные исследователи высказывают интересные, порой парадоксальные гипотезы. Так, доктор культурологии П.А. Куценков считает, что изобразительная деятельность первобытных людей связана со спонтанно-импульсивными действиями, которые сродни деятельности бобров при постройке ими своих плотин. Живопись палеолита и петроглифы, по его мнению, не более чем отметины животных, сделанные человеческим способом. Рисунок, считает он, компенсировал в общении неразвитую речь (Куценков, 2007: 54).

Иной взгляд на проблему высказывает Я.А. Шер. Он считает членораздельную речь первым условием зарождения искусства. Искусство возникло одновременно с речью или даже несколько позже как форма адаптивного поведения, порожденная естественным отбором. Он доказывает универсальность базовых психофизиологических законов, которые с неизбежностью приводят к возникновению искусства.

Для понимания сути первобытного творчества П.А. Куценков и А.Я. Шер исследуют детские рисунки и психику ребенка. П.А. Куценков делает акцент на эйдетической памяти, свойственной детям на доречевом этапе их развития и людям, страдающим аутизмом. Такая память сохраняет ментальные образы долго и во всех подробностях. По его мнению, источниками образов зверей в палеолите являются эйдетические воспоминания о неудачной охоте, «требовавшие» их воспроизведения на стенах пещер.

А.Я. Шер, Л.Б. Вишняцкий, Н.С. Бледнова используют детское творчество как модель зарождения искусства и находят в нем универсальные, общечело-

веческие законы формирования человеческой психики. На определенном этапе онтогенеза и филогенеза человек с неизбежностью начинает рисовать, по их мнению, без внешнего стимула (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004).

В.А. Семенов считает древних людей «неврологиками», которые творили образы в глубине пещер в измененном состоянии сознания, подобно шаманам. Этот исследователь, пытаясь объяснить «механизм» акта творчества первобытного художника, обратился к искусству современных охотников и собирателей, племен Южной Африки «сан» и «косо», и сопоставил их рисунки с палеолитическими. Он обнаружил, что существуют некие геометрические формы, так называемые энтоптики – зрительные образы, оптические схемы, существующие в мозгу художника. Они очень похожи у современных племен и в палеоискусстве. Здесь и там, сосуществуя с иконическими изображениями, они, по мнению В.А. Семенова, служат и служили напоминанием о шаманских преданиях и социальных нормах. Во время совершения обряда эти рисунки дают танцующим женщинам силу. Энтоптики В.А. Семенов характеризует как «внутреннее видение», существующее в мозгу шамана в виде галлюцинаций, которые он и воспроизводит на стенах пещеры (Семенов, 2008: 139).

А.П. Лободанов, исследуя процесс образотворчества, тоже говорит о внутреннем видении художника. Он отмечает в творческом акте две фазы – внутреннюю (это эмоционально-чувственный образ восприятия) и внешнюю, основанную на изобразительной деятельности. «Исторически осуществление перехода от внутренней фазы к внешней произошло около пятидесяти тысяч лет назад и открыло разнообразие возможностей внешнего выражения ментальных образов. Поэтому не случайно именно с моментом возникновения рукотворного изображения совпадает момент возникновения человека разумного – *homo sapiens* как вида. Антропологи даже считают возможным в качестве си-

нонима определению вида *homo sapiens* применять выражение “человек рисующий”» (Лободанов, 2013: 393).

Но для внешнего выражения этих эмоционально-чувственных образов восприятия должен же быть какой-то стимул, толчок, побудительная причина? Или, как считает А.Я. Шер, все произошло постепенно в результате нейрофизиологических изменений в формирующемся мозгу сапиенса? Может быть, по аналогии с орудийно-трудовой теорией антропогенеза, сначала какое-то время существовало инстинктивное, спонтанное рисование, как существовал живоотнообразный, инстинктивный труд, прежде чем стать сознательным?

Категорически против такой постепенности в формировании человеческого сознания выступает в своих исследованиях В.В. Тен. Социогенез он предлагает начать с психогенеза, который ученый определяет отнюдь не как рост сознания «малопомалу». Возникновение речи и сознания было невозможно без «большого стресса», который имел внешние мотивации. В.В. Тен подчеркивает роль производственных отношений в формировании человека (Тен, 2011). И это не лишено смысла.

На наш взгляд, таким стрессом, толчком, побудительной причиной возникновения человеческого сознания явилось табу, система запретов в первобытном коллективе. Табу – это архаическая форма нравственности. Человек, нарушивший запрет, не ждет наказания, он умирает сам или тяжело заболевает. Самыми страшными и наиболее важными были половые табу. Еще Зигмунд Фрейд в своей работе «Тотем и табу» подчеркивал огромное значение половых запретов в первобытном обществе. С введением запретов зародилась совесть, качество, по мнению З. Фрейда, выделившее человека из царства животных. Вот вкратце его несколько наивная теория. С введением сексуальных запретов в обществе пралюдей возникло соперничество детей с отцом (доминантным самцом),

и они решили избавиться от него. Убийство отца породило раскаяние. Это раскаяние стало причиной возникновения экзогамии. Так в первобытном стаде возникли человеческие взаимоотношения, и это стало началом культурогенеза. Фрейд считал, что ему удалось найти источник социальной организации в акте отцеубийства. Всякая культура, по его мнению, создается принуждением и подавлением животных инстинктов (Фрейд, 1977). Но почему вдруг возникает этот запрет, Фрейд не объясняет. Возникновение совести – это ведь уже следствие запрета.

Ближе всех, на наш взгляд, подошел к решению проблемы перехода от биологического к социальному в ходе антропогенеза российский философ Ю.М. Бородай. В вопросе происхождения сознания он уделял большое внимание человеческому воображению. Первичные формы воображения он характеризует как аутистическое мышление, или произвольное, хаотическое воображение. Произвольное воображение – это реакция мозга не на внешний стимул, а на его отсутствие. В условиях запрета на половые отношения внутри материнской группы-тотема и невозможности реально удовлетворить свои желания, самцы «проигрывали» их в своем воображении. Систематическое подавление сексуальных желаний еще больше «будоражило» мозг и развивало фантазию. Таким образом, подавленная, вытесненная эротическая энергия сублимировалась в ритуалы, культы и другие проявления духовности в архаическом обществе. Ю.М. Бородай с гордостью отмечает, что появлением нравственности человечество обязано мужчинам. Именно они сумели подавить в себе животные инстинкты, чтобы выжить и сохранить общность. А женщина в это время, по мнению Ю.М. Бородая, оставалась пассивным объектом вождения.

Несколько иначе объясняет начало культурогенеза доктор культурологии, профессор С.Г. Фатыхов. Он является автором новой теории матриархата и в своих

исследованиях подчеркивает исключительную роль женщины-матери в становлении человечества. Он считает, что в условиях мобильности мужской части общества именно женщина давала первые уроки нравственности подрастающему поколению. Возникшая после прямохождения суперсексуальность стала источником постоянных конфликтов в стаде пралюдей и постепенно была обуздана человеком. Он изобретает табу, систему нравственных ограничений в сообществе, тем самым запускает процесс очеловечивания (Фатыхов, 2009).

Итак, краткий обзор наиболее интересных, на наш взгляд, гипотез происхождения сознания и искусства как сознательной деятельности показал, что все они имеют право на существование, дополняя друг друга. Каких-то жестких противоречий между ними нет. Большинство авторов задается вопросом: как биологическое стало социальным, как звероподобное существо стало человеком, способным творить образы? Но, кроме изучения самого «механизма» творческого акта, кроме выявления неких ментальных структур типа эйдетических воспоминаний или внутреннего видения, которые древний художник затем воплощает в материале, нужно понять реальные условия, социальную среду, каковая и порождает эти образы в головах людей. Ибо бытие определяет сознание.

К сожалению, приходится констатировать, что глубокого анализа социальной среды, в которой формировалось человеческое сознание, в этих теориях мы не находим. А, между тем, уже давно существует концепция антропогенеза Ю.И. Семенова, в которой поэтапно изложен процесс перехода от биологического стада к социальной организации. Это так называемая дуально-родовая организация – первый человеческий социальный организм.

На основе теории Ю.И. Семенова, анализа и обобщения исследовательского опыта предшественников в настоящей статье предлагается авторская концепция

происхождения образов первобытного искусства, которая заключается в следующем.

Изобразительная деятельность в самом начале истории обусловлена физиологической потребностью – как опредмечивание желаний, как сублимация. Эмоционально насыщенные, чувственные, плотские, телесные образы женщины и зверя в первобытном искусстве доминируют. Творение этих образов есть результат действия табу, запрета на сексуальные отношения внутри сообщества и поедание мяса своего тотема. По словам Л.С. Выготского, исследователя психологии искусства, именно неудовлетворенные желания являются побудительными стимулами фантазии (Выготский, 1986: 15). Вся жизнь первобытного коллектива была сосредоточена на решении двух проблем: добывания пищи и деторождения; соответственно, образы женщины и зверя транслировались искусством из поколения в поколение как важнейшие для выживания символы. Эти первообразы – объекты вождления, сконцентрировавшие в себе древнейший опыт человечества, стали архетипами.

Теоретико-методологическое обоснование

В данной работе новым является подход к изучению образов палеоискусства и причин их появления. Впервые предпринята попытка объяснить возникновение архетипов, ментальных первообразов – фундаментальной основы человеческой психики и любого творчества. Для того чтобы познать их суть, предлагается создать *гипотетическую модель* первобытного социума и подробно проследить этапы становления человеческого коллектива из полузвериного стада. На определенном этапе антропогенеза появляются табу. Именно обуздание звериных инстинктов внутри стада дает старт человеческим отношениям. Появляется искусство и его первообразы – зверь и женщина. Они, бесспорно, доминируют среди других персонажей, и символы женского пола часто сопровождают образы зверей.

Методологической базой исследования стал комплексный, интегративный, междисциплинарный подход, который является актуальным для данной работы, т. к. в сфере гуманитарных наук не иссякает интерес к началам человеческой истории, к этой теме обращаются такие науки, как культурология, историческая психология, этнология, палеоантропология, психоанализ, семиотика, эстетика, искусствоведение.

Пытаясь осмыслить начальные побудительные мотивы творчества, мы обратились к историческим наукам о человеке. В данной работе применен историко-генетический метод, который дает возможность выявить сущность явлений через определение их исторических истоков.

Методы гипотетического моделирования и сравнительного анализа позволили сопоставить, соотнести между собой теорию антропогенеза Ю.И. Семенова и юнгианское учение об архетипах коллективного бессознательного, в результате чего стало возможным пролить свет на мотивацию творческих посылов сапиенса и изначальную природу творчества и установить, как и почему введение табу в первобытном стаде стало предтечей искусства.

В статье также использован метод структурно-семиотического анализа, который предполагает поиск в изучаемых явлениях универсальных, инвариантных структур и в котором образотворчество рассматривается как знаковая деятельность.

Интерес к человеку как творцу прекрасного направляет настоящее исследование в русло эстетической или художественной антропологии, объектом которой является воссозданный в искусстве человек и человеческий мир. Это новое направление в искусствоведении в последние годы интенсивно развивается такими исследователями, как В.В. Савельева, М.Н. Щербинин, Н.С. Андреева. Эстетическая антропология раскрывает формы самопознания человека средствами искусства. В современном понимании любое

произведение искусства есть текст. Термины «художественный смысл», «художественный текст», «художественный мир произведения искусства» имеют человеческую природу и способствуют формированию культурно-философского дискурса в искусствоведении. В рамках эстетической антропологии в настоящем исследовании стало возможным постичь художественный смысл, суть и значимость произведений палеоискусства как формы самопознания человека той эпохи. Культурно-философский аспект эстетической антропологии дает возможность осмыслить «ментальность» современного человека, живущего на сломе цивилизаций, пытающегося справиться с лавинообразным потоком информации и как-то «вписаться», в том числе средствами искусства, в этот безумный мир.

Основная часть

Телесные образы палеоискусства

Изобразительную деятельность палеолита лишь условно можно назвать искусством ввиду ее полной подчиненности ритуалу и отсутствия самостоятельной эстетической функции. И тем не менее, мы говорим об искусстве палеолита. Для нас это искусство. Его образы – настоящие шедевры, непревзойденные по силе эмоционального воздействия, мастерски исполненные, живые, целостные, композиционно завершенные. Но для самих создателей этих изображений это всего лишь вспомогательное средство для совершения ритуала. Своеобразное «наглядное пособие» для передачи информации от поколения к поколению.

Предвестником ритуала была спонтанная охотничья пантомима – примитивное глубоко чувственное представление, давшее начало всем видам художественной деятельности, которые потом дифференцировались. Это спонтанное коллективное действие, повторяясь из поколения в поколение, постепенно формировало ментальность.

Ментальность – это умонастроение, мировосприятие, сконцентрированное в

себе многомиллионный опыт предков, осевший в глубинных структурах мозга в виде архетипов. Формирование человеческой ментальности напрямую связано с осознанием своей телесности. Тело – ближайшее орудие ритуального действия, тело – граница между миром и человеком, оно выступает как инструмент познания мира. Древнейшим видом языка был язык жестов и телодвижений. Именно это делает тело символическим орудием. Не только жесты и движения, но и продукты человеческого тела становятся символами, несущими информацию. По мысли В. Тэрнера, «к числу древнейших символов, созданных человеком, принадлежат три цвета – красный, белый и черный, ассоциирующиеся с продуктами человеческого тела, выделение которых сопровождается повышенным эмоциональным напряжением» (Тэрнер, 2007: 60). Красный цвет амбивалентен, это утробная материнская кровь и одновременно кровопролитие, связанное с конфликтом. Материнское молоко и мужское семя (белый цвет) символизируют соответственно связь матери и ребенка и союз мужчины и женщины. Черные экскременты – это метафорическая смерть, переход из одного статуса в другой. В традиционных обществах эти цвета используются в ритуалах, «телесный опыт, связанный с тремя цветами есть опыт социальных отношений, связанный с удовлетворением полового влечения, голода, чувства агрессивности, экскреторных позывов, а также со страхом, тревогой, подавленностью, они также обеспечивают первичную классификацию действительности» (Тэрнер, 2007: 78).

Итак, тело – первоисточник и носитель символики. И материал для воплощения телесного образа. А что есть образ? Это продукт психической реальности, который всегда эмоционально окрашен и сохраняет в памяти самые существенные черты реального объекта.

Телесный образ – это осознаваемое субъектом ментальное представление о собственном теле. Творение телесного об-

раза – создание, воплощение ментального образа в реальной жизни и в искусстве.

В настоящей статье речь идет не только о телесном образе человека, но и о телесном образе зверя, воплощенном человеком на стенах палеолитических святилищ. Образ зверя живой, плотский, чувственный, часто сексуально возбужденный, воистину телесный. Животные доминируют в искусстве палеолита, их изображения во много раз превосходят человеческие, но на стенах пещерных святилищ самые ранние изображения зверей уже сопровождаются знаками женского пола. То есть, к моменту появления наскальных изображений животных женское тело уже превратилось в символ. Из всей целостности женского тела по принципу метонимии (часть вместо целого) древним художником вычленяется главный элемент – детородный орган, этот орган отождествляется с женщиной. Человек палеолита сделал женский детородный орган символом, и этот символ стал одним из первых в истории человечества. А символ, в отличие от знака, имеет многосложный смысл, он будит воспоминания и обладает всей силой воздействия образа. Человек в искусстве палеолита первоначально был воплощен в образе женщины. Возможно, этот культовый образ появился даже раньше изображений животных.

Существуют два артефакта, доказывающие глубокую древность женского культа. Первый – это маленький кусок вулканической лавы высотой 35 мм, напоминающий очертания женской фигуры с подчеркнутыми признаками пола. Скульптура найдена в Израиле в восьмидесятых годах прошлого века, ее возраст 250–280 тысяч лет. Исследования показали, что данный фрагмент был искусственно модифицирован. Просматриваются голова с плоским лицом, четкой линией отделенная от туловища с выпуклой грудью и животом (Семенов, 2008:142). Сравнительно недавно, в 2009 году, в Германии найдена женская статуэтка из бивня мамонта размером около 5 см, ее возраст 40 тыс. лет.

Это так называемая Венера из Холле-Фельс. Она старше всех европейских наскальных росписей и известных скульптур палеолитических Венер. Подчеркнуты огромные груди, четко выделен детородный орган, вместо головы – отверстие для подвешивания. Это амулет, и, судя по потертости, его носили длительное время (Марков, 2014).

О смысловой составляющей женского образа палеолита спорили многие исследователи. Он существовал в виде статуэток, амулетов, знаков-символов, наскальных рельефов, стилизованных изображений, таких как «клавиформы», например. Сакральным считалось не только женское тело целиком, но и его части. Кроме изображений вульвы, были найдены ожерелья из женских грудей.

Сейчас уже признана особая роль женщины на ранних стадиях развития первобытного общества в силу ее физиологической способности к деторождению. Считалось, что она способна воспроизводить потомство «чудесным образом», без участия мужчины, так как его роль при зачатии тогда еще не осознавалась. В силу этого она была способна повлиять на умножение и звериного потомства и магически влиять на успех охоты.

Мужчина занимал воображение палеолитического художника в гораздо меньшей степени. Женские образы по количеству в разы превышают мужские. И в большинстве случаев мужской персонаж изображается звероподобным, часто танцующим и сексуально возбужденным. Если человек – с чертами зверя, то животные (в частности бизоны) очень часто изображались будто с человеческими глазами и лицами. Нередки сцены преследования самки самцом. Следует отметить, что тема сексуальных взаимоотношений «будоражила» умы палеолитических художников и оставалась актуальной в первобытном искусстве на всем протяжении его существования. По мнению исследователей, сочетание мужских и женских знаков составляет концептуальное ядро палеоискусства.

Поражает сходство художественного содержания, единство символического языка палеоискусства в течение такого длительного времени и на таких огромных территориях. По мнению А. Леруа-Гурана, «речь идет о единой идеологической системе, а именно – системе, знаменующей собой пещерную религию» (цит. по: Этнологические исследования..., 1973: 183). Сама пещера – святилище, храм эпохи первобытности, место проведения инициаций. Об этом красноречиво говорят отпечатки стоп подростков на глиняном полу пещер и целые фризы с оттисками детских ладоней на стенах. Согласно исследованиям, существовала особая топография, инвариантная схема расположения росписей и знаков внутри пещер. В центральном зале, самом сакральном месте, как правило, располагались женские знаки, тогда как мужские – на периферийных частях пещер, в лабиринтах, ведущих к главному залу. В главном зале существовал особый алтарь с символами женского творящего начала.

Отпечатки детских ладоней в глущине пещер нередко бывают с поврежденными фалангами. Существует множество интерпретаций темы отсутствия некоторых пальцев на них. Некоторые исследователи считают, что пальцы не отрублены, а подогнуты, или это мог быть какой-то жестовый язык. Для Б.Ф. Поршнева – это именно отрубленные пальцы, а не подогнутые, что связано с запретом прикосновений. По его словам, это грубое подкрепление физическим шоком пошатнувшегося запрета (Поршнева, 1974: 465). Коллектив строго карал за нарушение табу, и провинившимся подросткам отрубали пальцы.

Искусство – это творение воображаемого мира, воспроизводящее жизненный мир в образах и символах. Знаково-символическая деятельность наряду с орудийной формировала человеческую ментальность. Труд сыграл немаловажную роль в становлении вида *homo sapiens*. Но в течение сотен тысяч лет он имел, по выражению К. Маркса, «животнообразную, инстинктивную» форму, когда трудовые

приемы передавались путем наглядного показа и повторения. Животные тоже обучают своих детенышей элементарным навыкам. Но животное не может передать сородичу нечто отвлеченное, созданное воображением, не связанное здесь и сейчас с реальностью. А человек – творец образов и символов.

Согласно одной из версий генезиса искусства, оно зародилось как подражание природе. Человек, не выделяя еще себя из животного мира, инстинктивно подражал повадкам и облику животных. Облачаясь в шкуру убитого зверя и отождествляя себя с ним, он создавал «вторую реальность», символическую. От подражания и многократного повторения ритмичных телодвижений рождался первобытный танец. До возникновения развитой речи понятия передавались жестами, ритмичными телодвижениями, они как бы «вытанцовывались». Язык телодвижений предшествовал вербальной передаче информации. В обрядовом танце каждый ощущал себя частицей единого родового тела, где не было места индивидуальному началу. Именно так, в обрядовой пантомиме складывались и передавались первые мифы. По утверждению О.М. Фрейденберг, «мифы по форме ритмичны, чем они древнее, тем больше в них ритма. Мифы ритмически выкрикиваются, выплакиваются, высмеиваются... Мифы плачи и мифы смехи сперва передаются в одних ритмах и восклицаниях, позже поются. И эта древняя песня обряда и культа была не только поэзией, но ранее того и наукой, и знанием, и верованием, и наставлением» (Фрейденберг, 1998: 296). Само тело, его пластика, продукты тела, жидкости, истечения и выделения становятся знаками. Эти знаки имели огромную магическую силу в ритуальном контексте. Согласно первобытным представлениям, они способны были «приручить» силы природы. Так рождалась магия, воздействие на природу в практических целях. Мужчинам-охотникам магические способности были особенно необходимы, этого требовал сам

характер их занятий. Удачная охота зависела от случайного сочетания благоприятных и неблагоприятных обстоятельств. Любое творчество в первобытности, включая трудовой процесс, было немыслимо без магии. Если труд и охота поначалу были неотделимы от магии, то искусство буквально расцвело на ее почве. Магия рождается от мощных физиологических позывов и желания их осуществить, а уже в ее лоне развивается искусство. Магические песнопения, музыка, ритмичный танец вводили участников обряда в экстатическое состояние. Это особое психофизиологическое состояние было подобно шаманскому камланию. Возможно, в экстатическом танце, в измененном состоянии сознания в мозгу возникали эти ментальные образы, которые потом воплотились в первобытной графике на стенах пещерных святилищ. Это потом, спустя какое-то время. Но изначально человек в буквальном смысле собственным телом творил искусство. Танцевально-музыкальное, с помощью подражания телодвижениям животных и звукам природы, и изобразительное. Причем задолго до наскальных росписей полотном для изобразительной деятельности стало человеческое тело.

Инициация, табу, архетипы

Творение телесного образа связано с обрядом инициации. Для объяснения происхождения самого этого обряда и побудительных мотивов мучительных телесных модификаций, проводимых в нем, необходимо обратиться к доистории человечества. Именно к доистории, к тому времени, когда мозг сапиенса только формировался, и в нем на протяжении многих тысячелетий постепенно образовались такие ментальные структуры, как архетипы коллективного бессознательного.

По теории швейцарского психолога и исследователя мифов К.Г. Юнга, архетипы – это первообразы, сконцентрировавшие в себе древнейший опыт человечества. Эти ментальные формы не связаны с непосредственным жизненным опытом отдельного индивида, они следуют из первобыт-

ности, врожденных и универсальных источников человеческого разума. «Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно так же, как строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих» (Юнг, 1996: 64).

Но каков конкретно этот древнейший опыт человечества? Обратимся к теории антропосоциогенеза профессора Ю.И. Семенова, в которой поэтапно изложено становление человеческого социума из первобытного стада (Семенов, 1966). Первоначально только инстинкты – пищевой и половой скрепляли стадо формирующихся людей. Впоследствии эти инстинкты воплотились в первообразах искусства. Зверь и женщина стали главными персонажами изобразительной деятельности наших предков.

Первобытный социум, в котором не было еще каких-либо норм и правил, являл собой нечто хаотичное и был ареной постоянных драк и стычек между самцами. Как известно, прямохождение стало биологической трагедией женщины. Медленная перестройка организма приводила к серьезным осложнениям во время беременности и родов. Самок в стаде было меньше, они умирали в родах, им нужно было сначала вынашивать, затем рожать, потом выкармливать детенышей. Это довольно длительный период. И это обостряло конкуренцию между самцами. Согласно данным антропологии, перволюди были падальщиками, охота появилась позднее (Марков, 2014: 155). Уже добывание падали требовало четкой слаженности действий, не говоря об организованной охоте на крупного зверя. Коллективная охота требовала тщательной подготовки, и появилась необходимость упорядочить половые отношения. И тогда возникает табу, запрет на половые отношения внутри стада. Табу – огромной важности феномен, составляющий ядро всех примитивных первобытных организаций. Табу, по существу, является той гранью, которая отделяет новорожденное тотемическое общество

от зоологического стада (Бородай, 1996: 12). Сущность табу – мистический ужас, страх перед неотвратимостью наказания.

Как возникло табу? Возможно, в ходе истории самки, объединившись, дали отпор сексуальной агрессии самцов. И те вынуждены были выбирать между половым инстинктом и инстинктом самосохранения, т. к. любая попытка приблизиться к самке грозила опасностью быть немедленно растерзанным конкурентами. Так или иначе, но с появлением табу первобытное стадо разделилось на две обособленные, дислокально проживающие группы: женщин с детьми и взрослых мужчин. Во время подготовки к охоте табу неукоснительно соблюдалось. Но после ее удачного завершения наступало время праздника. И эти празднества периодически возвращали коллектив в животное состояние. Они были настоящими оргиями, когда половой инстинкт, долго сдерживаемый запретом, вырывался наружу. Но в ходе развития первобытного стада в человеческий коллектив периоды промискуитетных праздников сокращались, а периоды производственных отношений, когда действовало табу, увеличивались. В конце концов дето-производственные отношения были полностью вытеснены производственными. В результате формирующееся человеческое общество оказалось перед угрозой исчезновения. Возник так называемый кризис инбридинга. Но параллельно существовали и другие сообщества с похожими проблемами, и кризис в итоге разрешился путем возникновения половых отношений между людьми, принадлежащими к разным коллективам. В каждом из них был свой тотемный зверь, имя которого носила группа и каждый из ее членов. Тотемное имя объединяло группу и одновременно отделяло от других. В каждом таком сообществе действовала своя собственная мораль, которая формулировалась так: нельзя убивать и есть мясо своего тотема, нельзя вступать в половую связь с женщинами своего тотема. Но это внутри сообщества, где все кровные братья и сестры, а вне

его – «чужие», их можно убивать, пожирать, насиловать.

Известно, что на земле обитало несколько разновидностей человека, но выжил только сапиенс. И даже неандерталец, имевший зачатки религии и умевший заботиться о своих стариках, тоже был вытеснен сапиенсом. Возможно он (неандерталец) не сумел «договориться» с чужими, не смог преодолеть брезгливость и взять в жены чужую невесту. Само слово невеста сохранило этот древнейший смысл – неведомая, чужая. Homo sapiens преодолел этот кризис и создал сначала дуально-стадную, а затем дуально-родовую организацию. Но это было непросто, эти взаимообрачуемые системы формировались в течение тысячелетий. Сначала монолитный социальный организм, как живая клетка, разделился пополам, затем каждая половинка соединилась с «чужой» противоположного пола и стала воспроизводить потомство. Такова схема антропосоциогенеза: от инстинкта к традиции. Организовалась система, состоящая из четырех групп, двух производственных и двух детопроизводственных – дуально-родовая организация – первый социальный организм человечества, живущий по нравственным законам (Семенов, 1989: 149).

Очеловечивание началось с запрета, с того самого табу, которое разделило стадо пополам. Женщины с детьми стали проживать отдельно от половозрелых мужчин. Но подростки, созревая и живя бок о бок с матерями и сестрами, часто нарушали запрет и жестоко наказывались коллективом. Так возникла инициация. Жестокие наказания постепенно стали профилактическими и закрепились традицией. Именно в инициации творился телесный образ настоящего мужчины, достойного члена своего племени. Оставшиеся после инициации рубцы на теле были предметом гордости и знаком отличия взрослого мужчины от непосвященного юнца, а особый рисунок этих рубцов помогал отличить соплеменника от чужака. В вырезанные раны втирались минеральные красители – так

появилась татуировка. Раскраска тела, татуировка и навесные украшения стали «протокостюмом» человека.

Человеческое тело было первым полотно для изобразительной деятельности. Эти «письмена» на теле изначально были функциональны. Прежде всего – это знаки отличия от других, знаки принадлежности к «своим». Эту особенность сохранил национальный орнамент. Его истоки – в палеолите, когда на теле неопита вырезались несмываемые узоры, символизирующие единство группы.

Культура началась с запрета поедать тотемное животное и совокупляться с матерями и сестрами. Этот жестокий запрет будил воображение. Пищевой и половой инстинкты требовали удовлетворения. В конце концов зверь и женщина «впечатались» в формирующийся мозг в качестве объектов вождения и стали архетипами – первообразами искусства.

Итак, запрет порождает желание, желание сублимируется в образ.

Согласно Б.Ф. Поршневу, «непосильное торможение инстинктов порождает галлюцинации и запечатление, материализация этих галлюцинаторных зрительных образов порождает двойников натурального явления, и этих двойников могли созерцать и трогать уже и другие – прикасаться к ним, тыкать, накладывать на них пятерню... Образ обычно неволен, неприволен, нередко навязчив, но все же он есть активное нащупывание двойника (копии) оригинала» (Поршневу, 1974: 465-466).

В нейрофизиологии существует так называемый феномен эйдетической памяти, присущий, как считается, архаическому человеку. В связи с первоначальной нераздельностью механизмов памяти и восприятия эйдетик после созерцания какого-либо предмета или явления, поразившего его воображение, еще долгое время продолжает видеть его как наяву. Эйдетическая память лежит в основе образного мышления и мифологического творчества (Выготский, Лурия, 1993: 86). В конце концов наступает момент, когда галлюцинации,

усиленные эйдетической памятью, находят свое внешнее выражение. И этот момент перехода от галлюцинаций (а они есть и у животных) к изобразительной деятельности ученые считают переломным, он совпадает с возникновением человека разумного.

Заключение

В результате настоящего исследования удалось дать возможные ответы на следующие вопросы: как в ходе исторического процесса формировалась ментальность человека; как и почему стала возможной изобразительная деятельность; был смоделирован сам «механизм» творческого акта. Также удалось прояснить вопрос, почему образы зверя и женщины доминировали в искусстве палеолита. Выявлены и описаны их характерные признаки и способы изображения. На основе анализа теории антропогенеза Ю.И. Семенова удалось построить гипотезу, как в сообществе пралюдей возникает половой запрет, который и становится причиной появления сильнейших эмоций, в свою очередь, легших в основу первообразов искусства. Торможение инстинктов порождало галлюцинации, которые «требовали» воплощения в материале. Таким образом, в статье представлена концепция психофизиологических и социально-исторических предпосылок возникновения образов первобытного искусства.

Литература

- Бородай, Ю.М. Эротика, смерть, табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
- Выготский, Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 573 с.
- Выготский, Л.С., Лурия, А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-пресс, 1993. 224 с.
- Куценков, П.А. Психология первобытного и традиционного искусства. М.: Прогресс-традиция, 2007. 232 с.
- Лободанов, А.П. Семиотика искусства: история и онтология: 2-е издание. М.: Издательство Московского университета, 2013. 680 с.

Марков, А. Эволюция человека. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 464 с.

Поршнева, Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.

Постмодернизм: Энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. 1040 с.

Семенов, В.А. Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Азбука-классика, 2008. 592 с.

Семенов, Ю.И. Как возникло человечество. М.: Издательство «Наука», 1966. 568 с.

Семенов, Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 360 с.

Тен, В.В. Диалектические начала антропоэволюции. СПб.: Инсайт, 2011. 147 с.

Тэрнер, В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) // Искусствоведение: методы точных наук и семиотики. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.

Фатыхов, С.Г. Новая археология матриархата. Социокультурный анализ реликтов. Екатеринбург: ЧГИИ, 2009. 252 с.

Фрейд, З. Тотем и табу. М.: Алетейя, 1977. 222 с.

Фрейденберг, О.М. Миф и литература в древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

Шер, Я.А., Вишняцкий, Л.Б., Бледнова, Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 280 с.

Этнологические исследования за рубежом / отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1973. 232 с.

Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1996. 336 с.

References

Borodai, Yu. M. (1996), *Erotika, smert', tabu: tragediya chelovecheskogo soznaniya* [Eroticism, death, taboo: the tragedy of the human], Gnosis, Russian Phenomenological Society Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Etnologicheskie issledovaniya za rubezhom (1973) [Ethnological research abroad], in Bromley, Yu. V. (ed.), Nauka Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Fatykhov, S. G. (2009), *Novaya arkheologiya matriarkhata. Sotsiokul'turny analiz reliktov* [The new archeology of the matriarchy.

Socio-cultural analysis of relics], CHGKI Publ., Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Freud, Z. (1977), *Totem i tabu* [Totem and taboo], Alethea Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Freudenberg, O. M. (1998), *Mif i literatura v drevnosti* [Myth and literature in antiquity], "Oriental Literature" Publ., Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.).

Jung, K. G. (1996), *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time], Progress Publ, Moscow, Russia (in Russ.).

Kutsenkov, P. A. (2007), *Psikhologiya pervobytnogo i traditsionnogo iskusstva* [Psychology of primitive and traditional art], Progress-tradition Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Lobodanov, A. P. (2013), *Semiotika iskusstva: istoriya i ontologiya* [Semiotics of art: history and ontology], 2nd edition, Moscow University Press Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Markov, A. (2014), *Evolutsiya cheloveka. Kn. 1. Obez'yany, kosti i geny* [Human evolution. Book 1. Monkeys, bones and genes], AST: CORPUS Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Porshnev, B. F. (1974), *O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (problems of paleopsychology)], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Postmodernizm. Entsiklopediya (2001) [Postmodernism. Encyclopedia], in A. A. Gritsanov, M. A. Mozheyko (eds.), Interpresservice; Book House Publ., Minsk, Belarus' (in Russ.).

Semenov, V. A. (2008), *Pervobytnoe iskusstvo: Kamennyj vek. Bronzovyy vek* [Primitive art: The Stone Age. The Bronze Age.], Azbukaklassika Publ., St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Semenov, Yu. I. (1966), *Kak vozniklo chelovechestvo* [How humanity arose], "Science" Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Semenov, Yu. I. (1989), *Na zare chelovecheskoj istorii* [At the dawn of human history], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Sher, Ya. A., Vishnyatsky, L. B., Blednova, N. S. (2004), *Proiskhozhdenie znakovogo povedeniya* [The origin of sign behavior], Scientific World Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Ten, V. V. (2011), *Dialekticheskie nachala antropoevolutsii* [Dialectical principles of anthropoevolution], Insight Publ., St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Turner, V. U. (2007), "The problem of color classification in primitive cultures (based on the material of the Ndembu ritual)", *Iskusstvomet-*

riya: metody tochnyh nauk i semiotiki], LKI Publ., Russia (in Russ.).

Vygotsky, L. S. (1986), *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art], Iskusstvo Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Vygotsky, L. S., Luria, A. R. (1993), *Etudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebyonok* [Etudes on the history of behavior: Monkey. Primitive. Child], Pedagogika-press Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Молчанова Людмила Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, д. 1, г. Ижевск, 426034, Россия; lusmolchan@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Lyudmila A. Molchanova, PhD in History, Associate Professor, Department of Computer Technologies and Art Design, Udmurt State University, 1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russia; lusmolchan@mail.ru

УДК 82-09

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-5

Лебедева В. Ю. | Суицидальная проблематика в русских романах и повести
В. Набокова в свете идей Н. Бердяева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Россия; vikkktoria2@yandex.ru

Аннотация. Взгляды В. Набокова на феномен добровольного ухода из жизни имеют много общего со взглядами Н. Бердяева, поэтому сопоставление дискурсов писателя и философа видится продуктивным. Объектом исследования послужили романы «Защита Лужина», «Дар» и повесть «Волшебник», рассмотренные в контексте бердяевского труда «О самоубийстве». Автором применялись методы и приемы танатологического, интертекстуального, мотивного, структурно-семантического, онтопоэтического, культурно-исторического анализа. В ходе исследования был сделан вывод, что Набоков и Бердяев, каждый своими средствами, показывают многоаспектность проблемы суицида. Они уделяют внимание личностному аспекту (наличие у суицидентов таких негативных качеств, как эгоцентризм, безответственность, склонность к эскапизму, потребительство, оппозиция к миру, богоборческие интенции), социальному (неблагоприятная среда, табуирование смерти и неуважение к ее тайне, влияние манипуляторов, токсичность идей) и мистико-религиозному (воздействие демонических сил и скрытый или явный конфликт с Богом). Различие состоит в том, что Набоков предпочитает «непрямое высказывание». Кроме того, и мыслитель, и писатель поднимают вопрос «противоядия», суть которого заключается в примирении с Богом и духовной борьбе за себя.

Ключевые слова: В. Набоков; мистико-религиозный дискурс; Н. Бердяев; суицид; танатология

Для цитирования: Лебедева В. Ю. Суицидальная проблематика в русских романах и повести В. Набокова в свете идей Н. Бердяева // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 52-64. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-5

V. Yu. Lebedeva | Suicidal problematics in Nabokov's Russian novels and novella
in the light of N. Berdyaev's views

Bunin Yelets State University, 28 Kommunarov St, Yelets, Lipetsk region, 399770, Russia;
vikkktoria2@yandex.ru

Abstract. V. Nabokov's views on the phenomenon of voluntary self-destruction have much in common with the views of N. Berdyaev, therefore, the comparison of the discourses of the writer and the philosopher seems to be productive. The object of the research is the novels "The Defense", "The Gift" and the novella "The Enchanter", considered in the context of Berdyaev's work "On Suicide". The author uses the methods of thanatological, intertextual, motif, structural-semantic, ontopoetic, cultural-historical analysis. In the course of the study, the author comes to the con-

clusion that Nabokov and Berdyaev, each with their own means, show the multifaceted nature of the problem of suicide. They pay attention to the personal aspect (the presence of such negative qualities of suicides as egocentrism, irresponsibility, inclination to escapism, consumerism, latent or explicit opposition to the world, theomachy intentions), the social aspect (unfavorable environment, taboo of death, disrespect for death mystery, falling under the influence of manipulators, toxic ideas), and the mystical-religious aspect (the influence of demonic forces and the latent or open conflict with God). The difference is that Nabokov prefers “indirect statements”. Also the philosopher and the writer raise the issue of the “antidote”, the essence of which they see in reconciliation with God and spiritual struggle for the soul.

Keywords: V. Nabokov; mystical-religious discourse; N. Berdyaev; suicide; thanatology

For citation: Lebedeva V. Yu. (2021), “Suicidal problematics in Nabokov’s Russian novels and novella in the light of N. Berdyaev’s views”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 52-64, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-5

Введение

Вопрос «вольной смерти» – один из сложнейших в человеческой истории, и амплитуда восприятия этого акта широка – в диапазоне от героизма до тяжелейшего греха (в авраамических религиях). Как заключает Дж.Н. Огбуану (J.N. Ogbuanu), в аспекте выживания человечества самоубийство является всеобщим вызовом вне зависимости от культурных и мировоззренческих различий (“a challenge to all members of the human community, irrespective of their culture, beliefs and world view”¹ (Ogbuanu, 2014: 127)). О суициде в свое время рассуждали Платон, Лукреций, Сенека, И. Кант, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, У. Джеймс, Н. Бердяев, А. Камю и др. Поворотным этапом можно полагать выход в свет монографии Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд». Основатель французской социологической школы провел обширное исследование на основе ранее разработанной методологии и обозначил четыре типа суицидов (эгоистическое, альтруистическое, аномическое и фаталистическое). Он посчитал, что число таких актов «зависит только от социологических

причин» и «определяется моральной организацией общества» (Дюркгейм, 1994: 180). Выход ученый увидел в создании новых форм социального взаимодействия. Н. Бердяев, «войдя в труд» предшественника, посмотрел на проблему под иным углом, о чем свидетельствует уже заглавие («О самоубийстве. Психологический этюд»), словно «отзеркаливающее» заглавие дюркгеймовской монографии. Философ перенес центр тяжести с социального на индивидуальное и актуализировал религиозный дискурс. В наши дни С.С. Аванесов, рассмотрев феномен «вольной смерти» в широком философском контексте, пришел к выводу, что суицид «означает полную онтологическую деструкцию личности» (Аванесов, 2003: 349). В литературе тема нашла выражение в творчестве У. Шекспира, И.В. Гете, Ф. Достоевского, С. Цвейга, Ф. Кафки, Л. Андреева, А. Платонова и др. Целью данного исследования является анализ суицидальной проблематики в ряде произведений В. Набокова в контексте воззрений Н. Бердяева.

Проблема добровольного ухода из жизни волновала писателя на всем протяжении его творчества. Ситуация завершённого суицида явлена в ряде рассказов, в романах «Защита Лужина», «Дар» и по-

¹ «вызов всем членам человеческого сообщества, независимо от их культуры, убеждений и мировоззрения» (пер. с англ.).

вести «Волшебник». Примечательно, что позиция писателя во многом схожа с позицией Бердяева, представленной в его труде «О самоубийстве». Ряд набоковских «суицидальных» текстов был создан до того, как книга философа увидела свет, но тем любопытнее обнаружить совпадения во взглядах. Последние во многом обусловлены приверженностью культурной традиции и духом времени.

А. Уваров, исследуя феномен самоубийства в русской философии (работах В. Соловьева, Л. Шестова, Н. Бердяева и т. д., а также в творчестве Ф. Достоевского), объясняет ее внимание к проблеме тремя основными причинами: наличием западных трудов; социальными изменениями, отразившимися в росте числа самоубийств; взаимодействием между мыслителями. Ученый резюмирует, что для русской философии «характерен очевидный крен к отрицательной оценке суицида, как правило, с религиозной точки зрения» (Уваров, 2015: 39). Заявляет он и о необходимости систематизации философских взглядов на феномен суицида: это станет важным шагом в осмыслении проблемы, столь знаковой в современном обществе, где сила *Mortido* возрастает. Мы полагаем, что свои плоды принесет и анализ произведений признанных мастеров слова.

Исследователи уже соотносили курсы Набокова и Бердяева. Так, Ю. Скроцкий утверждает, что писатель «довел до невыносимой красоты утвержденный Бердяевым <...> аристократизм» (Скроцкий, 2010: 204). О. Буренина полагает, что миры Набокова и Вагинова связывает бердяевская концепция «трагедии» творчества, обусловленной конфликтом трансцендентного и имманентного: «Если, по Бердяеву, трагедия, перерастая рамки литературной формы, эквивалентна пост-эсхатологическому пространству, то для Вагинова <...> текст есть само постэсхатологическое пространство». На такую «интерпретацию текста-“трагедии” или текста-“отчаяния”» «ориентируется» и Набоков в ряде произведений (Буренина, 2001:

473). А. Злочевская, полагая «Лолиту» глубоким исследованием «проблемы греховной любви», видит роман «художественной иллюстрацией» размышлений отечественных философов о «губительности» сниженного Эроса (Злочевская). Она приводит высказывание Бердяева об обезличивающей силе животного влечения, которое «не утверждает личность, а раздавливает ее» (Бердяев, 1990: 70). По мере развития чувства к Лолите в душе героя возникает жалость, которую А. Злочевская сопоставляет с бердяевской концепцией каритативной любви, «смирившей» любовь эротическую. Однако полноценного перерождения у Гумберта не происходит – его любовь «ущербная», потому что в подлинной любви, по Бердяеву, пол побежден возвышенным Эросом, а герой лишь осознает себя «несчастливым зверем» в клетке «физиологических пристрастий» (Злочевская).

Основная часть. Наблюдения А. Злочевской наиболее близки проблематике нашего исследования – Эрос у Набокова нередко тесно связан с Танатосом. Пример тому явлен в рассказе «Удар крыла», «отправной точке» для развития суицидальной проблематики во вселенной Набокова. По заключению Б. Аверина, писатель с определенного момента отдал предпочтение «непрямому высказыванию», когда «религиозная тема уходит в подтекст» (Аверин, 2003: 314). В «Ударе крыла», напротив, мистическое начало эксплицировано (к гибели подталкивают демоны), прямо цитируется Писание (отрывок о Левиафане) и почти цитируются «Бесы», где Кириллов заявил: «Кто смеет убить себя, тот бог» (Достоевский, 1990: 112). Главный герой Керн, мучимый черными мыслями после суицида супруги и не нашедший утешения на горнолыжном курорте (отсылающем к «Господину из Сан-Франциско» И. Бунина), желание застрелиться расценивает так: «А ведь человек, решившийся на самоубийство, – бог» (Набоков, 2004, 1: 52). Набоков, известный неоднозначным отношением к Достоев-

скому, нередко пародирует его, однако О. Меерсон (O. Meerson) полагает, что пародирование не гарантирует антипатию: «In Nabokov's case, as in Dostoevskij's, parody does not guarantee that he dislikes what he parodies»² (Meerson, 1996: 20).

Керн приземленнее Кириллова (которого Бердяев назвал «самым благородным и возвышенным из самоубийц» (Бердяев, 1931: 23)), падох на примитивные развлечения, однако ему присуща острота мироощущения – правда, со знаком «минус». Он ощущает близость «черной бездны», от которой не укрыться за «цветными лоскутками» – поездками, чтивом, любовными связями. В этом плане он близок персонажу Достоевского с его представлениями о жизни-боли, жизни-страхе, но мыслит глобальнее: «Люди выдумывают преступления, музеи, игры только для того, чтобы скрыться от неизвестного, от головокружительного неба» (Набоков, 2004, 1: 39). Здесь сопряжены проблемы эскапизма и богоотступничества вследствие грехопадения. Идея о тяге к смеральному как последствию вкушения запретного плода озвучивается и Бердяевым. Он пишет о вхождении смерти в мир и о поврежденности людей: «Человек есть большое существо, в его бессознательном есть страшная тьма» (Бердяев, 1931: 36).

Кириллов хочет утвердить превосходство идеи человекобога над идеей Богочеловека, и философ так оценивает это: «Последнее слово крестной жертвы Христа есть жизнь, воскресение. Кириллов делает бессильный метафизический жест, он бессилён своей смертью смерть поправить» (Бердяев, 1931: 22-23). Герой накладывает на себя обязательства перед антропоморфными «бесами», а Керн контактирует с бесами настоящими. Так Набоков углубляет проблематику, эксплицируя связь самоубийства с inferнальным влиянием. Это тоже резонирует с воззрениями Бердяева, писавшего, что суицидент, хоть и «закупо-

рен» в себе, творит чужую волю. Он не осознает «сатанинской метафизики самоубийства», которое «совершается нечеловеческой силой», а не является реализацией силы личностной. Убивающий себя захвачен тьмой «и утерять свободу» (Бердяев, 1931: 17). Так, Керн передает себя в руки демона-искусителя Монфиори, уводящего его, «как слепого», в комнату, где лежит пистолет.

Изложенное выше помогает лучше понять суицидальную проблематику в «Защите Лужина», «Волшебнике» и «Даре». Там, в отличие от «Удара крыла» и тоже ранней «Сказки», где демоница хвалилась, что довела до рокового шага нескольких юношей, уже имеет место «непрямое высказывание».

Если рассматривать «Защиту Лужина» в парадигме «суицидальных» текстов, становится очевидным, что автор не на стороне персонажа-лудомана (как не на стороне наркомана Лужина из «Случайности» и алкоголика Колдунова из «Лика», тоже покончивших с собой). Своего рода «приквелом» к роману можно считать стихотворение «Шахматный конь», где пожилой бывший чемпион сходит с ума и начинает считать себя этой фигурой. В романе же герою приснился кошмар, где он, голый и «ростом с пешку», стоял на доске и всматривался в «расположение огромных фигур, горбатых, головастых, венценосных» (Набоков, 2009, 2: 452). В тексте обнаруживается «аддикционная тетрада»: элементами одного поля явлены игромания, курение, алкоголизм и наркомания (впрыскивания кокаина Холмсом, любимым персонажем Лужина). По принятию кокаина у однофамильца шахматиста из «Случайности» «голова наливалась блаженным ледяным воздухом» (Набоков, 2004, 1: 65), а в романе «ледяной воздух» наполнял комнату, где юный игрок искал в журналах шахматные задачи, и он же хлынул ему в рот, когда тот вышел в окно.

Лужин – эскапист, он ищет прибежища от действительности, в связи с чем И. Мэйзинг-Делик (I. Masing-Delic) упо-

² «В случае Набокова, как и Достоевского, пародия не означает, что ему не нравится то, что он пародирует» (пер. с англ.).

добляет его Башмачкину: “There are numerous allusions to Gogol’s “Overcoat” in Vladimir Nabokov’s “The Defense””³ (Masing-Delic, 2017: 1). Исследовательница, проведя параллели «каллиграфия/шахматы» и «шинель как жена / жена как шинель», приходит к выводу, что поиски защиты оборачиваются для героев саморазрушением. Кстати, Бердяев упоминает и зависимости, объясняя их попыткой избавиться от страданий (все набоковские аддикты несчастны): когда кто-то прибегает к наркотикам, «он не выносит мучительности сознания», но уходит от последнего «вниз, а не вверх» (Бердяев, 1931: 35). Философ называет это «частичным самоубийством».

Лужин имеет проблемы и с телесностью, обусловленные не только образом жизни, но и некоторым отрицанием материального мира. В этом тоже есть суицидальный подтекст: такое пренебрежение к себе и к миру, по Бердяеву, сопряжено с эгоизмом, «самопогруженностью и самопоглощенностью», противостоящим «нормальной любви к себе, как к принадлежащему Богу существу» (Бердяев, 1931: 25-26). Впоследствии негативное отношение потенциальный самоубийца экстраполирует на окружающее. Когда человек желает самоуничтожения, «то этого он никому не прощает, ему делаются ненавистны и противны и другие люди, и весь мир Божий» (Бердяев, 1931: 26). Яркая иллюстрация представлена в «Ударе крыла», где Керну в момент особого напряжения захотелось «запустить в стену горшок с гиацинтами. <...> Теперь он понял, что и людские лица нестерпимы ему» (Набоков, 2004, 1: 40). В Лужине подобное тоже накапливалось – так, на турнире он стал ощущать присутствие других как «отвратительное тепло».

Расчеловечивание героя показано и посредством механистической образности. Некоторые его действия сопровождаются эпитетом «машинально», а перед суици-

дом жена полуосознанно скажет о нем «стоп-машина» и расплатится. У Лужина сложности и с чувством времени, что тоже характеризует его как метафизического слепца. Так, Т. Лясковец (Т. Lyaskovets) полагает, что на вопрос, какое из чувств (слух, вкус и т. д.) ответственно за восприятие времени, “Nabokov’s answer <...> is sight – physical and mental”⁴ (Lyaskovets, 2014: 2). Про «сбитое» чувство времени у суицидентов Бердяев пишет тоже, выявляя такие аспекты, как застревание в негативном переживании, предпочтение земного, недооценка близости преисподней и перспективы загробных мучений. Отчаяние – это «дурная бесконечность муки и страдания, т. е. предвосхищение вечных адских мук, от которых человек думает освободиться лишением себя жизни» (Бердяев, 1931: 11). Мотив ада – сквозной у Набокова, и маркерами преисподней он часто наделяет посюсторонний мир, словно разделяя идею Свт. Григория Нисского о том, что Земля – это верхний ад. Уже в «Ударе крыла» есть аллюзии на “Inferno”, что отметила Л. Бугаева: лиминальное положение Керна, находящегося «на грани “провала” в смерть, – это отсылка к Данте и к его путешествию по загробному миру» (Бугаева, 2011: 666). В «Защите Лужина» встречается скрытое упоминание Тартара, жена шахматиста называет адом турнирный период, сам он в музее с интересом рассматривает картину, на которой изображено «все мучение грешников в аду».

В целом, Лужина можно отнести и к homo ludens (Й. Хейзинга) (с негативной коннотацией), и к homo mechanicus (Э. Фромм), причем эти ипостаси взаимосвязаны. В истории известен шахматный автомат «Турок», о нем даже писал Э.А. По. Прибор упомянут в романе «Король, дама, валет», и его можно полагать одним из аллегорических прототипов «машиноподобного» Лужина (также в тексте фигурируют турецкий столик и отто-

³ «В “Защите” Владимира Набокова есть многочисленные аллюзии на “Шинель” Гоголя» (пер. с англ.)

⁴ «Ответ Набокова <...> это зрение – физическое и ментальное» (пер. с англ.)

манка, жена шахматиста называет себя «прекрасной турчанкой», а их чета прогуливается вблизи магазина «играющих аппаратов» – Набоков известный мастер каламбура).

Еще одно подтверждение того, что шахматист проходит путь метафизического распада, обнаруживается в «Камере обскуре». Там героя поглощает сексуальная страсть – по наблюдению Н. Букс, «своеобразным парафразом» произведения является фильм «Плоть и дьявол» (Букс, 1992: 187). Ослепнув после аварии, герой, осмыслив свое духовное состояние, понял, что не отличался от презираемых им ранее «узких специалистов»: «от рабочего, знающего только свою машину, от виртуоза, ставшего лишь придатком к музыкальному инструменту. Специальностью Кречмара было <...> живописное любострастие» (Набоков, 2006, 3: 375). Параллель «шахматы/музыка» проведена в «Защите Лужина» настойчиво, и мотив узости там актуализирован тоже. Среди соматических примет героя автор отмечает узкие глаза, а ближе к финалу как бы невзначай говорит про «узкое поле лужинского зрения». В итоге оно сузилось до черного квадрата окна, через которое шахматист шагнул в небытие. Про «туннельное зрение» самоубийцы пишет и Бердяев, отмечая «страшное сужение сознания, угасание для него всего богатства Божьего мира», когда жизнь замыкается «в одной темной точке» (Бердяев, 1931: 11).

Кроме того, «Защита Лужина» корреспондирует с «Ударом крыла» в аспектах богоборчества и inferнального влияния. В рассказе искусителем Монфиори (как бы дающим Керну шанс выбрать) озвучена оппозиция «Бог vs боги», за которыми угадываются inferнальные силы. В «Защите Лужина» шахматы названы одним из темных медиаторов «игрой богов»; после срыва на турнире какое-то время были «в тени жестокие громады, боги его [лужинского – В.Л.] бытия» (Набоков, 2009, 2: 403); в состоянии срыва игрок, мечущийся в поисках дома детства, оказался на якобы зна-

комом мосту, но вскоре понял, что это «тонкая уловка со стороны шахматных богов, ибо на перилах моста выросли мокрые от дождя, дрожащие, голые великанши» (Набоков, 2009, 2: 391). Герой постоянно ощущает угрозу, на него периодически кто-то/что-то пристально смотрит, в момент срыва он слышит голоса – будто бы окружающих, но Набоков не уточняет, чьи это голоса. Когда он собирался выброситься из окна, внизу шло «торопливое подготовление». Стоит добавить, что паровоз, который должен был раздавить голову лужинского однофамильца из «Случайности», «нагрязнул жадно». Аналогичным образом на пути ищущего гибели героя «Волшебника» «выросло» нечто, «готовое низринуться» (транспорт на ночной дороге, и это не единственный уровень прочтения).

В этой повести безымянный мужчина средних лет, страдающий от влечения к девочкам, женится на больной вдове в надежде совратить ее двенадцатилетнюю дочь (произведение предвосхищает коллизию «Лолиты»). Через какое-то время женщина умирает, и «волшебник» увозит падчерицу с собой, предвкушая годы плотских утех. Но в первую же ночь в гостинице он не совладал с похотью при виде задремавшей девочки, та проснулась и закричала, разбудив всех, и ему пришлось спасаться позорным бегством. В персонаже зародилось «требование потока, пропасти, рельсов – все равно как...». В итоге он бросился под машину: «Когда же завыло впереди, <...> и выросло, <...> уже озаряя спуск двумя овалами желтоватого света, готовое низринуться – тогда <...> под это растущее...» (Набоков, 2008, 5: 81). Тут Набоков тоже вводит «адский» мотив – персонаж бежал по панели, «ощущая босоту уже как провал в другое» (Набоков, 2008, 5: 81). Возжаждав смерти, герой обесценивает реальность: «Надо тотчас отделаться от ненужного, досмотренного, глупейшего мира» (Набоков, 2008, 5: 81). Бердяев пишет, что самоубийца по сути своей – раб, он не побеждает мир, как

Христос, а побеждается им. Такой индивид ищет «вкусного», хочет, чтобы мир «возбуждал его, привлекал его, и мучается, что это прошло и уже невозможно» (Бердяев, 1931: 20). Он считает настоящей жизнью «сладость мира», и ее потеря оборачивается катастрофой. Суицидента «убивает мир, ставший для него слишком горьким» (Бердяев, 1931: 18).

И Лужин, и «волшебник» долго осуществляли «частичное самоубийство», только шахматист – пленник виртуального мира игры, его саморазрушение обусловлено аддикцией, как у алкоголиков и наркоманов, ищущих утешения в дурмане. Похотливый же «волшебник» не эскапист, его душа – игральное страстей, «порождающих непреодолимые конфликты жизни» (Бердяев, 1931: 15). К ним философ причисляет жажду власти, наживы, мести, ярость, сластолюбие, ревность и азарт. При этом уход из жизни людей типа шахматиста и «волшебника» Бердяев относит к явлениям больше индивидуального, нежели социального толка.

Набоков, ставя вопрос личностного выбора, одновременно заявляет и проблеме среды. Его суициденты окружены непониманием, отчуждением, порой агрессией. Об одиночестве на грани изоляции как причине размышляет и Бердяев. Набоков поднимает также тему табуирования смерти, которое в большинстве западных культур превратило экзистенциальные запросы в нечто постыдное и дурное (“has turned an existentially sound quest for meaning and search for healing of the soul and reconnection to the world into something shameful and bad”⁵ (Ventegodt and Merrick, 2005: 765)). Кстати, в набоковской прозе, начиная с «Удара крыла», обнаруживается немало аллюзий на «Маску Красной смерти» Э. По и «Господина из Сан-Франциско» И. Бунина, что заслуживает особого исследования. По Бердяеву, самоубийство есть

⁵ «экзистенциально обоснованный поиск смысла и стремление к исцелению души и воссоединению с миром превратился во что-то постыдное и плохое» (пер. с англ.).

насилие не только над жизнью, но и над смертью, потому что суицидент не уважает ее тайну и не желает «знать Того, Кто создал жизнь и от Кого зависит смерть» (Бердяев, 1931: 20).

Философ указывает и на многоаспектность христианской танатологии. Мортальность не только зло: «Христос смертью смерть поправ. <...> Представить себе нашу грешную и ограниченную жизнь бесконечной есть кошмар. Через смерть мы идем к воскресению для новой жизни» (Бердяев, 1931: 21). При таком подходе самоубийство – это отказ от креста и измена Богу, побежденность миром сим. Кстати, когда шахматист перед суицидом метался по квартире, что-то решая внутри себя, жена, напуганная происходящим, говорила словно в пророческом полутрансе: «Ради Христа, садитесь, Лужин. <...> Ну, поговорим о чем-нибудь. <...> Вы умрете, если будете так много гулять» (Набоков, 2009, 2: 462). Ранее герой не был на похоронах отца, потому что боялся «пуще всего мертвецов, гробов, венков и ответственности, связанной со всем этим» (Набоков, 2009, 2: 361). Слова про ответственность можно прочитать и «по горизонтали» (хлопоты вокруг трагического события), и «по вертикали» (взаимоотношения с Создателем).

Безответственность – качество, роднящее набоковских суицидентов. Затрагивая социальный аспект, автор поднимает и проблему цепочки зла, контагиозного влияния. В ситуациях героев бывают замешаны другие люди (и не только), среди которых выделяется лужинский антрепренер Валентинов, «демонический агент» (Барбтарло, 2011: 124). Также его можно отнести к представителям типа «confidence man», рассматриваемого Б. Уилли (B. Wyllie) на материале романов «Отчаяние», «Смех в темноте», «Король, дама, валет». Она пишет, что о невинных жертвах говорить там не приходится: все ищут выгоды, соглашаясь быть объектом либо субъектом манипуляций (“either by tacitly agreeing to be manipulated or by actively ma-

nipulating someone else”⁶ (Wyllie, 2016: 11)). Галерею дополняет Лужин, который, позволяя Валентинову обращаться с собой как с вещью, сам схожим образом воспринимает людей, видя в них подобию шахматных фигур.

В романе «Дар» в аспекте суицида заявлена проблема токсичности идей (что тоже резонирует с «Бесами»). В ловушку угодили молодые люди, ставшие, пользуясь формулировкой Бердяева, жертвами «бурного душевного кризиса» на любовной почве. Свою роль сыграл и дух времени – уход из жизни Яши Чернышевского «пропитан литературой». Он и двое его друзей, оказавшись в закольцованной ситуации невзаимного чувства (Яша «влюблен в душу» Рудольфа, того влечет к Ольге, а ее – к Яше), задумали тройное самоубийство. В итоге застрелился только Чернышевский, а остальные двое сблизилась и оставили трагедию в прошлом.

В «Даре» Набоков прибегает к отличной от предыдущих «суицидальных» текстов повествовательной стратегии: история Яши показана не напрямую, а сквозь призму восприятия Ф. Годунова-Чердынцева. С. Блэквелл (S. Blackwell), проанализировав эпизод роковой поездки в лес и указав на детали, которые не могли знать рассказчики Ольга и Рудольф, пишет о творческой интерполяции: “It demonstrates for us how he [Федор – В.Л.] approaches the craft of artistically distorting his reality”⁷ (Blackwell, 2017: 151). Кроме того, Годунов-Чердынцев опасается, что родители Яши вынудят его написать роман о нем, что тоже придает «литературность» ситуации.

Не только Яшина коллизия глубоко «литературна», но и некоторые ключи к ней лежат в «книжной» плоскости – в его комнате остались два поэтических сборни-

ка. А. Долинин охарактеризовал их как эмблематичные и поднял вопрос личной ответственности: через них словно предлагается «молодому поэту выбор между путем Анненского и путем Ходасевича, между “кипарисовым ларцом” смерти и “тяжелой лирой” творчества» (Долинин, 2009: 255-256). Такое противопоставление – вариант оппозиции «витальность vs мортальность», и Годунов-Чердынцев и Яша делают свой выбор. Осмысляя судьбу юного самоубийцы, А. Долинин приходит к выводу о наличии в романе «излюбленной набоковской мысли о единой, губительной для художника сущности всех разновидностей духовного рабства, подчинения “веаниям века”» (Долинин, 2009: 256). Эта «излюбленная» писателем мысль корреспондирует с мыслью Бердяева, немало пишущего о разного рода рабстве (выше приводились высказывания такого толка).

Сама идея тройного суицида активнее всего разрабатывалась Ольгой, на которую можно посмотреть как на темного медиатора. Она, пользуясь формулировкой Бердяева, вызвала «роковую решимость» в других, «посеяла» смерть – однако сама избежала ее всходов. Яша же продолжил галерею суицидентов, делегировавших другим ответственность за свою жизнь.

Набоков специфически описывает время, предшествующее событию. Чета Чернышевских, как и родители других участников «заговора», не только не подозревала ни о чем, «но с уверенностью ответила бы, найдись праздный вопрошатель среди ангелов, уже слетавшихся, уже кипевших с профессиональной хлопотливостью вокруг колыбели, где лежал темный новорожденный револьвер, – ответила бы, что все хорошо» (Набоков, 2002, 4: 231). Во-первых, тут заявлена проблема среды – всем было комфортно в «розовых очках». Во-вторых, эксплицитированные в «Ударе крыла» демонические силы, уйдя на время в тень подтекста, напоминают о себе на страницах «Дара» («хлопотливые» ангелы явно из числа падших). Так происходит закольцовывание внутри суицидаль-

⁶ «либо молчаливо соглашаясь на то, чтобы им манипулировали, либо активно манипулируя кем-то другим» (пер. с англ.)

⁷ «Это демонстрирует нам, как он [Федор. – В.Л.] подходит к искусству художественного искажения своей реальности» (пер. с англ.)

ного дискурса в русскоязычной прозе Набокова. К слову, прием гиперболизации применен и здесь: «новорожденный» револьвер к весне «вырос», а в назначенный день он стал «совсем толстым и самостоятельным» (Набоков, 2002, 4: 232). Стоит вспомнить, что в «Волшебнике» нечто, «готовое низринуться», «выросло» навстречу самоубийце, а в «Защите Лужина» постепенно «выросли» до огромных размеров «шахматные боги», принимающие вид то великанш на мосту, то гигантских фигур перед героем-пешкой. Начиная он, к слову, с другого статуса – маленькому Лужину в играх приятнее всего было «изображать короля».

При сопоставлении эпизодов самоубийства в «Защите Лужина», «Волшебнике» и «Даре» обнаруживаются сходства, характерные для суицидального дискурса писателя в целом. Роковой шаг предвращается другим шагом – герои переступают онтологический порог. От того, как это «разрешится, зависит рисунок бытия будущего, <...> вызревающего в момент прохождения <...> порога» (Карасев, 2009: 26). Суициденты оказываются не в состоянии пройти испытание, а их гибель не романтизируется и не эстетизируется. (К слову, лудоман Лужин упал с высоты, подобно «съеденной» шахматной фигуре, а тело Яши было испачкано «землею, кровью, илом» – Ольга с Рудольфом пытались привести его в чувство.) Игрок и «волшебник» испытывают тягу к небытию вследствие тупика, к которому долго шли. Яша колеблется, но им тоже движет отчаяние. Их коллизии отражают слова Бердяева о том, что страшный шаг делается в особый момент, «когда черные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды» (Бердяев, 1931: 10).

Яшу роднит с другими суицидентами и проблема внутренней несвободы. Будучи более витальным, умирать он боялся и не хотел (о чем свидетельствует предсмертная записка), но его выстрел, погружение в немоту – проявление слабости, а не силы (о такого рода слабости пишет и Бердяев).

В этом ключе ему противостоит не только Годунов-Чердынцев, но и Цинциннат Ц., который в ситуации «застревания» у терминального порога становится художником – смертность возводится «в моторную творческую силу» (Buhks, 1994: 825), а в финале герой воскресает.

Одновременно Набоков и Бердяев поднимают вопрос «противоядия», суть которого – в примирении с Богом (только писатель предпочитает «непрямое высказывание»). Набоков иногда воспринимается как автор, безжалостный к персонажам вплоть до отвращения. Прот. А. Шмеман даже обвинил его в «гордыне» и тонком «хамстве» в библейском смысле (Шмеман, 2005: 27). Однако мы разделяем мнение А.М. Котина о том, что писатель осуждает не грешника, а грех (эта лексема неоднократно встречается в его текстах). И этот суд Набоков, однажды назвавший себя строгим моралистом, производит с «недвусмысленной, безжалостной» выскательностью, потому что сантименты или сочувствие чреватые «попыткой оправдания» греха, разлагающего личность (Котин, 2021: 270-271). Бердяев тоже разделяет грешника и грех («можно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству» (Бердяев, 1931: 6)) и пишет, что, хотя каноны Церкви крайне суровы в отношении к этому явлению, в такой жестокости и беспощадности есть своя метафизическая глубина, потому что суицид есть попрание небесных законов и насилие над жизнью и смертью.

Философ указывает и на иллюзорность изоляции суицидента: «Уничтожая себя, человек калечит и уничтожает мир, космическое целое, других людей, ибо все со всем связано... <...> Убивая себя, человек наносит рану миру как целому, мешает осуществлению Царства Божьего» (Бердяев, 1931: 27). Параллель «человек/мир» занимает важное место во вселенной Набокова и эксплицируется, в том числе, в романе о самоубийце. За несколько минут до рокового шага игрок метался по квартире: «И вдруг Лужин остановился. Это было

так, словно остановился весь мир» (Набоков, 2009, 2: 462). Автор не принижает достоинство героя в глобальном смысле, он рисует его субъектом воли, выбравшим переход на темную сторону. Имя Лужина звучит лишь в финале, после его гибели, а автор кончает роман словами: «Но никакого Александра Ивановича не было» (Набоков, 2009, 2: 465). Набоков изображает суицидентов дезертирами метафизической войны, отрекающимися от своей миссии и, в конечном итоге, личности (имя – одна из ее инокформ). Применяя апофатический подход, писатель утверждает идею борьбы за свою душу, выраженную и Бердяевым, пишущим, что каждый, являясь частью глобального целого, «призван быть деятелем»: «От проявленной им духовной силы зависит будущее» (Бердяев, 1931: 10).

Заключение

Рассмотренные произведения можно назвать «художественной иллюстрацией» (А. Злочевская) размышлений Бердяева о «вольной смерти». И *vice versa* – на труд философа можно посмотреть как на своего рода комментарий к текстам Набокова. Оба они осуждают самоуничтожение, не романтизируют и не героизируют его, показывая тем самым приверженность христианской традиции.

Писатель и мыслитель, каждый по-своему, затрагивают разнообразные аспекты проблемы «вольной смерти». С одной стороны, вина лежит на самом человеке, замкнувшемся на себе, делегировавшем ответственность вовне, потребительски смотрящем на мир и пребывающем в скрытом или явном конфликте с Богом. С другой, играет роль и окружающая обстановка, когда опасность представляют гнетущая атмосфера и токсичное влияние. С третьей, не стоит недооценивать активность потусторонних сил, чья главная цель – перетянуть человека на темную сторону и загубить душу. Выход Набоков и Бердяев видят в принятии на себя ответственности и неустанной внутренней борьбе (которую продемонстрировал главный герой «Приглашения на казнь»).

Осталось добавить, что выбранная область исследования достаточно перспективна, так как художественная суицидология Набокова изучена не в полной мере. Видится продуктивным и междисциплинарный подход, способствующий более глубокому пониманию онтологии и аксиологии писателя и историко-культурного контекста. Кроме того, результаты исследования смертной проблематики служат вкладом в развитие такой отрасли междисциплинарного знания, как танатология.

Источники

Бердяев, Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд. Париж: YMCA-press, 1931. 45 с.

Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.

Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 847 с.

Набоков, В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. СПб.: Симпозиум, 2004–2009.

Литература

Аванесов, С.С. Вольная смерть. Часть 1. Основания философской суицидологии. Томск: ТГУ, 2003. 396 с.

Аверин, Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.

Барабтарло, Г. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.

Буренина, О. Литература – «остров мертвых» (Набоков и Вагинов) // В.В. Набоков: Pro et Contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: Антология. Т. 2. СПб.: Изд-во Христ. гуманист. ин-та, 2001. С. 471-484.

Бугаева, Л.Д. Набоков и Данте // Данте: pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 665-676.

Долинин, А. Две книги на стуле около кровати (Из комментария к роману Набокова «Дар») // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2009. С. 241-257.

Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Злочевская, А. Философия любви в романе Владимира Набокова «Лолита» [Электронный ресурс] URL: <https://bogoslav.ru/article/374871> (дата обращения: 30.10.2021).

Карасев, Л.В. Флейта Гамлета: очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. 208 с.

Котин, А.М. Мотив греховной страсти и супружеской неверности в романах В. Набокова «Король, дама, валет» и «Камера обскура» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 255–275. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9322.

Скороцкий, Ю.А. Вариации на тему «Набоков», или «Первый хорошо одетый философ в истории мысли» // Вестник РХГА. 2010. Т. 11. № 3. С. 198-205.

Уваров, А.Н. Интерпретация феномена самоубийства в русской философии // Соловьевские исследования. 2015. № 4 (48). С. 29-43.

Шмеман, А., прот. Дневники 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. 735 с.

Blackwell, S. Nabokov's "The Gift", Dostoevskii, and the Tradition of Narratorial Ambiguity // Slavic Review. 2017. № 1 (76). P. 147-168.

Buhks, N.A. Scaffold in the Crystal Palace – On the Novel "Priglasenie na Kazn" by Nabokov, V. // Cahiers du Monde Russe. 1994. № 4 (35), P. 821-838.

Buhks, N. Magic-Lantern or "Kamera Obskura", a Film-Story by Nabokov, V. + English Revision as 'Laughter in the Dark' // Cahiers du Monde Russe. 1992. № 2-3 (33). P. 181-205.

Lyaskovets, T. Time, Photography, and Optical Technology in Nabokov's Speak, Memory // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2014. № 4 (16), P. 1-10.

Masing-Delic, I. The "Overcoat" of Nabokov's Luzhin: Defense as Self-Destruction // Partial Answers. Journal of Literature and the History of Ideas. 2017. № 1 (15), P. 1-21.

Meerson, O. Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense: Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo // Zeitschrift für Slawistik. 1996. № 41(1). P. 20-33.

Ogbuanu, J.N. The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person // Acta Theologica. 2014. № 1 (34). P. 127-144.

Ventegodt, S., Merrick, J. Suicide from a holistic point of view // The Scientific World Journal. 2005. № 5. P. 759-766.

Wyllie, B. (2016) Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds: Vladimir Nabokov's Confidence Men // The Cambridge Quarterly, № 1 (45), P. 1-19. DOI:10.1093/camqtly/bfv032.

Sources

Berdyaev, N. A. (1931), *O samoubiystve: Psikhologicheskij etjud* [On Suicide: Psychological Etude], YMCA-press, Paris, France (in Russ.).

Berdjaev, N. A. (1990), *Samopoznanie (opyt filsofskoy avtobiografii)* [Self Knowledge: An Essay in Autobiography], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia (in Russ.).

Dostoevskiy, F. M. (1990), *Sobranie sochineniy v 15 tomakh. Tom 7* [Collected works in 15 volumes. Vol. 7], Nauka, Leningradskoe otdelenie, Leningrad, Russia (in Russ.).

Nabokov, V. V. (2004–2009), *Russkiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Russian period. Collected works in 5 volumes], Simpozium, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

References

Avanesov, S. S. (2003) *Vol'naja smert'. Chast' 1. Osnovaniya filsofskoj suitsidologii* [Voluntary Death. Part 1. Foundations of

Philosophical Suicidology], TGU, Tomsk, Russia (in Russ.).

Averin, B. V. (2003), *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [Mnemosyne's Gift. Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition], Amfora, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Barabtarlo, G. (2011), *Sochinenie Nabokova* [Nabokov's Composition], Izdatel'stvo Ivana Limbakha, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Blackwell, S. (2017), "Nabokov's "The Gift", Dostoevskiy, and the Tradition of Narratorial Ambiguity", *Slavic Review*, 1 (76), 147-168.

Bugaeva, L. D. (2011), "Nabokov and Dante", *Dante: pro et contra. Lichnost' i nasledie Dante v otsenke russkikh mysliteley, pisateley, issledovateley* [Dante: Pro et Contra. Dante's Personality and Heritage as Seen by Russian Thinkers, Writers and Scholars. An Anthology], Izdatel'stvo RHGA, St. Petersburg, 665-676 (in Russ.).

Buhks, N. (1992), "Magic-Lantern or "Kamera Obskura", a Film-Story by Nabokov, V. + English Revision as 'Laughter in the Dark'", *Cahiers du Monde Russe*, 33 (2-3), 181-205 (in Russ.).

Buhks, N. A. (1994), "Scaffold in the Crystal-Palace – On the Novel "Priglasenie na Kazn" by Nabokov, V.", *Cahiers du Monde Russe*, 4 (35), 821-838. (in Russ.).

Burenina, O. (2001), "Literature – "Isle of the Dead" (Nabokov and Vaginov)", *V.V. Nabokov: Pro et Contra: Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V.V. Nabokova: Antologiya. Tom 2.* [V.V. Nabokov: Pro et Contra: Materials and Research on V.V. Nabokov's life and work: An Antology. Vol. 2.], Izdatel'stvo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, St. Petersburg, Russia, 471-484 (in Russ.).

Dolinin, A. (2009), "Two Books on the Chair by the Bed" (From the Commentary to V. Nabokov's Novel "The Gift"), *Na rubezhe dvukh stoletiy: Sbornik v chest' 60-letiya A.V. Lavrova* [At the turn of two centuries: A collection in honor of the 60th anniversary of

A. V. Lavrov], NLO, Moscow, Russia, 241-257 (in Russ.).

Durkheim, E. (1994), *Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud* [Suicide: A Study in Sociology], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Karasev, L. V. (2009), *Fleyta Gamleta. Ocherk ontologicheskoy poetiki* [Hamlet's Flute: An Essay on Ontological Poetics], Znack, Moscow, Russia (in Russ.).

Kotin, A. M. (2021), The Motif of Sinful Passion and Marital Infidelity in the Novels "King, Queen, Knave" and "Camera Obscura" by V. Nabokov, *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics], (3) 19, 255-275. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9322 (in Russ.).

Lyaskovets, T. (2014), "Time, Photography, and Optical Technology in Nabokov's Speak, Memory", *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 4 (16), 1-10.

Masing-Delic, I. (2017), "The "Overcoat" of Nabokov's Luzhin: Defense as Self-Destruction", *Partial Answers. Journal of Literature and the History of Ideas*, 1 (15), 1-21.

Meerson, O. (1996), "Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense: Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo", *Zeitschrift für Slawistik*, 41 (1), 20-33.

Ogbuanu, J. N. (2014), "The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person", *Acta Theologica*, 1 (34), 127-144.

Shmeman, A., prot. (2005), *Dnevniky 1973–1983* [Diaries 1973–1983], Russkiy put', Moscow, Russia (in Russ.).

Skrotskiy, Yu. A. (2010), "Variations on the Theme "Nabokov", or "The First Well-dressed Philosopher in the History of Thought"", *Vestnik RHGA* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 3 (11), 198-205 (in Russ.).

Uvarov, A. N. (2015), "The Interpretation of the Phenomenon of Suicide in Russian Philosophy", *Solov'evskie issledovaniya* [Solovetsky studies], 4 (48), 29-43 (in Russ.).

Ventegodt, S. and Merrick, J. (2005) "Suicide from a holistic point of view", *The Scientific World Journal*, 5, 759-766.

Wyllie, B. (2016), "Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds: Vladimir Nabokov's Confidence Men", *The Cambridge Quarterly*, 1 (45), 1-19. DOI:10.1093/camqtly/bfv032.

Zlochevskaya, A. *Filosofiya lyubvi v romane Vladimira Nabokova "Lolita"* [Philosophy of Love in Vladimir Nabokov's Novel "Lolita"] [Online], available at: <https://bogoslov.ru/article/374871> (Accessed 30 October 2021) (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лебедева Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Россия; vikkktoria2@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-4124-5146

ABOUT THE AUTHOR:

Viktoriya Yu. Lebedeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Teaching Methods, Bunin Yelets State University; vikkktoria2@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-4124-5146

УДК 316.422.4

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-6

Крокинская О. К. | «Оцифрована-околдована». Университет в эпоху цифры и ее культурного осмысления

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; krokinskaya@mail.ru

Аннотация. Современная эпоха ознаменована радикальной трансформацией производительных сил общества. Ее основным трендом становится цифровизация многих областей человеческой деятельности. Технологический детерминизм цифровой среды приходит в диссонанс с глубинными процессами культуры и образования. Для миссии университета они нередко играют программирующую роль, порождая при этом существенные проблемы. В том числе, проблемы для таких «единиц культуры», как интеллект и мышление, диалог и взаимодействие, аудитория и дискуссия, автономия, независимость и самостоятельность внутренних норм функционирования, академическая харизма, харизма учителя, элитарность и эгалитарность одновременно, не «подготовка», а «образование» (производство «образованного человека»), трансляция культуры, просвещение, осознание гуманистических ценностей, любовь к своей профессии, понимание ее миссии. В статье анализируются некоторые противоречия, возникающие между «культурными кодами» образования и технологическими инструментами цифровой образовательной среды. Выдвигается гипотеза о доминирующей роли программы как «эгоистичного гена» (Р. Докинз) в наследственной матрице современной культуры. Обосновывается необходимость осознанного строительства отношений между культурой и цифрой.

Ключевые слова: культура; культурные коды; университет; цифровая образовательная среда; социология культуры; социология образования; социология профессий

Для цитирования: Крокинская О.К. «Оцифрована-околдована». Университет в эпоху цифры и ее культурного осмысления // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 65-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-6

О. К. Krokinskaya | 'Digital enchantment'. University in the age of digitalization and its cultural interpretation

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moyka Emb., Saint Petersburg, 191186, Russia;
krokinskaya@mail.ru

Abstract. The modern era is marked by a radical transformation of the productive forces of society. Its main trend is the digitalization of many areas of human activity. The technological determinism of the digital environment comes into dissonance with the underlying processes of culture and education. For the university's mission

they occasionally play a programming role, while creating significant problems, including, problems for such "cultural units" as intelligence and thinking, dialogue and interaction, audience and discussion, autonomy, independence and independence of internal norms of functioning, academic charisma, charisma of the teacher, elitism and egalitarianism at the same time, not "preparation", and "education" (the production of an "educated person"), broadcasting culture, enlightenment, awareness of humanistic values, love of one's profession, understanding of its mission. The article analyzes some of the contradictions between the "cultural codes" of education and the technological tools of the digital environment. A hypothesis is put forward about the dominant role of the program as a "selfish gene" (R. Dawkins) in the hereditary matrix of modern culture. The necessity of the conscious building of relations between culture and digitalization is substantiated.

Key words: culture; cultural codes; university; digital educational environment; sociology of culture; sociology of education; sociology of professions

For citation: Krokinskaya O. K. (2021), "‘Digital enchantment’. University in the age of digitalization and its cultural interpretation", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 65-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-6

Постановка проблемы, цели и задачи статьи. В этой статье мы предпринимаем попытку охватить три проблемные области образования: 1) активно наступающую *цифровизацию*, 2) уже наступившее господство *менеджеризма* – формально-бюрократической, административно-распорядительной парадигмы в управлении образованием и 3) *культурную традицию* как эволюционный базис общества вообще и образования в частности. Сегодня культурная традиция подвергается мощным воздействиям со стороны первых двух факторов и рискует быть непредсказуемо трансформированной в ущерб своему предназначению для человека и общества.

Все три проблемные области можно понимать как комплексы сил или ресурсов общества, а также как «поля» в духе П. Бурдьё, то есть ментальные модели среды и реальные среды, в которых осуществляются определенные социальные практики – институциональные и персональные (Бурдьё, 2005). Для целей статьи будет удобно мыслить их как силовые поля, состоящие из институтов и практик.

Некоторое время все три комплекса сил и ресурсов общества сосуществовали и

развивались более или менее слаженно. Их влияние друг на друга не превышало системных свойств взаимодействия, создавая те или иные жизнеспособные формы. Но в наши дни едва ли не все процессы общества ускорились и интенсифицировались до такой степени, что предвещают нечто вроде взрывного синтеза этих трех сил, результат которого вызывает опасения. А значит, нам, людям, обществу, надо вовремя эту реакцию «охладить», опустить графитовые стержни критики в этот ядерный котел и построить между реагентами ясную, уравновешенную конструкцию, управляемую здравым смыслом. Прежде всего надо понять, что происходит при соприкосновении силовых полей менеджеризма, цифровизации и культуры, по возможности «простить» молодые агрессивные источники текущих мутаций, ибо они неслучайны, и задать всей системе взаимодействия работу по иным критериям, побудить и мотивировать ее к активности на иных основаниях. На человеческих основаниях, на принципе «не навреди».

Фактически надо создать модель ситуации, в которой менеджеризм, цифровизация и культура каким-то образом связаны, помыслить их как целое, а для этого –

увидеть в их устройстве какие-то общие «несущие конструкции», некие общие свойства. Такие свойства есть. Все три поля существуют *на базе идей и практик программного типа* – инструментов с заданной последовательностью операций, приводящих к ожидаемому результату. Менеджеризм оперирует планами, программами, стандартами; цифровизация – алгоритмами компьютерных программ, культура – системами норм, правилами поведения, шаблонами мышления, которые тоже, в сущности, те или иные программы. Понимая и принимая это, мы должны увидеть нарождающуюся «эпоху цифры» как то, что неизбежно содержит в себе активное проникновение программирования в человеческую сущность культуры, и, в связи с этим, заглянуть в противоречивую область культурных программ как фундамента культуры, ее «материнской платы», и одновременно ее «ресурсного проклятия».

Вот почему целью настоящей статьи является попытка увязать в единой концепции феноменальные факты менеджеризма, цифровизации и культуры «в теле» современного университета. Эта цель будет последовательно реализована в следующей логике задач:

– сначала будут показаны и обоснованы в качестве «программного продукта» определенные элементы культуры – так называемые «культурные коды»;

– мы проследим роль «культурных кодов» как инструмента, с одной стороны, принуждения к однозначному считыванию традиционных смыслов, а с другой – как инструмента их изменения;

– затем с помощью некоторых констант мы зафиксируем сущность университета как культурной институции;

– после этого обозначим закономерный и программный характер эволюции менеджеризма, ведущий к наступлению парадоксальной фазы в его развитии, когда вместо «производства порядка» он начинает производить хаос;

– вслед за этим мы обратимся к опи-

санию цифровизации образовательной деятельности в университете с ее неоднозначным влиянием на работу преподавателей;

– мы также обратим внимание на то, каким образом соединение менеджеризма и цифровизации создает риски для культуры университета;

– и в заключение сформулируем несколько суждений относительно социальных практик осознанного, рефлексивного применения цифровых технологий в контексте сбережения университетской культуры как завоевания человеческой цивилизации.

Развитие университета в XXI веке и цифровая образовательная среда как среда развития. За время своего существования на протяжении многих тысяч лет сформировавшаяся внутри культуры сфера обучения и образования пережила несколько информационных революций. Первую из них датируют примерно VI веком до нашей эры, когда на глиняных и каменных табличках люди стали фиксировать некие знаки, позже превратившиеся в письменность и составившие первую «внешнюю память» развивающейся цивилизации – *накопитель сведений*, необходимых для хозяйственных нужд, для записи важных событий, закрепления ритуалов и т. д., *накопитель*, позволивший далее собирать и сберегать для дальнейшего применения оказавшийся полезным опыт. Папирус и бумага расширили это завоевание. Второй информационной революцией можно считать переход от передачи знаний в формах опыта – к текстовой деятельности в обучении и к аудиторной форме распространения знаний от одного говорящего – многим слушающим. Третья информационная революция – революция Гутенберга и печатного станка – сделала знание доступным для всех грамотных людей, а массовую школу – основой культуры. Наконец, мы присутствуем при очередной информационной революции в культуре и в образовании, когда системы образования, успешные в предыдущую

эпоху, в нашем постиндустриальном мире вынуждены открывать свои сакральные, монопольные «накопители» всем без исключения желающим, сокращая экспертное присутствие учителя и педагога в образовательной среде.

Этот очерк хорошо известных культурных трендов понадобился здесь для того, чтобы обозначить закономерную логику процесса, идущую от создания первых форм «внешней памяти» культуры (внешней по отношению к человеку, отчужденной от него и существующей автономно) к их современным сетевым формам и к созданию с их помощью искусственного интеллекта такого уровня, который способен стать уже не только «внешней памятью», но «внешним мозгом» для человеческой деятельности – тоже отчужденным от человека и лишь взаимодействующим с ним. Насколько паритетно – вопрос уже не фантастики, а современной науки и практики. Именно в этом тренде идут информатизация и цифровизация образовательного пространства. Они становятся абсолютной нормой, учебные заведения формируют у себя собственные цифровые среды, призванные обеспечивать образовательный процесс (Трудности и перспективы..., 2019; Шваб, 2019). Эффективность работы в цифровых средах чрезвычайно высока, однако, наученные горьким опытом мирного и немирного атома, мы знаем, что у любой сильной структурной инновации есть – и еще будут – как позитивные, так и негативные следствия. И мы понимаем нашу эпоху как общество рисков – взаимно сопряженное производство благ и бедствий (Бек, 2000).

Какие же риски несет нам цифровизация образования? Как скажется она на реализации им своей базовой социальной функции – трансляции культуры, а в определенном смысле, и производства культуры для общества? Особенно в том образовании, которое мы привыкли называть «высшим» и которое сосредоточено в университете – этом храме науки и интеллекта? А если не храме, то хотя бы мастерской

по производству элит общества – носителей и создателей его культурного капитала? Задачей данной статьи является поиск ответов на эти вопросы с учетом миссии современного университета и представлений профессионального сообщества о его текущих трансформациях.

Кризис университета в обществе социальной модернити. То обстоятельство, что мы задаем себе эти вопросы и заставляем себя вспомнить о полузабытом культурном предназначении университета, говорит о его кризисе в современном мире, куда он был загнан самой эпохой индустриального и социального модерна (social modernity) (Барбер, Донелли и др., 2020; Вахштайн, 2012; Куренной, 2011). Индустриализм XIX века обнаружил неспособность университета дать капиталистическому укладу и рынку, с их глубоким разделением труда и конкуренцией, необходимой массы работников с прикладными практическими компетенциями. И дело не только в том, что этой эпохе больше понадобился узкий специалист, чем образованный и культурный человек, а в том, что в прагматичном, утилитарном мире университет утратил статус институции, предназначенной для производства востребованной временем картины мира, языков ее описания и способов мышления, открытых изменениям.

В мире постмодерна кризис университета продолжается, выводя в область обсуждения другие его причины и реалии – экономического, организационного, управленческого, технологического характера. При этом слово «культура» звучит в этом обсуждении нечасто. Вот почему тема семинара «*Культурные коды в современной полифонической образовательной среде*», состоявшегося на кафедре социологии РГПУ в апреле 2021 года, прозвучала свежо и актуально, предложив для обсуждения редко звучащие категории. Прежде чем мы продолжим анализ кризиса университета в обществе постмодернити, значение одного из них, как наименее привычного, необходимо раскрыть.

Культурные коды и эволюция культуры. Применение термина «культурные коды» для понимания современного университета требует большого внимания. От неосторожного обращения с ним можно ожидать ограниченного и упрощенного отображения реальной сложности явлений.

«Культурный код» (или «культурные коды») – это искусственная терминологическая конструкция (концепт), призванная обозначить свойство разных культур иметь уникальные особенности, которыми они отличаются от всех остальных. Концепт «культурные коды» может относиться к любым культурам – национальным, групповым, доминирующим и субдоминантным, а также, видимо, и к глобализированной культуре человечества – коль скоро потребует подчеркнуть, что есть нечто, присущее им и только им.

Сами термины «код» и «кодирование» используются разными областями знания, в том числе, в технике и технологии, где они так или иначе касаются операций по установлению *взаимно однозначного соответствия символов*, принадлежащих разным знаковым системам, то есть позволяют осуществить перевод информации в другую форму. Так, код Морзе – это система «договоренностей», в которой буквам алфавита какого-то естественного языка соответствуют определенные сочетания точек и тире; цифровой код, набираемый на замке сейфа или домофона, открывает дверцы и двери. То же самое можно сказать о пароле для любого пропускного пункта, смартфона, компьютера и т. д.

Теоретическую нагрузку концепт «кодов» приобретает в культурологии и семиотике. Там он также представляет собой набор соглашений, используемых для идентификации *предмета* или его виртуального двойника – *знака*. Делает он это с помощью *значения*, которое конструируется в процесс взаимодействия с ними, причем конструируется по определенным правилам. Эти правила толкуются семиотиче-

скими школами по-разному. Одни понимают их как устойчивую глубинную структуру онтологического типа, напоминающую «коллективные репрезентации» Э. Дюркгейма, то есть понимают *как род социальных фактов*, обладающих по отношению к человеку принудительной силой, другие видят коды *как процедуру интерпретации*, позволяющую придавать реальности разные значения в зависимости от применяемых правил. Иными словами, сам по себе культурный текст может прочитываться по-разному в зависимости от того, какой код используется. Значение символа «красный флаг», декодированное одной программой, читается как флаг государства, а декодированное другой программой, – как флаг на Северном полюсе, неважно, какого государства, главное, чтобы он был хорошо виден на белом фоне снега и льда.

В этом смысле коды представляют собой интерпретационную сетку или шифровальную матрицу, используемую для опознания «сообщений», исходящих от предмета или его знакового дублера. В первом случае культурные коды связаны с памятью культуры (Лотман, 2001: 335-339), а вместе с этим – с комплексами стереотипов сознания, а также с коллективным бессознательным и так называемым «менталитетом». Во втором они мыслятся как динамический процесс конструирования значений в «неограниченном семиозисе», но все же избегающем как бесконечного количества этих значений, так и жесткой однозначной «уникальности» (Эко, 1998). В обоих случаях культурный код – это ключ к пониманию той или иной культуры, но ключ, сильно зависящий от концепции, принятой по отношению к нему познающим субъектом. Такая концепция, в свою очередь, будет зависеть от отношения субъекта познания к изменчивости окружающего мира, принятия или непринятия им неопределенности новых, переходных или изменяющихся, ситуаций, когда в ходе культурной и социальной эволюции перемежаются длительно ста-

бильные эпохи общества и их периодическая смена эпохами, построенными на других основаниях. В стабильные периоды общества – будь то архаика, традиционное или индустриальное общество – культура во всех смыслах кодифицируется, а коды онтологизируются. Но в периоды перемен, переходов, бифуркаций культурная онтология, не признавая принципа «наследственность плюс изменчивость» или «сохранение в изменении», фактически затрудняет разворачивание эволюционного потенциала социума.

Архаика, современность и суперсовременность в контексте культурных кодов. Перед изменяющимися обществами дилемма двойственной природы культурных кодов ставит новые задачи, так как рождает особые трудности, лежащие, как правило, в области социальных коммуникаций. Императивная потребность в достижении сколько-нибудь общего понимания картины мира ради возможности взаимодействия требует от участников коммуникации вырабатывать коды, более или менее близкие по значению, хотя бы временно. Но одно дело «вырабатывать общее», а другое – принуждать к однозначности, навязывать ее. Такие попытки тоже совершаются, причем часто они принадлежат идеологическим и глубоко консервативным тенденциям понимания культуры. В этом случае риторика «культурных кодов» приобретает социальную функцию легитимации убеждений в неизменяемости окружающего мира. То есть понимается не как ключ к дешифровке явлений, а как само явление, как культурный факт, как сама культура.

Вот почему нелишне напомнить, что коды – это в любом случае *отношение между «означаемым» и «означающим»*, а «отношение» не может иметь онтологического статуса, так как обладает реальностью лишь в процедурах кодирования и декодирования. Если же мы считаем «код» реальной сущностью, приписанной предмету или факту, и предлагаем одну и только одну дешифрующую программу, то мы

попадаем в ситуацию принуждения – к одному и только одному смыслу, одному и только одному значению, а в конечном счете – к одному и только одному типу поведения, которое диктуется (программируется) этим значением. И если универсум коммуникации заменяется унитарностью коммуникации, то есть торжествует монополия на понимание явлений сложного мира, то идеология и культура возводятся в ранг традиции как охраняемой сакральной нормы. Отрицать традицию нелепо, она – одно из средств, пролонгирующих социальную жизнь, ведущих ее по протоптанной дорожке, но бывают обстоятельства, – и сейчас они именно таковы, – что какие-то традиции только потребляют энергию общества, обращают ее на воспроизводство старых форм, этим уменьшая ресурсы протаптывания новых дорог. «Жировыми подушками культуры» называет такую традицию итальянский философ Ремо Бодей (Бодей, 2005).

Как работает сакральная норма? Она программирует однозначное считывание значений и этим ограничивает и упрощает социальные практики сложности. Эти ограничения и упрощения закрепляются, становятся привычками мышления и, в свою очередь, участвуют в формировании того, что Гирт Хофстеде называет «коллективной ментальной запрограммированностью, предопределяющей наше восприятие мира» (Хофстеде, 2014: 9), и мы понимаем, что именно предопределенное восприятие кодирует мир однозначно, чем закрывает от восприятия его многозначный характер. Однозначное кодирование уже не только зашифровывает, но и заколдовывает реальность, вытесняя ее в подвалы неосознаваемых, бессознательных импульсов, накапливая и пуская в оборот социальные и культурные стереотипы, существующие на базе нейрофизиологических и нейропсихологических констант. Как результат, они принуждают приверженный им социум к бесконечному «повторению пройденного», которое считается неизменяемым. Работает машина интерпретации,

осуществляется почти автоматическая программа интерпретации, не предполагающая вариаций толкования.

Таковы онтологически понимаемые «культурные коды» – стереотипы, шаблоны, ментальные программы, иррациональные модели, формирующие, организующие, но тем самым и ограничивающие свободу осмысления реальности. В том числе, то самое многообразие, которое мы храним сегодня под символами полифонии и поликультуры.

Контексты неизменяемости, которые несет с собой риторика традиционных «культурных кодов» («Культура – это судьба»), приучают к мысли о невозможности изменений и работают как агенты выученной беспомощности («Что воля, что неволя – все равно»). Они провоцируют невротизированные состояния социума, потому что мозгом и психикой разрывы между шаблоном и реальностью все равно улавливаются.

Часто при помощи идеологически понимаемых культурных кодов в современное сознание привносится архаика – некогда канонизированный тип эффективного поведения, доживший до наших дней в формах языка и фольклора. Освященный традицией, подкрепленный массовым применением и многократным повторением, он получает свое представительство в нейросистеме мозга. Современная наука, в частности, теория *embodied cognition*, так называемого «воплощенного познания» (Лафкофф, Джонсон, 2004), находит доказательства этим связям, и эта связка – языка и мозга – может долгое время работать как оптика предопределенного, *a priori*-рассмотрения и идентификации реальности, передаваясь в совместных ритуалах и даже в формах более поздней, в том числе современной, социализации практически в неизменяемом виде.

Иными словами, формируется некий конструкт, «впечатанный» в коллективное сознание какой-то общности и обладающий поэтому объяснительной силой. В качестве «шифровальной матрицы» он пред-

определяет восприятие реальности, идентифицируя ее через канон, и тем самым заменяет актуальную, ситуационно необходимую, мысль *ad hoc*, чем предотвращает саму возможность появления новой мысли. Так возникают те «культурные коды», которые имплантируют определенные смыслы в сознание поколений и тем самым «запечатывают» мышление, принуждая к инако*НЕ*мыслию (Мамардашвили, 1996; Крокинская, 2020).

Такие «культурные коды» часто имеют форму мема – информационного паттерна, свернутого до лаконичного «плотного» знака, разворачивание которого (прочитывание в определенной декодирующей схеме или программе) позволяет пробудить и ввести в действие целые идеологии. С помощью таких кодов происходит нейросимволический импринтинг и далее нейросимволическое программирование мышления и поведения людей. В результате под лозунгами охраны традиционных ценностей могут продолжать существовать самые тяжелые пороки нашей социальной истории: «лес рубят – щепки летят», «бьет значит любит», «моя хата с краю», «всяк сверчок знай свой шесток» и многое другое.

Программа как универсальная структура производства объектов реального мира. Развитие цивилизации, межкультурных взаимодействий, науки и образования разрушили приматы однозначности и позволили сформироваться гигантскому культурному разнообразию, необычайно гибкому, поливариантному поведению людей и вообще всему современному миру. Заколдованные традицией коды-факты превратились в коды-инструменты, и их набор сегодня чрезвычайно велик. Да, в этом движении мир столкнулся с опасной неоднозначностью и неопределенностью постмодернизма, но эта опасность уже осознается, и решение проблемы, возможно, не за горами.

Точнее, в качестве реакции на невроз неопределенности и для разрешения его трудностей уже обозначились несколько

эпистемологических и практических позиций. Одна из них – отмеченный выше возврат к однозначности традиционных смыслов, другие представляют собой поиск новой парадигмы и синтеза разнонаправленных тенденций. Но есть еще и третьи, гибридные, амбивалентные, пытающиеся технически соединить современность и архаику: суперсовременность информационной революции XXI века и архаику однозначного кодирования реальности.

Я имею в виду цифровизацию всего пространства человеческих деятельностей, которая по отношению к культуре выглядит вторжением внешних программ в святая святых сложнейшей, неоднозначной, внутрикультурной подвижности семиосферы как пространства непрерывного кодирования/декодирования смыслов, значений и символов (Лотман, 2001: 12-31).

«Цифра» работает на базе алгоритмизации и программирования тех отраслей, в которых она применяется, и, казалось бы, программирование есть ее прерогатива. Но так ли это? Нет, конечно. Природа изобрела программирование еще на заре своей эволюции. Мы знаем генетические программы, программы природных циклов, запрограммированное развитие растения из семени, плода из слияния двух клеток – материнской и отцовской и т. д. А вот дальше наступает состояние неполной определенности программой, создающее возможность ее модификации. В дело вмешиваются социальность, культура, субъектность человека и целеполагающая человеческая деятельность. Они вторгаются в логику биологической эволюции, запускают изменчивость, вытекающую не из естественных генетических мутаций, а из искусственных социальных регуляторов, что, собственно, и открывает дорогу к цивилизационным изменениям. Рано или поздно регуляторы искусственного типа, в том числе целеполагание, перемещаются с микроуровня человеческого поведения на уровни управления всеми видами социальной организации от семьи до государства,

а ныне и надгосударственных образований. Целеполагающее управление все более многочисленными и сложными видами человеческой деятельности быстро создает свои инструменты – планы, программы, проекты, и их высочайшая эффективность не нуждается в доказательствах. Они потому и эффективны, что состоят из однородных паттернов поведения, связанных между собой также однородными связями, что позволяет их алгоритмизировать, а в дальнейшем и передать как внеперсональное функционирование – машинам, механизмам, роботам и другим техническим устройствам.

В идеях и практиках институтов управления программный способ существования получил широкое применение. Там его работа по предписанию определенной последовательности операций и достижению заданного результата конструирует надперсональное функционирование людей как деталей механизма, а цифровые технологии лишь берут на себя перевод реальных действий с реальными объектами – в действия с дискретными единицами информации (переводят информацию о «работе атомов» в «работу битов»). И если проекты, планы и программы органов управления могут подвергаться мелким и крупным отклонениям от заданных параметров в силу «человеческого фактора», то их цифровые ипостаси исключают эту возможность. В цифровой форме программирование конструирует не только надперсональные практики, которыми еще можно пренебречь и которым еще можно научить, но и вообще внеположенные человеку области принуждения, куда профанам хода нет, а определяют они именно человека, его жизнь и деятельность. Цифровое программирование создает супер-жесткие, неумолимые цепочки действий непрерывного цикла, превращая операции с отдельными предметами в квазипроцесс разворачивания некоторого направленного действия, что означает для них обретение квазибиологических, квазизажизненных форм (Гринченко, 2005).

На этом этапе нашего анализа представляется возможным увидеть общее поле управления, программирования и цифровизации, способное создавать такие поля и практики современного менеджизма, которые питают его интенцию управлять всеми объектами реального мира, обнаруживая тем самым стремление видеть его полностью управляемым.

Усмотрев наличие инструментов и активностей программирования, то есть, тех или иных систем кодирования, во всех трех полях обсуждаемой проблемной области – культуре (культурные коды), менеджизме и цифровизации – мы, кажется, можем утверждать, что имеем дело с программным типом «производства реальности» как одной из *эволюционных универсалий* – очень глубокой и пока плохо различимой структурой, которая обладает огромной принудительной силой по отношению к многочисленным социальным полям и практикам, а значит, выступает как общий *принцип, управляющий развитием этих разных полей*. В этом смысле биологические, культурные и социальные программы фактически выступают как инструмент упорядоченного производства объектов реального мира. Цивилизация лишь переоткрыла принцип программной организации порядка, изобретенный природой. Она – тоже способ производства порядка. Но лишь до поры до времени. Посмотрим, как это выглядит сейчас.

Мы переходим к анализу сосуществования культуры, университета и управления университетом в условиях цифровой информационной революции.

Университет в свете реалий менеджизма, цифровизации и культурных кодов. Для целей статьи нам необходимо увидеть университет не только институционально и организационно, как учебное заведение, но и как особую культуру с полным набором признаков, в который входят явные и латентные типы поведения, передаваемые с помощью опыта и символов. Мы также должны увидеть уровень ее элементарных репрезентативных частиц –

ценностей, норм, убеждений, практик и т. д., – всего того, что составляет образ жизни и идентичность социальной группы профессионалов образования. Многие из этих элементов адресуют нас к классическим категориям университета – корпоративизму, плюрализму и автономии, а в конечном счете, как пишут исследователи феномена университета, – к Универсуму как Вселенной разума. Они особо подчеркивают, что университет как универсум это сообщество преподавателей и студентов (*universitas magistrorum et scholarum*), скрепленное взаимной присягой (соприсяжничеством) и объединенное логикой коммуникативного дискурса, завязанного на поиск истины (Суворов, 2012). В первых университетах Средневековья, в своих первичных формах (которые вообще, как правило, «схватывают» первоначала явлений, их ключевые основы) корпоративизм и соприсяжничество вводили для этой новой институции весьма твердые нормы взаимодействия. Они объединяли преподавателей и студентов договорами об общих правилах университета – о порядке чтения лекций и проведения экзаменов, поведения в стенах университета и вне его, а также о порядке взаимопомощи. Очень быстро сформировалось то, что называется собственно университетской культурой – дискурсивные практики и особый тип мышления, поведенческие нормы, фольклор. Человек, прошедший университетский курс, может быть, и не умел хорошо лечить, проповедовать или вершить суд, для этого были «специалисты-практики» – цирюльники, монахи, местные власти, но он был корифеем в области мышления. Он умел логически мыслить, это давало ему возможность сформулировать проблему и справиться с любой задачей (Ле Гофф, 2003).

Как и все другие, университетская культура транслируется во времени путем воспроизводства так называемых «культурных единиц», в которых закодированы ее самобытность и принципы существования (Чик, 2000), при этом соответствующим

щие символы считаются членами группы как обязательные для себя. Тем самым происходит инкультурация и присоединение к группе, так удерживаются в истории аутентичные практики образовательной работы. Среди воспроизводимых «культурных единиц» университета, которые, как кажется, сто́ит сохранять, можно назвать следующие:

- интеллект и мышление;
- диалог и взаимодействие;
- аудитория и дискуссия;
- автономия, независимость и самостоятельность внутренних норм функционирования;
- свобода в исследованиях и профессиональной подготовке;
- академическая харизма, харизма учителя;
- элитарность и эгалитарность одновременно;
- не «подготовка», а «образование» (производство «образованного человека»);
- трансляция культуры, просвещение, осознание гуманистических ценностей;
- любовь к своей профессии, понимание ее миссии.

Мы вынуждены признать, что в настоящее время все это так или иначе девальвируется, искажается, разрушается. Об этом постоянно и много пишут отечественные и зарубежные авторы. Привожу только заголовки некоторых обобщающих работ, но они многочисленны: «Бастард модерна: о текущем кризисе университета» (Куренной, 2011), «Университет в руинах» (Риддингс, 2010), «Медленная смерть университета» (Иглтон, 2015), «Когнитивный капитализм» (Руллани, 2017), «Университет держит оборону» (Олейников, 2013) и так далее. На другом уровне осмысления, в самой среде профессионалов образовательной отрасли, в публицистических работах и социальных сетях эти процессы характеризуются столь же пессимистически. Их чрезвычайно широким анализом, основанным на собственном

опыте людей, выявлены такие факты упадка университетской культуры, как:

- утрата автономии и безраздельное подчинение функционирования университета правилам «оптимизации» как «полезности»;
- организационная трансформация и бюрократическое перерождение;
- массовизация университетского образования и вызванная ею имитация качества, ориентированного теперь не на становление и саморазвитие личности, а на выполнение планов и программ, заданных извне;
- рост нагрузки на профессию, все более погружающуюся в преподавательскую рутину, которая оставляет мало места для совмещения преподавания с исследованиями.

Разумеется, в университетской жизни сохраняются «анклавы чистой образовательно-исследовательской коммуникации, но, насколько они жизнеспособны в процессе постоянной параметризации, регламентации, отчетности, – большой вопрос» (Куренной, 2011: 107). В этих условиях рождается то, что грозит превратиться в новые коды – гиперэксплуатация, сверхформализация, принуждение к единообразию. В последнем случае, это принуждение к аномально высокой, бессмысленной и унижительной бюрократической нагрузке на преподавателей, единственная цель которой – административный контроль, ведь на реальные образовательные результаты она если и влияет, то только угнетающим образом, так как сокращает время на осмысленную педагогическую работу.

Методология социологического исследования, особенно методология качественных исследований и так называемой «обоснованной теории» (grounded theory), требует в поиске объяснения явлений восходить к ним через эмпирические факты. В нашей познавательной ситуации это достижимо, потому что такими фактами можно считать все приведенные ниже утверждения, так как их авторы – действующие профессора и преподаватели

вузов. Их оценки не только констатируют факты упадка университетской культуры, но и подтверждают реальность обстоятельств, известных нам по собственному опыту, снимая возможные обвинения в субъективизме ощущений (Афанасьева, 2017; Донских, 2013; Казмин, 2018, Гоценко, 2020). Вот одно из последних свидетельств:

«В соответствии с требованиями Рособнадзора нами было сдано только по этому (одному. – О.К.) направлению бакалавриата 1433 (прописью: одна тысяча четыреста тридцать три) электронных документа. Наибольший объем заняли рабочие программы дисциплин – около 200 авторских листов, что можно было бы опубликовать в виде приблизительно десятка томов по 200-300 страниц. Читателям, имеющим отношение к высшему образованию, понятно без объяснений, что, как правило, только небольшая часть каждого из документов имеет отношение к реальному учебному процессу, остальное – бюрократические фикции» (Тестилец, 2021).

То обстоятельство, что все подобные констатации получены в не зависящих друг от друга информационных потоках, убеждает в их достоверности. Так, в исследованиях кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена 2019-2021 гг.¹ находим следующие описания и оценки приведенным выше доводам о девальвации университетской культуры и «кодированию» ее новыми, не свойственными университету, смыслами.

Преподаватели почувствовали изменения:

При переходе к этим новым ФГОС-ам, когда нужно было писать огромное количество бумаг..., то есть, формализация и бюрократизация всякая... Этих программ несметное количество, 42 штуки, это просто каторга. И, в общем, бумаж-

ная работа заменила реальную... вместо живой работы пошла бумажная и электронная.

Когда я только еще пришла в университет и была молодым специалистом, я ощущала больше свободы и как бы доверия к себе как со стороны коллег, так и со стороны администрации. То есть контроль был, но контроль был минимальный... касался именно того, чтобы создать условия и не мешать преподавателю. Сейчас я вижу такой контроль даже с дистанционным управлением. Проконтролировать каждый шаг преподавателя, чтобы он там не халявил нигде.

Отношение к наукометрии:

Научная ценность снижается, потому что гонка за публикациями..., тиражирование, самоцитирование, поиски возможности публикации в Ваковских журналах, которые, в принципе, не читаются, эти Ваковские журналы, многие. И поэтому здесь, конечно, опять же, нужно понимать степени: либо количество, либо качество.

Затрудняет работу, сами публикации страдают.

Вот в этой гонке публикаций: важен именно сам факт публикации... ценность таких публикаций крайне низка.

О бюрократизации профессии:

Бесчисленные отчеты о работе, написание очень большого количества отчетов, ведение документации в т. ч. отчетной, организация доп. программ, написание РПУД и ФОС; (занятия) всякими тупыми распоряжениями начальников по феномену Даннинга-Крюгера²; распечатка, сканирование и визирование заявлений студентов; подготовка отчетов; запол-

¹ Проект «Институциональные и поведенческие аспекты функционирования дистанционного образования в условиях пандемии коронавируса 2020 г.»

² Эффект Даннинга-Крюгера — метакогнитивное искажение, которое заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, принимают неудачные решения и при этом неспособны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня своей квалификации. В анализе проблем образования часто относится на счет доминирования бюрократических средств управления над академическими свободами и самоуправлением в университетах.

нение заявок; подача служебных записок и т. д.

Это куча бумаги... Эти коробки, я видел, носили, ну, зачем это, есть же электронные носители сейчас, зачем тратить столько бумаги, краски, это большие расходы... Ну, а полезное: это чиновничья процедура, это способ контроля, вот ее главная функция.

Через многообразие индивидуальных нарративов проступает глубинная, уже онтологическая, реальность: «учебная нагрузка растет, административное бремя растет, время на исследования уменьшается, уровень стресса возрастает».

Здесь самое время снять налет исключительности представленных мнений в границах одного нашего университета. Отнюдь не только он и отнюдь не только вузы всей страны (Грибовский, Сорокин, 2019; Кожевникова, 2019; Трудности и перспективы..., 2019), но и зарубежные системы образования поражены этим недугом (Абрамов, Груздев и др., 2020; Дим, 2004; Олейников, 2013).

Когда на месте факультетов и кафедр как обучающих и научных коллективов появляются департаменты и сектора как административные единицы с иерархическим подчинением, профессионалы образования переживают это как шок. Когда из-за смещения труда педагога от человеческого взаимодействия – к отчетности и другим документам, к работе, которую мы еще мягко называем «бумажной», она приобретает другое название: *bullshit jobs* – ерундовая, пустая, бессмысленная, бредовая работа. Слово пришлось как нельзя кстати, и одноименная книга антрополога Дэвида Гребера быстро приобрела благодарного читателя (Гребер, 2020). В предисловии научного редактора книги читаем: «Почему значительную часть жизни мы проводим, делая то, что нам не нравится и во что мы не верим? Почему приходится столько времени тратить на какой-то бред – на абсурдные занятия, от которых нет никакого удовольствия? Почему мы так часто не видим смысла в выполняемой

работе? <...> Самый простой (и правильный) ответ: потому что так устроен мир. Но, собственно, почему он так устроен?» (Гребер, 2020: 3).

Очень точно поставленный вопрос. Попробуем на него ответить, не сводя ответ к привычным обвинениям в адрес бюрократии. Действительно, мы часто ищем источник принуждения к бредовой работе в требованиях управляющей бюрократии, но это не приближает нас к разгадке тайны, почему невозможно изменить ситуацию, – ведь, в принципе, с бюрократией можно договориться, она же, в конце концов, люди! Макс Вебер считал даже, что «формально рациональные» люди. Но почему эти люди категорически нас не слышат?

Посмотрим на проблему не через призму управления, хотя она безусловно проблема управления, а социологически, ища при этом какие-то первопричины, предполагая наличие и работу дюркгеймовских «социальных фактов» – глубинных структурных причин, лежащих вне сознания, но обладающих по отношению к человеку принудительной силой – такой же силой, как культурные коды.

Присмотревшись, мы увидим, что на другом конце провода – не люди, а «лежащая вне сознания» структура, набор правил, вытекающих из политики и идеологии неолиберально-менеджеристской парадигмы в управлении (Абрамов, Груздев и др., 2020; Кожевникова, 2019). Это «социальный факт» нового времени и нового типа – система надперсональных институциональных правил, формализующих и стандартизирующих человеческую деятельность, даже более сильных правил, чем институциональные, потому что последние, в конечном счете, – тоже правила человеческой деятельности, установленные людьми. Система, которую мы имеем в виду, закрепляет институциональные правила в еще более жесткой, безальтернативной форме, создавая из них *матрицу кодов программного файла*. На другом конце «провода» нашего взаимодействия с си-

стемой – не люди, а цифровая компьютерная программа, то есть система технического кодирования со всеми ее свойствами – невозможностью отклониться от инструкций и последовательности команд, предназначенная для оптимального функционирования с целью получения определенного результата, и результат в ней тоже определен. Программа как структурная основа цифровой среды.

Она, конечно, создается человеком, причем из самых лучших побуждений, установки для этого даются самые рациональные. Но логика программы неумолима. Она не только создается человеком, но и создает человека как свой придаток, вовлекая в свои процедуры и рядовых работников, и управляющих. Все они встроены в программу и работают в соответствии с ее кодами. В том числе, администраторы всех уровней. Они тоже «рабы этой лампы» – исполнители логики однажды запущенного механизма, имеющего целью стандартизацию и оптимизацию системы. Осуществляя программу, они считают себя «производителями порядка». Порядок для них – это формализованные, запротocolированные и контролируемые процедуры. При этом от «почвы», от самого слоя «производства образования» она оторвана. Отслеживая выполнение процедур, запрограммированная система вступает во взаимодействие лишь сама с собой и правила создает, исходя из собственной контрольно-надзорной природы. Ею владеет логика социальной машины, логика полной управляемости. На самом деле – иллюзия полной управляемости.

Из-за объема, напряженности и часто бессмысленности работы, диктуемой программой, люди чувствуют себя роботами, потому что функционируют в системе, фактически равнодушной к их существованию и заинтересованной только в декларативном соблюдении шаблонов, стандартов и предписанных форм документации, регламентирующих образовательную деятельность в малейших деталях. Естественная регуляция высококвалифицированного

труда последовательно заменяется искусственной, живая жизнь людей – марионеточным существованием.

Только один пример. Хорошее дело – создание фонда видеолекций! Но по рассказам преподавателей, которые в этом участвовали, процедура записи формализована и стандартизирована до такой степени, что от университетской лекции, ориентированной на аудиторию слушателей, демонстрирующей педагогическое мастерство лектора, его индивидуальность и его образ как ученого и мыслящего человека, не остается просто ничего. Он и пошевелиться лишней раз не может – инструкция не позволяет. Жесточайшая регламентация процедуры делает преподавателя, профессора, персонажем технического действия наподобие «кормящей машины» Чарли Чаплина в фильме «Новые времена». Да, там все четко и размерено, но чтобы механическая рука с ложкой супа попала Чарли в рот, он должен быть прикован к креслу и не иметь возможности пошевелить головой – иначе супом окажется вымазано все лицо.

В царстве Цифры и Программы царит технократическое понимание социального устройства и человеческой природы. По отношению к ним производится глубокое разделение труда, фактически расчленение высококвалифицированных целостных, синтетических, синергических видов деятельности на отдельные элементы. Из этих элементов, часто не имеющих собственных смыслов, конструируется такая же супер-рациональная среда, как в системах фастфуда, и не зря Джордж Ритцер называет эти среды в структуре социального – *макдональдизацией* (Ритцер, 2011).

Мы отчетливо видим, как макдональдизированная система завладевает человеческим поведением, выстраивает его в целесообразную логику и получает чрезвычайно эффективное осуществление... самой себя. Эффективное и экономически выгодное. Однако супер-рациональность рано или поздно оборачивается иррациональностью, что мы, кажет-

ся, сегодня и наблюдаем, заодно открывая для себя то, что социальные мыслители XX века уже некоторое время назад открыли. Они предупреждали нас об этом.

Можно вспомнить фундаментальный труд чилийских биологов Умберто Матураны и Франсиско Варелы (Матурана, Варела, 2001), описавших *аутопойесис* живых систем – их самоподдержание и самовозобновление как способ производства самих себя в ходе «самопознания» самих себя. Будучи биологами, они, тем не менее, пришли к выводу, что все системы, которые способны к самопознанию в прямом и переносном смысле, – это живые системы. Разумеется, общество тоже, в том числе, с помощью социологии. Теорию аутопойесиса социальных систем с опорой на труды У. Матураны и Ф. Варелы создал немецкий социолог Никлас Луман (Луман, 1991). По его мысли, чтобы сотворить самоё себя, система «выносит человека за скобки» своего существования, коммуницирует сама с собой, совершенствуется, осознает себя и вот тогда завладевает человеком, втягивает его в себя в качестве материала своего существования. Самым элементарным, всем знакомым способом – путем отбора лояльных себе людей. В наши дни у нее на службе вершина современной технологии – цифровая цивилизация и *тотальность цифры*. О тотальности технологии писал еще Мартин Хайдеггер: «Тоталитаризм — это не просто форма правления, — писал он, — но следствие необузданного господства техники. Человек сегодня подвержен безумию своих произведений» (Хайдеггер, 1991).

В наши дни мы видим, как технические «произведения» человека, то есть созданные человеком устройства, гаджеты и девайсы информационного мира, вовлекают его в труд, формы которого заданы этими устройствами, их программами. В полную мощь работают коды и кодирование – как программно-технические, так и культурные – «Я человек маленький, что мне доводят, то я и делаю». Сегодня «доводят» что-то до уровня человеческого

дела многочисленные (уже невероятной численности) программы. В области образования – хорошо нам всем известные Основные профессиональные образовательные программы, Рабочие программы дисциплин, Программы воспитания студентов, Федеральные государственные образовательные стандарты, кем-то запрограммированные списки компетенций, которые преподаватели должны «сформировать» и качество которых мы здесь обсуждать не будем. Все это – элементы Цифровой образовательной среды университетов, она – бассейн, наполняемый результатами оцифрованной человеческой деятельности, и она производитель дальнейшей ее цифровизации.

Оцифровка – это перевод поведенческих, психических, культурных знаков субъектной деятельности сначала в текстовые аналоги, а потом и в дискретные единицы сигналов, пригодных для передачи на электронных носителях. И дело не в том, что цифровые технологии проникают в образовательный процесс, и даже не в том, что человек, преподаватель, превращается в анимированное изображение для передачи на цифровых носителях, а в том, что он сам начинает жить и работать, как требуется цифровым носителям. Он принужден действовать по законам программы, фактически становясь биологическим носителем жестких программных файлов – «эгоистичной программы», которая, – так же, как «эгоистичный ген» и «эгоистичный мем» Ричарда Докинза – озабочена лишь распространением себя на всё большие ареалы (Докинз, 2013).

Оцифрованная функциональность – это все, что нужно «эгоистичной программе» от человека. Дегуманизация, которую ранее мы усматривали в деятельности тотальных институтов и тоталитарных систем, происходит здесь, сейчас, с нами. Это то, что разрушает культуру университета и ноосферу образования вообще. И не только образования, конечно.

Между тем, это закономерно. Потому что представляет собой «волну» в системе

больших волн – сначала роста, а потом упадка каких-то первоначально эффективных принципов.

Закономерность процесса и субъектный статус его участников. Сюда привели нас три тренда XX века – *неолиберальная экономика* (не путать с классическим либерализмом), *революция менеджеров* и *цифровая революция*. Все три начинались как сильные и сулящие множество благ инновации, и они их, действительно, дали. Однако, достигнув, кажется, пределов роста, перешли в иррациональную, абсурдную, разрушительную фазу. Супер-рациональность на глазах оборачивается иррациональностью. Система, исходно вооруженная прогрессивными идеями, методами и технологиями, но нацеленная на то, чтобы производить сугубый, мелочно контролируемый порядок, – производит не порядок, а хаос, причем в наши дни практически на каждом рабочем месте.

И коль скоро это так, и наши трудности запрограммированы не злой волей управляющих (не только ею), обращаться к ним с увещаниями об академических свободах и непристойности превращения высоких профессионалов в пролетариат умственного труда, не имеет смысла. Но тогда в какой инстанции и как решать проблему общей дегуманизации и опасной для культуры трансформации академических профессий?

Приходится признать, что такой инстанции нет. Мы находимся не в субъектно организованной среде, с авторизованными индивидуальными или коллективными акторами (не случайно, что мы никогда не знаем инициаторов тех или иных решений и документов), а в самоорганизующейся системе роботизированной квазижизни, уже практически осознавшей свою автономную от человека сущность и неспособной к самоизменению. Она «увидела себя» и поняла, «что это хорошо». Кажется, и нам следует увидеть, что наступившая эпоха – это нечто большее, чем новые методы и технологии деятельности, в том

числе, образовательной деятельности и управления образованием.

К диагнозу нашего времени. Менеджеризм, программа и «цифра» как социально-экономическая формация. Представляется возможным концептуализировать наступившую эпоху как новую цивилизационную формацию, может быть, даже в смысле социально-экономических формаций Карла Маркса. В политэкономическом отношении это нечто, что осторожно называют «посткапитализмом» и для чего предлагают прогнозные варианты. Среди этих прогнозов есть один, который, на наш взгляд, наилучшим образом позволяет разместить в его контексте всю предыдущую логику увязывания фактов менеджеризма, цифровизации, программирования и культуры, и этим достичь заявленной цели статьи.

Это концепция «менеджерального общества», которую предложил в первой половине XX века американский философ, социолог и экономист Джеймс Бернхем (Бернем). В 1941 году он издал работу «The Managerial Revolution» – «Революция директоров» (Бернем, 1954), в которой выдвинул идею о трансформации капитализма в «менеджеральное общество», власть в котором перейдет к новому классу управляющих (менеджеров, технократов). На работу Дж. Бернема обращает внимание, пересказывает и критикует в своей статье Джордж Оруэлл: «Капитализм исчезает, но на смену ему идет не социализм. Возникает новый тип планового, централизованного общества, которое не будет ни капиталистическим, ни, в каком бы то ни было принятом смысле слова, демократическим. Правителями этого нового общества будут те, кто фактически контролирует средства производства: администраторы компаний, техники, бюрократы и военные, которых Бёрнем объединяет под именем «менеджеров». Эти люди устранят прежний класс капиталистов, сокрушат рабочий класс и организуют общество таким образом, что вся власть и экономические привилегии останутся в их руках...

Новый мир <...> будет состоять из громадных сверхгосударств <...>. Все они будут иерархическими: аристократия способных наверху и масса полурабов внизу» (Оруэлл, 2003).

У нас в стране книга Дж. Бернхема получила широкое признание именно в области менеджмента, когда в постсоветский период шла модернизация управляющих систем и состоялась быстрая, массовая рецепция самого термина. Сегодня мало какой учебник менеджмента, теории элит или теории бюрократии обходится без упоминания «Революции менеджеров» и подробного анализа идей Дж. Бернхема применительно к социально-экономическим, социально-политическим и собственно менеджереальным аспектам советской, германской и американской систем управления обществом. Происходит это, очевидно, в силу того факта, что в них предугадана траектория развития менеджизма как доминирующей технологии управления сегодня (Кабашов, 2011).

Этот анализ показывает, что на излете индустриального общества трансформация управляющих систем идет не в сторону социалистического строя и складывается не социальное государство, которое ставит своей целью ответ на запросы населения и работает в тесном контакте с ним, а возникает глубокое расслоение общества: с автономной элитарной структурой наверху, для которой население – именно «масса полурабов», которых даже обязательно учить, важно, чтобы они были «компетентными потребителями». Сегодня мы видим эту реальность невооруженным глазом. А теоретически вооруженным глазом видим самостроительство полуфеодалного государства сословного типа (Кордонский, 2008; Колбановский, 2010; Иноземцев, 2021). В этом государстве, как пишет социолог Варлен Колбановский, – «Культура еще сохраняет интегрирующую роль <...>, но постоянное насилие над культурой, выпестивание особой официальной культуры приводит к оруэлловскому “двоемыслию”, к синкретическому соеди-

нению ценностей традиционалистских с ценностями квази-инновационными. Повелевает и безраздельно хозяйничает управленческая система – партия-государство. Она не имеет оппонента и генератора идей – гражданского общества, она есть система без обратной связи...». В этом государстве «его управленческая система есть не что иное, как “бюрократический абсолютизм”» (Колбановский, 2010: 114).

Сегодня становится понятно, что способом производства реальности в формации «бюрократического абсолютизма» или «тотального менеджизма» выступает Ее Величество Программа. Программируется всё, вплоть до мельчайших деталей поведения – в быту, в профессии, в политике. А всеми проклиная «бюрократия» оказывается лишь служанкой Программы и Цифры, которые ведут ее своим путем и своей логикой, и на которую «переводят стрелки», чтобы скрыть главный «движок» системы.

Быт еще сопротивляется, профессия – уже нет. Именно программирование обесмысливает деятельность. Становится не легче, а труднее работать. То, что называют «образовательными стандартами», вовсе не является стабильным ориентиром работы, потому что постоянно изменяется, а значит, надо регулярно переписывать рабочие программы учебных дисциплин; посреди учебного года вдруг добавляется педагогическая нагрузка по текущим курсам, а значит, надо наполнять содержанием эти добавленные часы в уже спланированных занятиях; считается правильным по несколько раз принимать задолженность у нерадивых студентов, каждый раз наращивая квалификационный потенциал приемной комиссии, и вот уже три профессора слушают одного отстающего, участвуя в действе, которое называется «вторая повторная промежуточная аттестация» – с опасением, что будет еще и «третья повторная промежуточная», и похоже, никто из планировщиков подобных «педагогических технологий» не отдает себе отчета в

том, что раз от раза называя простую сдачу задолженностей все красивее и непонятнее, а главное, заранее планируя ее в несколько этапов, они тем самым легитимируют нерадивость и утверждают приемлемость неуспеваемости, за которую иной раз правильнее отчислять; и уже совершенно немислимое в былые времена: почему-то считается возможным принуждать преподавателей работать во время отпуска, причем с очевидными отчетно-контрольными целями. Все это уже не говоря о том, что цифровая репрезентация документов учебного контроля все равно дублируется их бумажными формами, как минимум, удваивая объем работы преподавателя. Пока не ясно, откуда идут основные ошибки такого планирования – от плохого качества программирования или от административного давления, которое программисты вынуждены воплощать в цифровой форме. Однако вероятнее все же, что от управления, не соответствующего природе управляемого объекта и имеющего едва ли не главной своей целью идеальную отчетность.

Реагировать на ситуационную подвижность среды и исправлять ошибки программа не умеет, в ней нет таких опций. Реагировать на ситуацию и исправлять ошибки умеет только человек с его адаптивными способностями. Но именно на это и налагаются ограничения. Программа – жесткая вещь, она требует полного себе соответствия и этим лишает человека вариативности поведения, самоорганизации и самоуправления.

Сегодня цифровая среда и программа – это не только «внешняя память», изобретенная человечеством для эволюции культуры. Это уже почти «внешний мозг», управляющий «внешним скелетом» трудовой активности. Экзомозг и экзоскелет человеческой деятельности. Их дальнейшая логика тоже понятна: «эгоистичная программа» полной управляемости ведет к программам «социальной инженерии», нацеленной на построение искусственной социальности (Крокинская, 2019). Она –

«эгоистичный ген» эпохи и текущей формации, вирус, которым она заражена. Это сводит на нет наши попытки частичных и частных решений. Нет той инстанции, в которой процесс искажения университета можно остановить. Мы вынуждены рассчитывать только на логику других процессов, которые в нашей реальности тоже идут. В том числе, в образовании и в культуре современного университета.

Эти процессы идут на макроуровне цивилизации, и они дойдут до своего финала. Мы имеем в виду нарастающую сингулярность – коэволюцию экспоненциально растущих кризисов, устремленных в одну точку, в которой совершается фазовый переход, за которым – неизвестность. Они подготавливают радикальную смену парадигмы современного мира и требуют нашего осознанного участия в ней. Совершенно не случайно по страницам публичных аналитических текстов замелькали слова «квантовый скачок» и «осознанность». От человека в пост-постсовременном мире требуется осознание происходящего, рефлексия макро- и даже мега-процессов, понимание их причин и выстраивание своей жизни в соответствии с этим пониманием.

Теоретическое заключение. Наши тревоги по поводу культуры университета иногда выглядят не очень серьезно – ну, подумаешь, расписание неудобное, планово-отчетная текучка заела... Мы кодируем их словами «так было всегда, ничего не поделаешь, не обращайтесь внимания». Текучка гонит нас по колее рабочих забот, но в какой-то момент надо остановиться, осознать свое место в ситуации, вывести фоновые ощущения в область отчетливых пониманий и попробовать «зреть в корень». Там, в корне, мы различим черты того, что скрывается под мелкими нарушениями в организации нашей повседневной профессиональной жизни – макропроцессы видоизменения культуры и деформации многих базовых процессов общества. Его самодвижение и саморазвитие угнетаются: переписывается история, за-

крываются музеи и архивы, уничтожается университетская автономия, идет прессинг на просветительскую деятельность, формальные показатели заменяют суть научной работы, повсеместно нарастает непрофессионализм, обязательность выполнения всех требований всех инстанций, часто совершенно оторванных от реальности, вынуждает людей имитировать результаты и качество работы – и все это вместе означает, что происходит отнюдь не синтез полей менеджмента, цифровизации и культуры, а разрушение и культуры, и самих институтов общества.

Совершенно необязательно мыслить это в политическом контексте, хотя реально он присутствует во всем. Однако, если вынести его за скобки, то мы увидим еще один слой структурообразующих процессов – все еще дрящущую трансформацию (а лучше сказать, перерождение, преображение) индустриальной эпохи на пути к постиндустриальной или даже постпостиндустриальной. А может быть, к «новому модерну», как это обозначил в своей знаменитой книге «Общество риска» немецкий социолог Ульрих Бек (Бек, 2000). Мы по-прежнему не знаем, что будет собой представлять этот «новый модерн» и должны удержаться от предложения каких бы то ни было его модельных образов. При условии открытого пространства для социальной и индивидуальной активности оно сложится само. На переходах между эпохами это происходит не по воле политиков, а, в конечном счете, по «сумме волей» людей, ибо на переходах меняется социологическая максима: не «человек таков, каково общество», а «общество таково, каков человек». И оно будет (никуда от этого не деться) суммой индивидуальных рефлексивностей, при которой, по мысли У. Бека, «процесс модернизации *детрадиционализирует* включенные в индустриальное общество жизненные формы» (Бек, 2000: 233). Правда, у Бека этот процесс должен быть защищен государством всеобщего благоденствия. У нас такого государства нет, и значит, мы

должны это делать еще более самостоятельно, в доступных нам жизненных микроформах. Но детрадиционализация, то есть расколдовывание традиции, – императивна.

Итак, рефлексивная модернизация – это, прежде всего, модернизация самих себя, а уже то, что нужно сохранять, а что изменять, каждый будет решать сам. Но есть и путеводная звезда. *Фронезис* – термин Аристотеля из «Никомаховой этики», означающий этическую компетенцию практического разума, или способность суждения, направленную к сохранению того, что мы понимаем как благо. Другими словами, это суждение о желаемой цели, вписанное в традицию и тем самым создающее не теорию, а «навигатор здравого смысла», помогающий формулировать внутри него свое собственное решение. *Соединять традицию, здравый смысл и цель* как раз и означает относиться к настоящему рефлексивно. Как это уже сформулировали экологи: «Мысли глобально, действуй локально». Похоже, нам снова понадобится интеллигенция, потому что это ее работа – трудная, этически нагруженная когнитивная работа, направленная на создание образцов и способов мышления, открытого к принятию «иного» для сохранения «своего», и создающего тем самым артефакты эволюции. В нашем контексте – создание таких образцов мышления, поведения и деятельности, в которых культура университета как традиция задавала бы навигацию здравого смысла для управления и цифровых технологий.

Методологическое заключение. В этой статье мы ставили себе задачу попытаться «мыслить вместе» несколько разных проблемных областей, характеризующих разные социальные поля и практики. Результат, возможно, выглядит эклектично и в нем кое-где грешит логика, но он не претендует быть строгой теорией. Развернутая здесь мысль всегда *между чем-то и чем-то* – между прикладной и теоретической социологией, теоретической социологией и социальной философией, между

наукой и публицистикой. В конечном счете, между эмпирическим опытом и его аналитическим обобщением. Однако для первичной концептуализации многоставной темы это, наверное, неизбежно, а как минимум, допустимо.

Мировоззренческое заключение.

Остановить макропроцессы не в наших силах. Но в наших силах создавать другие, на доступном нам уровне: «выращивать» культуру университета в эпоху цифры в самом нашем социуме – в поведении, мышлении, деятельности профессионалов. Как уже говорилось, на помощь культуре должна прийти человеческая субъектность, то есть рефлексивное отношение к жизни. Социальная рефлексия часто считается прерогативой элит и властей, воплощающих волю «коллективного тела народа». Да они и сами думают, что они «единственный европеец» среди народных масс. Однако именно поэтому социальная рефлексия теперь должна быть работой всех. Инстанция решения проблемы – каждый из нас, кто эту проблему осознает.

Мировая педагогическая литература переполнена советами, чему и как учить детей и юношество сегодня. Мы уже освоили одну из важнейших педагогических установок Г. Бейтсона о так называемом «вторичном обучении» – не только «учить», но «учить учиться», однако реже вспоминаем его же предложение о «третьем обучении» – умении «изменять выученное», владеть и пользоваться критическим мышлением. Что если попробовать применить это к себе и воспользоваться методом «перевернутого класса»? Хотя бы как антитезисом на пути к синтезу – расколдовать мифы, отвергнуть стереотипы, «сбросить пароли» культурных кодов апатии и беспомощности, понять былые истины наоборот. И тогда: жить в обществе – и быть свободным от общества, вдруг увидеть, что сознание определяет бытие, а не наоборот, переставить акценты между «*vita brevis – ars longa*», чтобы увидеть – нет, это техническое искусство коротко, а жизнь – вечна, и работать

надо на жизнь и на вечность. Это означало бы, что надо вывести архетипы автоматического функционирования из тени и начать различать в себе работу программ – этого повелевающего голоса сконструированных кем-то и предписанных нам автоматизмов.

Со ссылкой на многочисленные описательные, аналитические, а то и исповедальные тексты представителей профессионального преподавательского сообщества, возьмусь утверждать, что наше высшее образование, со всеми его проблемами, могло бы быть безусловно сильнее, если бы его профессорско-преподавательский корпус не был погружен в масштабные практики бессмысленности в угоду требованиям машины, управляющей образованием. Ее нормативы и правила ведут к подавлению интеллектуального потенциала одной из самых высококвалифицированных страт общества. Того потенциала, который должен быть направлен на обучение студенчества, на совершенствование образования в нашей стране. Мы не должны забыть, что важнейшая социальная функция университета – производство культуры. Что университет – это непрерывное сообщество самого разума (Вахштайн, 2012). И принимая возможности «цифры», мы должны выдвинуть ей встречные требования. Для начала – сменить кодирующий дискурс: не «цифровая образовательная среда», а «цифровая среда образовательной деятельности». В первом случае примат принадлежит среде и цифре, во втором – субъектам образовательной деятельности – студентам, педагогам, руководителям университета. Это такая среда, где, по заветам Вильгельма Гумбольдта, не студенты существуют ради преподавателей, не преподаватели ради студентов, и не все они вместе ради администраторов, а и те, и другие, и третьи – ради образования и науки.

Литература

Абрамов, Р.Н., Груздев, И.А., Терентьев, Е.А., Захарова, У.С., Григорьева, А.В. Уни-

верситетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форм-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 24 (2). С. 59-74.

Афанасьева, В. Пять признаков тяжелой болезни российского образования // Новые известия. 10 апреля 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <https://newizv.ru/article/general/10-04-2017/vera-afanasieva-pyat-priznakov-tyazheloy-bolezni-rossiyskogo-obrazovaniya-157f7b3b-0f4b-420a-9d2c-3884434c5afd> (дата обращения 29.05.21).

Барбер, М., Доннелли, К., Ризви, С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152-236.

Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Бернхем, Дж. Революция директоров / пер. с англ. Е. Шугаева. Франкфурт-на-Майне: «Посев», 1954. 161 с.

Бодей, Р. Политика и принцип нереальности // Публичные лекции Полит.ру. 27 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2005/04/27/bodei/> (дата обращения 29.05.21)

Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

Вахштайн, В. Метафоры и метаморфозы университета // Культиватор. 2012. № 3. С. 20-30.

Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: ООО «Ад Маргинем-Пресс», 2020. 500 с.

Грибовский, М.В., Сорокин, А.Н. Академические свободы и бюрократические узы преподавателя: результаты полевого исследования в университетах Великобритании и Франции // Университетское управление: практика и анализ. 2019. 23 (1-2). С. 60-71

Гринченко, С.Н. Является ли метаэволюция Вселенной запрограммированным и целенаправленным процессом? // Исследовано в России. 2005. Т. 8. С. 164–195. [Электронный журнал] URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2005/017.pdf> (дата обращения 10.07.21).

Дим, Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44-56.

Докинз, Р. Эгоистичный ген. Москва: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.

Донских, О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 36-45.

Иглтон, Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. № 4. 2015. С. 19-26.

Иноземцев, В. План «Крепостные». Как устроена современная сословная Россия // Новая газета. № 73 от 7 июля 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye> (дата обращения 15.07.21).

Кабашов, С.Ю. Бюрократия: теоретические концепции. Уч. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 216 с.

Казмин, Н. Нашу систему образования нужно не реформировать, а ликвидировать // Новые известия. 31 января 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://newizv.ru/comment/nikolay-kazmin/31-01-2018/nashu-sistemu-obrazovaniya-nuzhno-ne-reformirovat-a-likvidirovat> (дата обращения 15.07.21).

Кожевникова, М.Н. Менеджеристская парадигма: в управлении образованием, образовательных целях и социально-воспитательных следствиях // Человек и образование. 2019. № 4 (61) С. 183-189.

Колбановский, В.В. Гражданственность и глобальная социология // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 112-121.

Кордонский, С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.

Крокинская, О.К. «Люди не мыслят»: Гераклит и когнитивные проблемы культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 52-66.

Крокинская, О.К. В прицеле социальной инженерии – природа человека и общества. [Электронный ресурс] URL: <https://www.academia.edu/39709977/> (дата обращения 12.07.21).

Куренной, В. Бастард модерна. О текущем кризисе университета // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 103-110.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2003.

Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семисфера. СПб.: «Искусство-СПб». 2001. С. 150-390.

Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 194-218.

Мамардашвили, М.К. Язык осуществившейся утопии // Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. С. 303-317.

Матурана, У., Варела, Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Олейников А. Университет держит оборону. (Обзор англоязычных работ о критическом состоянии современного университета) // «НЛО». 2013. №122. С. 338-348.

Оруэлл, Дж. Джеймс Бёрнем и революция менеджеров // Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 362-388.

Ридингс, Б. Университет в руинах. М.: ВШЭ, 2010. 304 с.

Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. 592 с.

Руллани, Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. № 4 (61). С. 64-69.

Суворов Н.С. Средневековые университеты. Изд. 2-е: М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Тестилец, Я. Запись Facebook: 9 мая 2021 в 22:51. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/yakov.testelecs/posts/4231419583545081> (дата обращения 29.05.2021)

Тощенко, Ж. К чему ведет нескончаемая оптимизация образования. Когда стандарты и гранты важнее всего // Независимая газета. 27.01.20. [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-01-27/9_7778_education.html

Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.

Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 191 с.

Хофстеде, Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9-49.

Чик, Г. Единицы культуры // Общественные науки и современность. 2000 № 2. С. 11-122.

Шваб, К. Четвёртая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2019. 208 с.

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

References

Abramov, R. N., Gruzdev, I. A., Terent'yev, Ye. A., Zakharova, U. S., & Grigorieva, A. V. (2020), "University teachers and digitalization of education: on the eve of remote force majeure", *University Management: Practice and Analysis*, 24 (2), 59-74 (in Russ.).

Afanasyeva, V. (2017), "Five signs of a serious illness in Russian education", *Novye Izvestiya [Latest news] [Online]* available at: <https://newizv.ru/article/general/10-04-2017/vera-afanasieva-pyat-priznakov-tyazheloy-bolezni-rossiyskogo-obrazovaniya-157f7b3b-0f4b-420a-9d2c-3884434c5afd> (in Russ.) (Accessed 07 November 21).

Barber, M., Donnelly, K. & Rizvi, C. (2013), "On the eve of the avalanche. Higher education and the coming revolution", *Educational Studies*, 3, 152-236 (in Russ.).

Beck, W. (2000), *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]*, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bodei, R. (2005), "Politics and the principle of unreality", *Polit.ru*, [Online] available at: <https://polit.ru/article/2005/04/27/bodei/> (in Russ.) (Accessed 08 November 21).

Bourdieu, P. (2005), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]*, Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Burnham, J. (1954), *Revolyutsiya direktorov [The Managerial Revolution]*, translated by E. Shugaev, Posev, Frankfurt am Main (in Russ.).

Chick, G. (2000), "Units of culture", *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 11-122 (in Russ.).

Dawkins, R. (2013), *Egoistichnyy gen [The Selfish Gene]*, AST: CORPUS, Moscow (in Russ.).

Dim, R. (2004), "'New managerialism' and higher education: quality and productivity management in UK universities", *Educational Studies*, 3, 44-56 (in Russ.).

Donskikh, O. A. (2013), "The case of the competence-based approach", *Vysshee obra-*

zovanie v Rossii (Higher Education in Russia), 5, 36-45 (in Russ.).

Eagleton, T. (2015), "Slow Death of the University", *Sovet rektorov*, 4, 19-26 (in Russ.).

Eco, U. (1998), *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent structure. Introduction to Semiology], TK Petropolis LLP, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Graeber, D. (2020), *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda* [Bullshit jobs. Tractate on the spread of meaningless labor], Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Gribovskiy, M. V. & Sorokin, A. N. (2019), "Academic freedoms and bureaucratic ties of the teacher: results of field research in universities in the UK and France", *University Management: Practice and Analysis*, 23 (1-2), 60-71 (in Russ.).

Grinchenko, S. N. (2005), "Is the meta-evolution of the Universe a programmed and purposeful process?", *Issledovano v Rossii*, 8, 164-195, [Online] available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-metaevolyutsiya-vseleenyozaprogrammirovannym-i-tselenapravlenным-protssessom/viewer> (in Russ.) (Accessed 07 November 21).

Heidegger, M. (1991), *Razgovor na proselochnoy doroge* [Conversation on a country road], Higher school, Moscow, Russia (in Russ.).

Hofstede, G. (2014), "Hofstede model in context: parameters of the quantitative characteristics of cultures", *Language, Communication and Social Environment*, 12, 9-49 (in Russ.).

Inozemtsev, V. (2021), "The plan "Serfs". How modern estate Russia set up", *Novaya Gazeta*, 73 (7), [Online] available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye> (in Russ.). (Accessed 15 July 21).

Kabashov, S. Yu. (2011), *Byurokratiya: teoreticheskie kontseptsii*. [Bureaucracy: theoretical concepts. Tutorial], 2nd ed., Flinta, Moscow, Russia (in Russ.).

Kazmin, N. (2018), "Our education system should not be reformed, but eliminated", *Novye izvestiya*, January 31, [Online] available at: <https://newizv.ru/comment/nikolay-kazmin/31-01-2018/nashu-sistemu-obrazovaniya-nuzhno-ne-reformirovat-a-likvidirovat> (in Russ.) (Accessed 15 July 21).

Kolbanovsky, V. V. (2010), "Citizenship and Global Sociology", *Sociological Studies*, 3, 112-121 (in Russ.).

Kordonsky, S. G. (2008), *Soslovnaya struktura postsovetsoy Rossii* [The estate structure of post-Soviet Russia], Institute of the Public Opinion Foundation, Moscow, Russia (in Russ.).

Kozhevnikova, M. N. (2019), "Managerial paradigm: in education management, educational goals and socio-educational consequences", *Che-lovek i obrazovanie* [Man and Education], 4 (61), 183-189 (in Russ.).

Krokinskaya, O. K. (2020), "'People do not think": Heraclitus and the cognitive problems of culture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (3), 52-66. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-5 (in Russ.).

Krokinskaya, O.K. (2019), "*The aim of social engineering is the nature of man and society*", [Online] available at: <https://www.academia.edu/39709977/> (in Russ.) (Accessed 15 July 21)

Kurennoy, V. (2011), "Bastard of Art Nouveau. On the current crisis of the university", *Neprikosnovenny zapas*, 3 (77), 103-110 (in Russ.).

Lakoff, J. & Johnson, M. (2004), *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by], Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Goff, J. (2003), *Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages], Izdatel'sky dom SPbGU, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (2001), "Inside the thinking worlds", in: Yu. M. Lotman. *Semiosphere* [Semiosphere], Iskustvo-SPb, St. Petersburg, Russia, 150-390

Luhmann, N. (1991), "Tautology and paradox in self-descriptions of modern society", *SOTSIO-LOGOS*, 1, 194-218 (in Russ.).

Mamardashvili, M. K. (1996), "The language of a realized utopia", in: Mamardashvili M. K., *Neobkhodimost' sebya. Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki* [Necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical Notes], Labyrinth, Moscow, Russia, 303-317 (in Russ.).

Maturana, U. & Varela, F. (2001), *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: Biological Roots of Human Understanding], Progress-Tradition, Moscow, Russia (in Russ.).

Oleinikov, A. (2013), "The University keeps the defense. (Review of English-language works on the critical state of the modern university)", *NLO*, 122, 338-348 (in Russ.).

Orwell, J. (2003), *Dzheyms Bornem i revolyutsiya menedzherov* [James Burnham and

the managerial revolution. Lion and Unicorn. Essays, articles, reviews], *Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy*, Moscow, Russia (in Russ.).

Readings, B. (2013), *Universitet v ruinakh* [University in ruins], Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Ritzer, J. (2011), *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5*. [MacDonaldization of society 5], Praxis, Moscow, Russia.

Rullani, E. (2007), "Cognitive capitalism: déjà vu?", *Logos*, 4 (61) (in Russ.).

Schwab, K. (2019), *Chetvyortaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], EKSMO, Moscow, Russia (in Russ.).

Suvorov, N. S. (2012), "*Srednevekovye universitety*" [Medieval Universities], 2nd ed., Knizhny dom "LIBROKOM", Moscow, Russia (in Russ.).

Testilets, Y. (2021), "Facebook post, May 9, 2021", [Online] available at: <https://www.facebook.com/yakov.testilets/posts/4231419583545081> (in Russ.) (Accessed 15 July 21).

Toshchenko, Zh. (2020), "What does the endless optimization of education lead to. When standards and grants are most important", *Nezavisimaya gazeta*, 01.27 (in Russ.).

Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya (2019), [Difficulties and

Prospects for the Digital Transformation of Education], in A. Yu. Uvarova and I. D. Frumin (ed.), Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Vakhstein, V. (2012), "Metaphors and metamorphoses of the university", *Kul'tivator* [Cultivator], 3, 20-30 (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Крокинская Ольга Константиновна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, факультет истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А.И. Герцена), Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; krokinskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga K. Krokinskaya, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Faculty of History and Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University), 48 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia; krokinskaya@mail.ru

УДК 930.23

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-7

Савчук Р. А.

Основные идеи прочтения церковной истории Юго-Западной Руси в среде украинской диаспоры во второй половине 1980-х гг. (по материалам Научного конгресса тысячелетия крещения Руси-Украины, Мюнхен, 1988 г.)

Издательский совет Русской Православной Церкви, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2,
г. Москва, 119435, Российская Федерация; russ_sav@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования являются взгляды историков из украинской диаспоры на церковную историю Юго-Западной Руси, которые нашли отражение в материалах Научного конгресса тысячелетия крещения Руси-Украины, состоявшегося в конце апреля – начале мая 1988 г. в Мюнхене. Форум собрал представителей почти всех научно-исследовательских учреждений украинской диаспоры из разных стран Европы и Америки. Материалы Конгресса стали своеобразным итогом развития церковной историографии диаспоры и имели большое значение для формирования мировоззрения ученых в Украине в условиях падения идеологического барьера и становления независимого государства. С помощью историко-типологического и идеографического методов выделены основные идеи историков украинской диаспоры, касающиеся осмысления роли и места Церкви в прошлом и настоящем региона. Предпринятый анализ позволяет выявить мировоззренческие основания различных течений в современной украинской историографии, имеющих отношение к церковной истории. Рассмотрены попытки обосновать отдельную историческую линию церкви Юго-Запада и противопоставить ее христианской традиции Северной Руси. Прослеживается желание историков диаспоры найти исторические корни «киевского христианства» в эпохах, предшествующих крещению Руси равноапостольным князем Владимиром. Обращается внимание на отсутствие исторических источников, которые бы позволяли сделать аргументированные соответствующие выводы. Делаются выводы о том, что историки из диаспоры прибегали к свободной интерпретации исторических фактов с целью обосновать изначально заданную идею. При описании исторических реалий жизни Киевской митрополии до ее вхождения под омофор Московских Патриархов исследователи диаспоры прибегали к явной идеализации общественных порядков Речи Посполитой и Гетманщины. С целью утвердить традицию борьбы киевского духовенства за независимость церкви Юго-Западной Руси любые политические, социальные и культурные особенности церковной жизни связывались с проявлением национальной осознанности в современном украинском контексте данной проблемы.

Ключевые слова: тысячелетие крещения Руси-Украины; украинская диаспора; церковная история; историография; национализм; идеология

Для цитирования: Савчук Р.А. Основные идеи прочтения церковной истории Юго-Западной Руси в среде украинской диаспоры во второй половине

1980-х гг. (по материалам Научного конгресса тысячелетия крещения Руси-Украины, Мюнхен, 1988 г.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-7

R. A. Savchuk

The main ideas of reading the Church history of Southwestern Russia in the Ukrainian Diaspora in the second half of the 1980s.
(based on the materials of the Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Russia-Ukraine, Munich, 1988)

The Publishing Council of the Russian Orthodox Church, bld. 2, 20/3 Pogodinskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; russ_sav@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the views of historians from the Ukrainian diaspora on the church history of Southwestern Russia, which were reflected in the materials of the Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Russia-Ukraine (Munich, April-May 1988). The materials of the Congress became a kind of result of the development of the church historiography of the diaspora and were of great importance for the formation of the worldview of scientists in Ukraine in the conditions of the fall of the ideological barrier and the formation of an independent state. With the help of historical-typological and ideographic methods, the main ideas of historians of the Ukrainian diaspora concerning the issues of understanding the role and place of the Church in the past and present of the region are highlighted. The undertaken analysis allows us to identify the ideological foundations of various trends in modern Ukrainian historiography concerning church history. Attempts to substantiate a separate historical line of the church of the South-West and to contrast it with the Christian tradition of Northern Russia are considered. The author traces the desire of historians of the diaspora to find the historical roots of “Kievan Christianity” in the epochs preceding the baptism of Russia by Prince Vladimir Equal to the Apostles. The author substantiates the conclusions that historians from the diaspora resorted to a free interpretation of historical facts in order to substantiate the initially given idea.

Keywords: the millennium of the Baptism of Rus-Ukraine; the Ukrainian diaspora; church history; historiography; nationalism; ideology.

For citation: Savchuk R. A. (2021), “The main ideas of reading the Church history of Southwestern Russia in the Ukrainian Diaspora in the second half of the 1980s. (based on the materials of the Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Russia-Ukraine, Munich, 1988)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 88-101, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-7

Введение

Тысячелетие крещения Руси, которое праздновалось в 1988 г., среди украинской диаспоры воспринималось как событие особого исторического значения. Президент Мирового конгресса свободных украинцев Петр Саварин отмечал в то время,

что «тысячелетие крещения Руси-Украины это действительно до сих пор самое значительное событие в истории нашего народа» (Саварин, 1986: 5). Церковная тема для представителей диаспоры была связана с общей идеей борьбы за национальное государство: «Борьба за свободу веры и Церк-

вей в Украине это одновременно борьба за человеческие, национальные, политические права нашего народа, за свободное, соборное, демократическое украинское государство» (Саварин, 1986: 6). При этом одной из самых значимых целей было – сообщить всему миру, «как российский коммунистический режим и Российская Православная Церковь уничтожают наши Церкви и наш народ», а также «предупредить страны свободного мира об опасности для языка, веры и Церкви, которая угрожает каждому, кто попадет под власть или влияние российской коммунистической империи» (Саварин, 1986: 6).

Для реализации поставленных задач 13 мая 1984 г. в Мюнхене был подписан Акт учреждения Комитета для проведения Научного конгресса тысячелетия крещения Руси-Украины (988–1988) (Акт заснування Комітету, 1988/1989: 865-866). Комитет декларировал себя как «свободное объединение украинских научно-исследовательских и научно-учебных учреждений» (там же). Всего удалось объединить двадцать восемь учреждений из разных стран Европы и Америки. По словам организаторов, Конгресс представлял из себя «совместный межинституционный и межконфессиональный соборный научно-исследовательский акт для декларирования нашего единства перед лицом Тысячелетия Крещения, задокументированный исследованиями и публикациями» (Правильник Комітету Наукового Конгресу в Тисячоліття Хрищення Руси-України, 1988/1989: 867-868). В рамках подготовки к Конгрессу было проведено три научные конференции и два тематических симпозиума. Собственно Научный конгресс тысячелетия крещения Руси-Украины проходил в конце апреля – начале мая 1988 г. в Мюнхене. За это время было проведено четырнадцать сессий. Мероприятие, по словам его председателя, доктора Владимира Янива, было запланировано «как символ национального и церковного единства и как указатель для будущего» (Янів, 1988/1989: 899-909).

Исходя из масштаба проведенных мероприятий и уровня представительства, материалы Конгресса действительно стали неким итогом развития церковной историографии украинской диаспоры. Их публикация в преддверии распада Советского Союза имела большое значение для формирования мировоззрения ученых в Украине в условиях падения идеологического барьера и становления независимого государства. Так, в обзоре сборника материалов Конгресса, который был напечатан в двенадцатом номере за 1991 г. главного исторического журнала Украины – «Украинском историческом журнале», отмечается перспектива публикации отдельных материалов на страницах ведущих научных изданий Украины, говорится о необходимости их анализа, широкого обсуждения и подчеркивается, что эти материалы «являются значительным вкладом в национальную сокровищницу научных знаний об историческом прошлом Украины» (Ричка, 1991: 149-151). В новых исторических условиях материалы Конгресса были восприняты как действительно национальное прочтение церковной истории Украины и таким образом положили начало формированию новых подходов в украинской историографии. Анализ данных материалов в свете современных событий в церковной жизни Украинского государства открывает новые перспективы для более глубокого понимания истоков, особенностей и направлений развития тех исторических идей, которыми сегодня активно оперируют как ученые, так и политики соседнего государства.

Первые попытки осмыслить доклады, озвученные на Конгрессе, начались практически сразу после его завершения. Так, представитель диаспоры Аркадий Жуковский в своем обзоре итогов празднования тысячелетия крещения «Руси-Украины» прежде всего указывал на особое значение такого масштабного собрания украинских ученых диаспоры. По его мнению, в материалах Конгресса «удалось достигнуть практическую соборность, своеобразный

украинский экуменизм». В то же время, уже А. Жуковский отмечал, что среди докладчиков было мало узких специалистов по средневековой истории и собственно истории церкви, что сказалось на уровне некоторых докладов (Жуковский, 1993: 144). В первом номере исторического журнала диаспоры «Украинский историк» за 1989 г. был опубликован достаточно пространственный обзор Конгресса и представленных докладов, сделанный А. Домбровским. Автор отмечал широту озвученных тем и новизну многих идей. Главной идеей всех докладов А. Домбровский считал идею «представить борьбу украинской духовности и церковей за сохранение многовековых, традиционных черт христианско-национального лица в условиях свободного, всестороннего развития, возможного только в рамках собственного государственного существования» (Домбровский, 1989: 68-69). В цитированном выше кратком обзоре материалов Конгресса, опубликованном в «Украинском историческом журнале», В. Рычка весьма положительно оценивал уровень данных материалов и, прежде всего, обращал внимание на оригинальность многих идей докладчиков (см.: Рычка, 1991). Только в общем контексте историографического обзора о значительном влиянии на развитие исторической науки в Украине научных изданий диаспоры, посвященных тысячелетию крещения Руси, говорят в своих историографических исследованиях Я. Калакура (Калакура, 2004: 397) и В. Ластовский (Ластовский, 2008: 107). О. Дроконова, не касаясь непосредственно анализа материалов Конгресса, в общем контексте указывает, что «тысячелетие крещения Руси было использовано авторами украинской «истории на экспорт» для закрепления в обывательском сознании связи Украины с событиями тысячелетней давности» (Дроконова, 2017: 94).

«Юбилейный сборник трудов Научного Конгресса в 1000-летие Крещения Руси-Украины» представляет собой довольно объемный, в тысячу страниц, том. Он вы-

шел в свет в Мюнхене в 1989 г. Помимо нескольких десятков докладов, сюда вошли также разнообразные приветствия, документы и программы научных мероприятий.

Основная часть

Анализ опубликованных в сборнике материалов позволяет выделить ряд центральных идей прочтения церковной истории Украины для украинской диаспоры в преддверии распада Советского Союза.

Различие христианства Южной и Северной Руси

О том, что «киевское христианство», христианизация южных регионов отличались от «московского» христианства и восприятия евангельских идей на Севере Руси говорится практически в каждом докладе. Так, Николай Богатюк, анализируя в своей публикации Устав князя Владимира в его многочисленных списках и редакциях разного времени, проводит идею о том, что разные редакции Устава на Юге и Севере Руси указывают на то, что «между киевско-украинским и суздальско-московским христианством были существенные отличия». Прежде всего, это касается взаимоотношений со светской властью: «...в Украине не существовало доминирования светской власти над духовной властью и Церковью, ни вмешательства духовной власти в светскую» (Богатюк, 1988/1989: 122). В публикации Святослава Гординского «Украинская икона на фоне универсализма византийского стиля» развивается идея о том, что Киев домонгольского периода, переосмыслив византийское искусство, «творчески передал северным княжествам Руси» этот новый культурный код (Гординский, 1988/1989: 678). Автор подчеркивает, что храмы Галича, Владимира Волынского, Чернигова «вливали на архитектуру новгородскую и владимирскую» (Гординский, 1988/1989: 681), «искусство северных земель Руси – Новгорода, Владимира, Ярославля» было «периферийным по отношению к искусству Киева» (Гординский, 1988/1989: 682). С. Гординский всячески пытается

обособить искусство «древней Украины» от северных княжеств. Действительно, специалисты условно выделяют уже в Древней Руси различные иконописные школы. Однако, во-первых, как указывает В. Н. Лазарев, «иконы XI–XIII веков очень трудно группировать по школам, столько в них общего. Здесь помогают только тщательный стилистический анализ и установленное место происхождения икон, поскольку даты основания церквей либо монастырей нередко служат солидной точкой опоры не только для уточнения датировок, но и для определения той школы, из которой эти иконы вышли» (Лазарев, 2000: 32). Во-вторых, с чем было связано особое положение Киева в формировании иконописной традиции, особенностей храмоздательства? Прежде всего, с наличием такого мощного духовного центра, как Киево-Печерский монастырь, архитектура и церковное искусство которого становятся образцами для других русских земель, поскольку именно отсюда выходят многие русские епископы. Таким образом, попытка С. Гординского и других авторов из украинской диаспоры представить особенности церковного искусства Киева по сравнению с северными княжествами как проявление национальных особенностей не находит оснований в исторических реалиях. Речь идет не о национальных особенностях, а о формировании духовных центров и местных традиций, которые существовали со своими различиями во многих центрах и городах и лишь искусственно, вопреки исторической истине, могут быть названы национальными.

Теме отличий собственно «киевской» традиции церковно-государственных отношений от позднейших особенностей взаимоотношений церковной и светской власти на русских землях посвящена публикация Теодора Б. Цюцюры «Церковь и государство в Киевской Руси». Автор полагает, что именно на территории современной центральной Украины, «собственно Руси», сформировались особые гармонические взаимоотношения между госу-

дарством и церковью, которых не было ни до, ни после этого. Более того, по его мнению, «цезарепапизм» как явная оппозиция к «русско-украинскому Киеву» укоренился в самых началах рождения российского (московского) народа во второй половине XII в. (Цюцюра, 1988/1989: 851) А «уникальная система взаимоотношений между церковью и государством в Киевской Руси могла практиковаться в основном только в ее южной части» (Цюцюра, 1988/1989: 854). Однако оторванные от исторических фактов и чисто умозрительные зарисовки об идеальных взаимоотношениях церкви и государства в Киеве не выдерживают критики исторических источников. Так что даже Т. Цюцюра, обращая внимание лишь на один из многих летописных эпизодов, относящийся к событиям начала XII в. в Киеве (взаимоотношения князя Святополка и митрополита Никифора), вынужден был признать, что «уже в самой “середине” истории Киевской Руси были явления цезарепапизма» (Цюцюра, 1988/1989: 857).

Еще больше внутренняя противоречивость изложения при попытке очертить кардинальные отличия Севера и Юга Руси проявляется в публикации В. Косика «Международные взаимоотношения Украины-Руси от IX до XIV ст.». Автор подчеркивает, что киевские митрополиты, переехав во Владимир, – переехали «за границу», в другое государство. При этом В. Косик уверен, что «сам факт перенесения не только центра митрополии во Владимир и Москву, но и митрополичьего титула Киевской Церкви (которая с перенесением центра за границу перестала ею быть), имел решительное значение для оформления в Москве претензий на религиозно-духовное и политическое наследие Киева» (Косик, 1988/1989: 54). Однако если проанализировать в целом статью автора, то можно увидеть, что сами киевские митрополиты отнюдь не считали свой переезд из Киева во Владимир – «заграничным путешествием». В. Косик справедливо отмечает, что «Константинополь и киевские митрополиты оставались привержен-

цами единства митрополии» и после распада Руси на отдельные княжества. Уверяя, что поборником единства русского христианства был «внешний фактор – Константинопольская патриархия, а за ней митрополиты-чужестранцы», автор приписывает к ним и «церковные факторы и летописцев Православной Церкви на Востоке Европы» (Косик, 1988/1989: 54). С другой стороны, попытки галичских князей и литовских правителей вывести принадлежащие им русские земли из-под канонической власти единого митрополита В. Косик считает неоспоримым свидетельством «постоянного стремления Церкви на территории Украины иметь своего митрополита и не подчиняться митрополиту в Москве» (Косик, 1988/1989: 54). Однако вряд ли можно считать стремление местной власти к политической независимости свидетельством желаний верующих определенной территории к обособлению в церковной жизни. В данном случае речь идет о сознательной манипуляции фактами со стороны историка, когда политические факторы конкретного времени, связанные с конкретными правителями, возводятся в ранг устоявшейся внутренней тенденции народной жизни.

Любомир Винар в начале своей статьи «Христианизация Украины и развитие письменной культуры и образования в Киеве в X и XI ст.» целенаправленно заостряет дискуссионные вопросы об исторической объективности восприятия «Руси» и «русского» в советской и западной историографии. Он безусловно разделяет схему М. Грушевского, согласно которой Киевское государство и его наследие является украинским историческим наследием и не может приписываться российскому народу. Далее автор говорит о формировании украинской письменной традиции, начиная с археологических культур. Он поддерживает мнение о крещении Киева в правление Аскольда в 860-х годах. А князь Владимир уже сделал христианство государственным (Винар, 1988/1989: 641). Главная цель Л. Винара – обосновать ис-

ключительные исторические права украинской национальной культуры на киевское наследие. При этом автор сам не замечает, как его умозрительные конструкции входят в противоречие с теми утверждениями, в которых он опирается на конкретные исторические источники. Так, Л. Винар говорит, что при князьях Владимире и Ярославе «староукраинское школьничество встало в Киеве на твердую почву, а после 988 года распространило свою образовательную сеть на другие города средневековой Украины». Но страницей выше он же пишет: «Из других известий о школьном обучении в киевском государстве следует вспомнить летописную запись, в которой говорится, что кн. Ярослав Мудрый в 1030 году приехал в Новгород и там собрал из детей старост и священников триста детей и приказал их учить книгам» (Винар, 1988/1989: 646, 648). Как видим, «средневековая Украина» получается у автора весьма размытым понятием, которое трудно очертить с помощью исторических фактов. Когда приходится обращаться к источникам, то Киев оказывается неотделимым от Новгорода и прочих земель, выходящих за рамки «староукраинского» контекста.

Противостояние «украинской» и «московской» церквей

Освещая церковную историю украинских земель XVII–XIX вв., писатели диаспоры придерживались одной магистральной линии – показать ярое сопротивление украинской церковной общности вхождению под омофор Московского Патриарха. С этой целью использовались, с одной стороны, идеализация местных церковных порядков Юго-Западной Руси, а с другой, гиперболизировались протесты отдельных лиц, частные случаи выдавались за общие тенденции.

Ярослав Падох в статье «Церковь и государство в период Гетманщины» акцентирует внимание на различиях традиций и отдельных аспектов церковной жизни Киевской митрополии и Московского патриархата, разных принципах церковно-

государственных отношений на Юге и Севере Руси и нежелании украинских иерархов подчиняться Московскому Патриарху. Автор, прежде всего, описывает почти идеальную, по его мнению, внутреннюю жизнь Киевской митрополии – свободную, демократическую, независимую от государства. В противовес он указывает на бесправное положение духовенства в Московском государстве, полностью подчинившем Церковь светским властям. Я. Падох утверждает, что «украинская церковь в молодом казацком государстве пользовалась почти полной автономией и представляла собой словно государство в государстве», «ее положение в сравнении с другими группами населения было исключительно благоприятное и безопасное» и «не известны за всю историю Гетманщины никакие значительные конфликты, столь частые на Западе, между государственными и церковными учреждениями». А «сопротивление Москве со временем впервые сломлено с помощью “лукавых гетманов” – Брюховецкого и Самойловича, которые согласились на подчинение украинской церкви московской патриархии» (Падох, 1988/1989: 709). С такими интерпретациями исторических реалий вряд ли можно согласиться. Из исторических источников мы знаем о серьезных конфликтах гетмана Хмельницкого с митрополитом Сильвестром, трудностях бесправного положения рядового православного духовенства и верующих в Польско-Литовском государстве, да и конфликтов духовенства с казацкими ватагами на местах было немало. Стоит отметить и то, что высшая иерархия Киевской митрополии происходила из шляхты, и общественные порядки Речи Посполитой, где король был весьма ограничен и существовала шляхетская вольница, были для них более приемлемы, нежели общественный уклад Московского царства. Так что положение православных Киевской митрополии было весьма далеким от идеального, а сопротивление митрополита и иерархов подчинению московскому царю нельзя считать проявлением

национального самосознания. Это было дело скорее общественного мировоззрения, страх за личные права и свободы, переживание за паству, разделенную новыми границами, однако исторические документы не позволяют нам говорить о ведущей роли национального сознания в этом сопротивлении. К тому же даже среди высшего духовенства существовала значительная группа, которая желала единения с Москвой, не говоря уже о распространенном среди простого духовенства и мирян взгляде на царя как защитника и покровителя православных (Савчук, 2014: 94).

Роман Еренюк в статье «Подчинение Киевской митрополии Московской Патриархии 1685–1686» продолжает развивать общую идею историков диаспоры о грубом насильственном захвате московской светской и церковной администрацией Киевской митрополии. Автор прибегает к характеристикам иерархов и представителей высшего духовенства Юго-Западной Руси, которые, по его мнению, активно защищали митрополию от посягательств Москвы. Из текста Р. Еренюка следует, что антимосковские настроения разделяло практически все высшее духовенство митрополии, которое стремилось сохранить церковную автономию Киева. Характерно в этом контексте повествование об архимандрите Киево-Печерского монастыря Иннокентии (Гизеле). Автор пишет, что, когда в 1681 г. киевское духовенство избрало его на митрополичий престол, архимандрит «с охотой принял это избрание, но ясно заявил, что желает дальше защищать традиции Украинской Православной Церкви в юрисдикции Константинопольского патриарха. Московская власть <...> не разрешила его хиротонии, поскольку он не хотел быть подчиненным Московской патриархии» (Еринюк, 1988/1989: 734-735). В общем контексте публикации складывается впечатление, что и архимандрит Иннокентий (Гизель) также разделял те антимосковские взгляды и настроения, которые, по логике автора, разделяло практически все духовенство. Каких же взглядов в действительности придерживался

архимандрит Иннокентий, который был в то время одним из самых популярных и влиятельных священнослужителей во всей Киевской митрополии? Из исторических источников, а это письма самого архимандрита, свидетельства современников, донесения воевод, нам известно, что Иннокентий (Гизель) выражал особую лояльность к московским царям. В 60–70-х гг. XVII в. в донесениях киевских воевод в Москву он неизменно характеризовался как один из наиболее верных сторонников России среди украинского православного духовенства. Он сам неоднократно обращался к царю, посылал в Москву монахов. В трудных ситуациях киевский архимандрит помогал царским воеводам деньгами и продовольствием (Єринюк, 1863, 4: 83-87; Єринюк, 1869, 6: 1665-1668; Иннокентий (Гизель), 2009: 744-749). Очевидно, что в характеристике и других исторических личностей присутствует много фактов, о которых умалчивает автор, тенденциозно подбирая материал.

Р. Єринюк также обобщает оценку перехода Киева под омофор Московского Патриарха в украинской «национальной» историографии. Он выделяет пять основных аргументов украинских историков, которые выступают против легальности этого события: 1) Украинская Православная Церковь никогда не подавала прошения о смене юрисдикции; 2) не было решения собора Украинской Церкви по данному вопросу; 3) путешествие новоизбранного митрополита Гедеона (Четвертинского) в Москву для интронизации было его личным решением; 4) «сам акт подчинения противоречил канонам Православной Церкви (34-й Апостольский канон, 8-й канон III Вселенского собора и 2-й канон II Вселенского собора)»; 5) «процесс окончился симонией – дарами турецкому визирю и патриарху константинопольскому и епископам синода» (Єринюк, 1988/1989: 744). Наконец, представляется интересным, что Р. Єринюк понимает, что процесс унификации церковной жизни Киева с московскими реалиями был вызван, прежде всего, особенностями исторических

условий: во многом именно из-за борьбы со старообрядческим расколом в это время в Москве «откровенно стремились к единообразию в церковных делах», поэтому не стали мириться с отличиями в церковной жизни Киевской митрополии (Єринюк, 1988/1989: 745-746).

Марко Антонович в статье «Украинская Православная Церковь в XVIII и XIX ст.» приводит отдельные факты, которые должны подтверждать основную идею публикации: после вхождения Киевской митрополии под омофор Московского патриарха местная церковная жизнь подвергалась жесткой русификации и насильственной унификации с церковной жизнью московского региона, что встречало повсеместное недовольство. Автор пишет: «Все церковнослужители на Украине силой обстоятельств были представителями оккупационной власти и те идеи, которые кое-кто из их предшественников добровольно проводил в начале XVIII ст., теперь стали принудительным ярмом» (Антонович, 1988/1989: 296). М. Антонович не старается проследить общие тенденции развития церковной жизни, проанализировать причины тех или иных событий, для него важно другое – проиллюстрировать идеологические клише о нелюбви к «москалям». Для этого он приводит примеры того, как возмущались и кого бранили в XVIII и XIX ст. украинские мещане, казаки, клирики. Трудно назвать подобные заявления раздраженных людей объективным источником исследования общественного мнения, однако автор и не пытается дать критическую оценку этим свидетельствам. Более интересной выглядит последняя часть публикации, в которой М. Антонович говорит об оживлении в среде духовенства интереса к национальной культуре, начиная с 1850-х годов (Антонович, 1988/1989: 296-297).

Обоснование церковной независимости Украины

Создание полноценной идеологической канвы развития независимой от Москвы «украинской» Церкви предполагало наличие исторического обоснования

этого явления. Работая над данным идеологическим вопросом, авторы диаспоры обобщили и развили несколько положений, которые и в дальнейшем будут магистральными в рамках националистического прочтения украинской истории.

а) Местная рецепция христианской традиции

Одной из главных идей обоснования необходимости церковной независимости Украины для авторов из диаспоры была мысль о совершенно уникальной рецепции христианства местным населением. С одной стороны, предпринимались разные попытки перенести начало христианства на Украину к первым векам нашей эры. А с другой, говорилось о значительном влиянии местных дохристианских традиций и менталитета на развитие «киевского христианства».

Обоснованию мысли о древнем присутствии христианской традиции на современных украинских землях посвящен доклад католического священника П.Т. Биланюка из Торонто «Апостольское происхождение Украинской Церкви». Автор приводит свидетельства не только отечественных летописей, но и римских авторов, апологетов и учителей Церкви, церковных историков, которые говорят о проповеди Евангелия в греческих колониях Северного Причерноморья, а также распространении христианства среди скифов, готов и других племен. Все эти сведения П. Биланюк интерпретирует как свидетельства о зарождении апостольской Церкви на современных украинских землях. При этом римской линии в христианизации местного населения уделяется особое место. Так, священномученик Климент Римский, по мнению автора, «нет сомнения, что не тратил время зря, а проповедовал Христа на современных украинских землях». «Поэтому мы, наверное, единственная страна, которая имела Вселенского Архиерея [Римского папу. – Р.С.] в качестве миссионера на наших родных землях» (Биланюк, 1988/1989: 66). В итоге, «когда св. Ольга воссела на Киевском

княжеском престоле, ей пришлось управлять империей, которая была уже сильно христианизированной». А равноапостольный князь Владимир «принял христианство не из Болгарии и не из Византии или Греции, или какой-нибудь другой страны, а все-таки из древней Руси, в которой жило непрерывно апостольское предание, установленное св. апостолом Первозванным и усиленное многими миссионерами, среди которых виднелись два римских папы – св. Климент и св. Мартин I» (Биланюк, 1988/1989: 66). Наконец, подытоживая, автор указывает, что «современная Украинская Церковь – это Церковь апостольского происхождения» (Биланюк, 1988/1989: 70). Остается лишь отметить, что публикация в целом характеризуется абсолютно свободным подходом в интерпретации исторических источников. Автор просто вплетает отдельные факты в нужную идеологическую канву, безосновательно смешивая историко-географическую и этническую терминологию совершенно разных эпох.

Николай Богатюк в своем докладе утверждал, что Устав князя Владимира представляет собой местную рецепцию греческих источников, которая отражает особенности древней «украино-антской духовности» («анты» – название раннеславянских племен IV–VII веков, применявшееся византийскими писателями) (Богатюк, 1988/1989: 122). Своеобразное прочтение «украинской духовности» встречаем и в работе С. Ярмуся. Истинная духовность народа, согласно автору, раскрывается в «применении Евангелия Иисуса Христа к реальной жизни народа», что в контексте рассуждений докладчика звучит как некий вызов традиционной «церковности». По мнению С. Ярмуся, в вопросе, что сыграло главную роль в формировании «киевского христианства» – менталитет местного населения или все же христианская традиция, следует отдать предпочтение первому – национальному характеру: «Не Византия дала нам нашу культуру, а дала ее нам наша кордоцентричность» (Бо-

гатюк, 1988/1989: 411), – утверждает автор.

б) Религия – вопрос государственный

Представители диаспоры мыслили национальную церковь неотъемлемой частью государственной жизни Украины. Попытки лишить церковный вопрос политической остроты воспринимались как предательство государственных интересов. Подобная тенденция ярко прослеживается на примере публикации Тимофея Миненко «Соревнования за независимость Украинской православной церкви в XX ст.», где автор разбирает исторические и богословские особенности восприятия автокефалии в разные периоды церковной истории. Исследователь приходит к выводу, что, невзирая на все сложности и споры, «одно ясно: когда какой-нибудь народ добудет государственную независимость и правительство будет стремиться к независимости своей Церкви, тогда наступит время получения автокефалии Церкви данного народа» (Миненко, 1988/1989: 770). Далее автор, исходя из указанного тезиса, анализирует историю Православной Церкви на территории Украины в период революционных потрясений. С начала революции 1917 г. по февраль 1918 г. местная украинская власть в лице Центральной Рады дистанцировалась от Церкви, считая это личным делом заинтересованных лиц и никак не вмешиваясь в церковную жизнь. Именно благодаря такому равнодушию власти, считает автор, «российский епископат использовал это и закрепил сохранение единства Российской Церкви» (Миненко, 1988/1989: 774). Осенью 1918 г. к власти приходит Директория, которая принимает закон об автокефалии Украинской Православной Церкви и обращается к Константинопольскому Патриарху. Однако Директория продержалась у власти недолго, и эти планы не были реализованы. Упомянув об автокефалии Православной Церкви на территории Польши, которую в 1924 г. ей даровал Константинополь, автор особо подчеркивает: «Важно то, что эта автокефалия дана ей как части бывшей Киевской

митрополии, что была когда-то в юрисдикции Константинопольского патриархата», и далее: «Это есть важный аргумент в борьбе за независимость Церкви в Украине» (Миненко, 1988/1989: 778). Более того, Т. Миненко утверждает, что церковные события в Украине во время Второй мировой войны и в дальнейшем «развивались в плоскости автокефалии 1924 г.». Говоря о попытках организовать самостоятельную Украинскую Церковь на оккупированных нацистами территориях и дальнейших попытках автокефальных иерархов войти в общение с Константинополем, автор постоянно подчеркивает, что они действовали на основании томоса от 1924 г. (Миненко, 1988/1989: 779-782). В контексте современных событий весьма интересно, как авторское видение необходимости государственного регулирования украинских церковных вопросов и роли Константинополя в этом деле совпало с позицией украинских властей.

в) Русская Церковь – агрессор и оккупант

В публикациях, посвященных положению православных и грекокатоликов в советской Украине, авторы диаспоры всячески подчеркивают использование советской властью православного духовенства и Церкви для борьбы с инакомыслием, подчиненное положение Русской Православной Церкви по отношению к светским чиновникам (Білінський, 1988/1989: 334-348). Для представителей диаспоры Русская Церковь являлась не чем иным, как одним из инструментов утверждения «идеологического авторитета Москвы», «режимной» Церковью (Сороковський, 1988/1989: 351). Второй аспект критики официального положения Русской Церкви в Советском Союзе заключался в оперировании данными о значительной доле среди верующих страны представителей или выходцев из Западной Украины. Авторы диаспоры особо подчеркивали, что именно человеческий потенциал Западной Украины является основным ресурсом для развития Русской Православной Церкви, который она

боится потерять. Так формировался непривлекательный образ Русской Церкви как агрессора и «духовного оккупанта».

Выводы

Подводя итог обзору основных идей церковной историографии украинской диаспоры, нашедших отражение в материалах Конгресса тысячелетия крещения Руси-Украины, можно выделить несколько основных идеологических линий, которые в дальнейшем будут развиваться в рамках националистической школы украинских историков. Во-первых, это линия на отрыв исторической традиции христианства в Киеве от других русских земель – прежде всего, северных. Из этого посыла вырастают попытки обосновать самобытный характер христианской традиции на Юго-Западе Руси и противопоставить ее традиции Севера. Следующий смысловой акцент в исследованиях историков церкви из украинской диаспоры заключается в попытках любые политические, социальные и культурные особенности церковной жизни Юго-Западной Руси связать с проявлением национальной осознанности в современном украинском контексте данной проблемы. Отсюда вытекает идея непрерывной традиции национальной борьбы церкви Юго-Запада Руси за свою независимость от Москвы. Наконец, следует отметить и особенности методологии, с помощью которой создаются образы исторической действительности в работах историков украинской диаспоры. Здесь, прежде всего, необходимо указать на первичность идеологии при анализе исторических фактов и источников. Заметную роль в методологическом арсенале формирования исторической идеологии диаспоры играли подмена понятий и пренебрежение историческим контекстом фактов и событий при их анализе. Важной методологической предпосылкой являлось активное использование нравственных оценок при анализе исторических реалий, с тем чтобы запрограммировать читателей на изначально заданные оценки персоналий, фактов и явлений прошлого.

Литература

- Акт заснування Комітету // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 865-866.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 15-ти т. СПб., 1863. Т. 4: 1657–1659.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 15-ти т. СПб., 1869. Т. 6: 1665–1668.
- Антонович, М. Українська Православна Церква в XVIII і XIX століттях // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 288-300.
- Біланюк, П.-Б. Т. Апостольське походження Української Церкви // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 61-73.
- Білінський, Я. Стан Української Православної Церкви в УРСР // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 334-348.
- Богатюк, М. Устав Володимира Великого і суспільно-економічні зносини з Церквою // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 108-135.
- Винар, Л. Р. Християнізація України і розвиток писемної культури й освіти в Києві в X і XI століттях // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 630-677.
- Гординський, С. Українська ікона на тлі універсалізму візантійського стилю // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 678-695.
- Домбровський, О. Науковий конгрес у Мюнхені з нагоди 100-ліття Хрищення України-Руси // Український історик. 1989. № 1-3. С. 65-73.
- Дроконова О.Н. Национальная история на экспорт: украинский опыт // Вестник Нижегородского государственного университета. 2017. № 2. С. 91-100.
- Сринюк Р. Підпорядкування Київської Митрополії Московській Патріярхії 1685–86 // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу

у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 732-749.

Жуковський, А. Підсумки відзначення тисячолітнього ювілею хрещення Русі-України // Український історичний журнал. 1993. № 1. С. 140-151.

Иннокентий (Гизель), архим. // Православная энциклопедия. Т. XXII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 744-749.

Калакура, Я.С. Українська історіографія: курс лекцій. Київ: Генеза, 2004. 496 с.

Косик, В. Міжнародні взаємини України-Руси від IX до XIV ст. // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 38-60.

Лазарев, В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000. 402 с.

Ластовський, В.В. Між суспільством і державою. Православна церква в Україні наприкінці XVII – у XVIII ст. в історії та історіографії: монографія. Київ: Фенікс: НКПІКЗ, 2008. 496 с.

Міненко, Т. Змагання за незалежнення Української Православної Церкви в XX ст. // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 763-791.

Падох, Я. Церква й держава в добі Гетьманщини // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 706-731.

Патрило, І., Балик, Б. Християнські риси кн. Володимира Великого // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 1-37.

Правильник Комітету Наукового Конгресу в Тисячоліття Хрищення Руси-України // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 867-868.

Ричка, В.М. Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989 // Український історичний журнал. 1991. № 12. С. 149-151.

Саварин, П. Передмова // Хрестоматія тисячоліття хрещення Руси-України. Філадельфія-Торонто, 1986. С. 5-8.

Савчук, Р.А. «Желаю, чтобы вы не замыслили ничего плохого против нашей грече-

ской религии»: взаимоотношения православного духовенства и правительства Богдана Хмельницкого в 1648–1657 гг.: исторический очерк. М.: Перо, 2014. 144 с.

Сороковський, А. Стан Української Католицької Церкви в Україні // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 349-363.

Цюцюра, Т.Б. Церква и держава в Київській Русі. Проблематика державности і статусу Церкви // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 848-864.

Янів, В. Наш Конгрес з нагоди Тисячоліття // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 899-909.

Ярмусь, С. Кордоцентризм – підстава української духовності й філософії // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 402-417.

References

“Act of establishment of the Committee” (1988/1989), *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryschennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 865-866 (in Ukr.).

Akty, odnosyaschiesya r istorii Yuzhnoy I Zapadnoy Rossii, sobrannye I izdannye Arkheograficheskoy komissiy: v 15 tomakh (1863) [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, Collected and published by the Archeographic Commission, in 15 vols.], 4, St. Petersburg, Russia, 1657–1659 (in Russ.).

Akty, odnosyaschiesya r istorii Yuzhnoy I Zapadnoy Rossii, sobrannye I izdannye Arkheograficheskoy komissiy: v 15 tomakh (1869) [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, Collected and published by the Archeographic Commission, in 15 vols.], 6, St. Petersburg, Russia, 1665–1668 (in Russ.).

Antonovich, M. (1988/1989), “Ukrainian Orthodox Church in the XVIII and XIX centuries”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryschennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 288-300 (in Ukr.).

Bilanyuk, P. B. T. (1988/1989), “Apostolic origin of the Ukrainian Church”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 61-73 (in Ukr.).

Bilins'kiy, Ya. (1988/1989), “State of the Ukrainian Orthodox Church in the Ukrainian SSR”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 334-348 (in Ukr.).

Bogatyuk, M. (1988/1989), “Vladimir the great and socio-economic relations with the Church”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 108-135 (in Ukr.).

Gordins'kiy, S. (1988/1989), “Ukrainian icon against the background of universalism of the Byzantine style”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 678-95 (in Ukr.).

Dombrov's'kiy, O. (1989), “Scientific Congress at Mipishi on the occasion of the 100th anniversary of the baptism of Ukraine-Rus”, *Ukrains'kiy istoryk* [Ukrainian historian], 1-3, 65-73 (in Ukr.).

Drokonova, O. N. (2017), “National history for export: Ukrainian experience”, *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhneartovsk State University], 2, 91-100 (in Russ.).

Erinyuk, R. (1988/1989), “Subordination of The Kiev Metropolitanate To The Moscow Patriarchate 1685–86”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 732-749 (in Ukr.).

“Innokenty (Gizel), archim” (2009), *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], XXII, Church-scientific Center “Orthodox Encyclopedia”, Moscow, Russia, 744-749 (in Russ.).

Kalakura, Y. S. (2004), *Ukrains'ka istoriografya: kurs lekciy* [Ukrainian historiography: a course of lectures], Geneza, Kiev (in Ukr.).

Kosik, V. (1988/1989), “International relations between Ukraine and Russia from the IX to XIV centuries”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 38-60 (in Ukr.).

Lazarev, V. N. (2000), *Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka* [Russian icon painting from the origins to the beginning of the XVI century], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Lastovs'kij, V. V. (2008), *Mizh suspil'stvom i derzhavoyu. Pravoslavna cerkva v Ukraini naprikinci HVII – u HVIII st. v istorii ta istoriografii: monografiya* [Between society and the state. The Orthodox Church in Ukraine at the end of the XVII-XVIII centuries in history and historiography: monograph], Phoenix, Kiev, Ukraine (in Ukr.).

Minenko, T. (1988/1989), “Competition for independence of the Ukrainian Orthodox Church in the twentieth century”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 763-791 (in Ukr.).

Padoh, Y. (1988/1989), “Church and state in the era of Hetmanate”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 706-731 (in Ukr.).

Patrilo, I. and Balik, B. (1988/1989), “Christian features of Prince Vladimir the Great”, *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 1-37 (in Ukr.).

“Pravnik of the committee of the Scientific Congress in the millennium of the baptism of Rus-Ukraine” (1988/1989), *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-litty Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 867-868 (in Ukr.).

Richka, V. M. (1991), "Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine", *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal* [Ukrainian historical journal], 12, 149-151 (in Ukr.).

Savarin, P. (1986), "Preface", *Khrestomatiya tysyacholittya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Anthology of the millennium of the baptism of Rus-Ukraine], Philadelphia-Toronto, 5-8 (in Ukr.).

Savchuk, R. A. (2014), "Zhelayu, chtoby vy ne zamyshlyali nichego plohogo protiv nashey grecheskoy religii": vzaimootnosheniya pravoslavnogo dukhovenstva i pravitel'stva Bogdana Hmel'nitskogo v 1648-1657 gg.: istoricheskiy ocherk ["I wish that you do not plan anything bad against our Greek religion": the relationship between the Orthodox clergy and the government of Bohdan Khmel'nitsky in 1648-1657: a historical essay], Pero, Moscow, Russia (in Russ.).

Sorokovs'kiy, A. (1988/1989), "State of the Ukrainian Catholic Church in Ukraine", *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 349-363 (in Ukr.).

Tsyutsyura, T. B. (1988/1989), "Church and state in Kievan Rus. Problems of statehood and the status of the Church", *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 848-864 (in Ukr.).

Vinar, L. R. (1988/1989), "Christianization of Ukraine and development of written culture and education in Kiev in the X and XI centuries", *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 630-677 (in Ukr.).

Yaniv, V. (1988/1989), "Our Millennium Congress", *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 899-909 (in Ukr.).

Yarmus', S. (1988/1989), "Cordocentrism is the foundation of Ukrainian spirituality and philosophy", *Yuvileynyy zbirnyk prats' Naukovogo Kongresu u 1000-littya Khryshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee collection of proceedings of the Scientific Congress on the 1000th anniversary of the baptism of Rus-Ukraine], Munich, 402-417 (in Ukr.).

Zhukovs'kiy, A. (1993), "Results of the celebration of the Millennium anniversary of the baptism of Rus-Ukraine", *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal* [Ukrainian historical journal], 1, 140-151 (in Ukr.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Савчук Руслан Александрович, кандидат богословия, научный рецензент Издательского совета Русской Православной Церкви, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2, г. Москва, 119435, Российская Федерация; russ_sav@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ruslan A. Savchuk, PhD in Theology, Scientific Reviewer of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, bld. 2, 20/3 Pogodinskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; russ_sav@mail.ru

УДК 391.1+391.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-8

Власкина Н. А.

Костюм казаков-некрасовцев в XIX–XX вв.: историко-культурные связи и условия трансформации¹

Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), пр. Чехова, д. 41,
г. Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация; *nvlaskina@gmail.com*

Аннотация. В статье дается краткая характеристика традиционной праздничной и повседневной одежды казаков-некрасовцев в контексте историко-культурных связей группы на разных этапах ее существования. Описание костюма и его использования осуществляется на основе анализа этнографических и диалектологических публикаций, а также экспедиционных материалов, собранных исследователями Южного федерального университета и Южного научного центра РАН в 2007–2016 гг. в некрасовских общинах Краснодарского и Ставропольского краев. Применение комплексного этнолингвистического подхода к изучению языка и культуры дало возможность представить целостный образ костюма и уделить внимание его культуроспецифичным деталям. Акцентируются изменения, которые появлялись в костюме на протяжении XIX–XX вв. Установлено, что к началу складывания изучаемой группы костюм донских казаков, составивших основу некрасовской общины, впитал в себя славянские и тюркские элементы, в турецкий период некрасовской истории восточное влияние усилилось, хотя ключевые компоненты костюма остались без изменений. Наконец, после возвращения некрасовцев на Родину комплекс традиционной одежды был упрощен и поменял свои функции, закрепившись в праздничной и мемориальной сфере.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы; головные уборы; межкультурное взаимодействие; реэмиграция; традиционная одежда; культурная трансформация

Для цитирования: Власкина Н.А. Костюм казаков-некрасовцев в XIX–XX вв.: историко-культурные связи и условия трансформации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 102–119. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-8

N. A. Vlaskina

Clothes of the Nekrasov Cossacks in the 19th – 20th centuries: historical and cultural relations and conditions for transformation*

The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (SSC RAS), 41
Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; *nvlaskina@gmail.com*

Abstract. The article provides a brief description of the festive and everyday traditional clothing of the Nekrasov Cossacks in the context of the group's historical and

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2021 г., № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

*The publication is a part of the implementation of the State Planning Committee of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2021, no. project АААА-А19-119011190182-8.

cultural ties. The author analyses ethnographic and dialectological publications, as well as field materials collected by researchers from the Southern Federal University and the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences in 2007 – 2016 in the Nekrasov communities of the Krasnodar and Stavropol Regions. The use of an integrated ethnolinguistic approach to the study of language and culture made it possible to present a holistic image of a costume and pay attention to culture-specific details. The changes that appeared in the costume during the 19th – 20th centuries are accentuated. The research has shown that in the beginning, the costume of the Don Cossacks, who formed the basis of the Nekrasov Cossacks community, absorbed the Slavic and Turkic elements; in the Turkish period of the Nekrasovites' history, the Eastern influence increased, although the key components of the costume remained unchanged. Finally, after the return of the Nekrasovites to their homeland, the complex of traditional clothes was simplified and changed its functions, gaining a foothold in the festive and memorial sphere.

Key words: Nekrasov Cossacks; traditional clothing; cultural and ethnic interactions; headgear; re-emigration; cultural transformation

For citation: Vlaskina N. A. (2021), “Clothes of the Nekrasov Cossacks in the 19th – 20th centuries: historical and cultural relations and conditions for transformation”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 102-119, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-8

Введение

Казаки-некрасовцы — этноконфессиональная группа русского народа, известная во многом благодаря высокой сохранности культурного наследия, в особенности традиционного костюма, кухни и песенного фольклора. В XVIII в. под предводительством атамана Игната Некрасова группа казаков-старообрядцев покинула Россию в поисках убежища от религиозного и политического преследования. Впоследствии они жили за пределами своей исторической родины — в основном в Румынии и позже в Турции — и поддерживали ограниченные контакты с другими этническими группами. В XX в. несколькими партиями (в 1912, 1914 и 1962 гг.) казаки-некрасовцы вернулись в Россию.

В настоящей статье дается краткая характеристика традиционной праздничной и повседневной одежды некрасовских казаков в динамике, в контексте межэтнических связей группы, акцентируются изменения, которые появлялись в костюме в разные периоды. Описание костюма и его использования осуществляется на основе анализа этнографических и диалектологиче-

ских публикаций, а также экспедиционных материалов, собранных исследователями Южного федерального университета и Южного научного центра Российской академии наук (в том числе автором) в 2007–2016 гг. в некрасовских общинах Краснодарского и Ставропольского краев.

Первые описания одежды казаков-некрасовцев были опубликованы в середине XIX в. и принадлежат перу английского путешественника Уильяма Гамильтона (Hamilton, 1842: 105–106) и шотландца Чарльза Макфарлена (Mac Farlane, 1850: 292), проезжавших некрасовское село на берегу озера Маньяс (Куш) в Османской империи. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. несколько славянских путешественников также делали заметки о костюме некрасовцев. Среди них В. И. Кельсиев (Иванов-Желудков) (Иванов-Желудков, 1866: 414, 424, 429, 437), В. П. Щепотьев (Щепотьев, 1895: 526–583), Я. И. Смирнов (Смирнов, 1896: 9, 12, 29), М. Ганько (Ганько, 1899: 106) и В. Ф. Минорский (Минорский, 1902: 57–58).

В результате этнографических экспедиций к некрасовцам-репатриантам, про-

водившихся советскими и российскими исследователями во второй половине XX в., было сделано уже подробное описание некрасовской одежды. Наиболее полная ее характеристика содержится в работах Л. М. Жуковой и С. А. Бандуриной (Жукова, Бандурина, 1986), Т. Н. Абрамовой (Абрамова, 1997; Абрамова, 2009), Л. А. Якоби (Якоби, 2011) и В. А. Липинской (Русская одежда..., 2011); карточке объекта нематериального наследия «Костюм казаков-некрасовцев» (Объект..., 2016). Н. А. Архипенко и И. Ю. Калиниченко описали комплекс погребальной одежды некрасовцев (Архипенко, Калиниченко, 2012), П. У. Джонсон – одежду некрасовцев, проживающих в США (Johnson, 1983: 49–51).

Предлагаемая статья использует комплексный этнолингвистический подход к изучению языка и культуры, что дает возможность дополнить существующую характеристику некрасовского костюма и рассмотреть его в контексте межкультурных контактов и временной динамики, в единстве материального и диалектного выражения.

Основные элементы костюма казаков-некрасовцев

В XIX в. основу традиционного мужского костюма составляли домотканые штаны и рубаха. Рубаха была туникообразной, с прямым разрезом спереди, без воротника, с длинными прямыми рукавами, присборенными у кистей. Верхняя часть рубахи имела подкладку, рукава шились с ластовицами и прямоугольными вставками (Русская одежда..., 2011: 396). Манжеты и подол окаймлялись красной лентой — *кырмызом*², также горловину рубахи (*ошейник*) (как и ворот балахона) и подол могли обшивать витой тесьмой

² В большей части случаев (если не оговорено иное) диалектные названия и их значения даются по «Словарю говора казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой (2005). Значения слов в языке-источнике приводятся по турецко-русскому (Баскаков, 1977) и болгарско-русскому (Болгарско-русский..., 1953) словарям.

(*гайтаном*). Праздничные рубахи украшались вышивкой на груди (*воротная рубаха*) или груди, рукавах и подоле (*круговая рубаха*). Разнообразие вариантов и важность традиций вышивки для некрасовцев нашли отражение в диалекте — особая группа лексики обозначает виды швов: *витучий, откидушка, свозинка, стебковой, строчковой*, узоры вышивки: *вилюжка, кивилюшки, косинка, крестовник, кувшинник, лапки, лист с рогачом, оренюшек, утки*. Вышитые элементы были отличительной чертой праздничной одежды: «*Рубахи атшытыя с воротам, а буднишня простая*» (Сердюкова, 2005: 235).

Рис. 1. Некрасовец С. Ф. Шашкин в папахе (Сказки казаков..., 1945)
Fig. 1. Nekrasov Cossack S. F. Shashkin in a fur hat (Tumilevich, 1945)

Штаны (*портки*) изготавливались из неотбеленного холста летом и шерстяной ткани зимой. Покрой их включал расширяющие вставки, идентичные тем, что известны у донских казаков (Русская одежда..., 2011: 373, 396). Снизу, у щиколоток, штаны могли подшивать тканью другого, контрастного цвета (например, у красных штанов могли быть синие *запязи* — отделка). Повседневные штаны отличались от

праздничных цветом – красные (*кырмызовые*) предназначались для праздника (но молодежь могла надевать их и в будни), а синие (*киндячные*) для будних дней, – а также тем, что у праздничных клинья сшивались узорным швом, *сквозились*. В целях экономии дорогого материала казаки могли шить верхнюю (скрытую рубахой) часть штанов из более дешевой белой материи. Как и русские, некрасовцы носили рубаху поверх штанов. Головной убор у некрасовцев, как и у донцов (Русская одежда, 2011: 373), представлял собой папаху (*барачью шапку*) (рис. 1), а в конце XIX в. — соломенную шляпу.

У некрасовцев было три типа мужской верхней одежды:

– шуба, которую носили зимой;

– *бешмет* (одежда прямого покроя со стоячим воротником, длинными, узкими рукавами и подкладкой из меха или ткани, иногда с вырезами на бедрах, стеганный шелковый (*шалкутнёвый*) или полушелковый (*шимлазёвый*) полукафтан красного или желтого цвета, иногда с черными полосами) (рис. 2). Этот тип мужской верхней одежды имеет эквиваленты как в русской, так и в турецкой традиции, некрасовцами, вероятно, был привезен с Дона, поскольку был распространен и у казаков (Русская одежда, 2011: 373);

– *чекмень* (кафтан из шерстяной ткани кустарного производства, как правило, черный). Такой же тип одежды был распространен у донских казаков и даже стал частью казачьего военного костюма XIX в. (Фрадкина, Новак, 1986: 35).

Также у некрасовцев было несколько вариантов рабочей одежды для рыбалки, которая была их главным занятием, особенно в первой половине XIX в. Комплекс рабочей одежды включал специальную рубашку с карманами на груди, подходящую для работы в камышах (*камышейку*, этим же словом называли тонкий однотонный жилет), длинный суконный пиджак (*карапан*), кожаный фартук (*запон*), рабочий плащ (*винцераду*), шубу, крытую грубым сукном (*катламу*), штаны.

Из обуви рыбаки носили высокие сапоги и летние короткие *чирики*, шитые из прочной, грубой кожи.

Рис. 2. Некрасовец К. А. Деченков в традиционном бешмете и рубахе, пос. Новокумский, 2010 г.

Фото Н. А. Власкиной

Fig. 2. Nekrasov Cossack K. A. Dechenkov in a traditional beshmet and shirt, Novokumsky village, 2010. Photo by N. A. Vlaskina

Пояс был особой частью костюма старообрядцев (Clopot 2016: 123). У некрасовцев было несколько типов поясов, вероятно, разных по происхождению. Историк В. Д. Сухоруков, описывая жизнь донских казаков в ранний период истории, говорит о том, что они носили костюмы, захваченные в кампаниях против турок, черкесов и других народов (Сухоруков, 1892: 33), и среди прочего упоминает турецкие шелковые пояса. У некрасовских казаков, эмигрировавших с Дона в Турцию, был тот же тип пояса, именовавший-

ся *трубулус*. А.А. Новик и А.Н. Соболев описывают подобные пояса как характерные для болгарского, сербского (*тараболос*) и черногорского (*pas trbulus*) костюмов и возводят это название к турецкому *Tarabulos*, служившему названием города Триполи — известного в прошлом текстильного центра (Novik & Sobolev, 2016: 22). Кроме трубулуса некрасовцы использовали два других типа поясов: *вушкар* (шнурок или матерчатый пояс у штанов) и *черес* (специальный матерчатый пояс с карманом для ношения денег). Оба эти пояса были известны донским казакам и имеют такие же названия в донских говорах (БТСДК, 2003: 548–549, 574).

Женский костюм состоял из рубахи, *балахона* (легкого распашного полукафтана с короткими рукавами) и *завески* (фартука). Покрой рубахи (рис. 3) был туникообразным, характерным для ряда восточнославянских регионов (Маслова, 1956: 605), в период жизни казаков в Турции для ее изготовления использовался турецкий материал. Для верхней части рубахи (*чэфлика*) использовали более дешевый материал, часто с цветочным рисунком, потому что она была прикрыта балахоном. Нижняя часть рубахи шилась из двух прямоугольных кусков материала, к которым пришивались боковые клинья. По низу женской (как и мужской) рубахи пришивалась красная кайма — *кырмыз*. Покрой смертной — *суцельной* — рубахи отличался от повседневной — ее изготавливали из единого отреза ткани³ (Архипенко, Калининченко, 2012: 431–432). Рукава могли быть одного из двух типов. В XIX в. шили длинные (*мотучие*) рукава, спускающиеся ниже ладони, которые могли оборачивать вокруг запястья или закатывать во время работы. Позже такие рукава стали пришивать только к праздничным рубахам (Сердюкова, 2005: 146), но уже к середине XX в. они перестали использоваться. Такие рукава были характерны для русского

костюма XV–XVII вв. (Маслова, 1956: 614). Рукава более нового покроя (*с наборушками*) короче, состоят из двух частей: верхняя — *лыл*, узкая, до локтя, нижняя (от локтя до запястья) — собственно рукав, сшитый из одной, двух или трех полос ткани контрастных цветов, с манжетами на запястьях.

Рис. 3. Рубаха казачки-некрасовки
И. А. Беликовой, 2010 г. Фото
Н.А. Архипенко.

Fig. 3. Shirt of a Nekrasov Cossack woman
I. A. Belikova, 2010. Photo by
N. A. Archipenko

Верхняя одежда — *балахон* (рис. 4) — имела туникообразный покррой⁴ и шилась из шелка, если одежда была праздничной, или из плотного холщового материала, *выбойки* (*выбики*), если балахон был будничным, изнутри подшивалась

³ Ср. такое же (обрядовое) использование суцельной рубахи в разных регионах России (Маслова, 1956: 602).

⁴ У донских казаков одежда такого покроя называлась *кубелек* (Русская одежда..., 2011: 375).

подкладкой. В полу балахона, прикрытую завеской, вставляли кусок более дешевого материала (*подпол, подпольник*). Расцветка балахонов — разные оттенки красного, оранжевого и желтого с белыми или черными полосами или цветочным рисунком (балахоны *челноками, бешметные* ‘в полоску’ и др.). Рукава короткие, выше локтя, декорированные разноцветными шелковыми лентами — *наставочками*. Подобные элементы одежды можно видеть на рукавах женских рубах из Рязанской области (Маслова, 1956: вклейка, рис. 33). В некрасовском костюме наставочки стали частью верхней одежды.

Рис. 4. Балахон казачки-некрасовки
К. П. Беликовой, 2007 г.
Фото Н. А. Власкиной

Fig. 4. Robe of a Nekrasov Cossack
woman K. P. Belikova, 2007.
Photo by N. A. Vlaskina

Фартук-завеска был обязательным элементом праздничной и повседневной одежды и представлял собой заткнутый за пояс кусок материи, *подстроченный* снизу лентой контрастного цвета, кружевом. Сзади к поясу привязывали длинные ленты, сшитые из лоскутов контрастных цветов (*мутозики*), украшенные кистями из

шерстяных ниток (*вихрами, кистилами*). У девушек мутозики были короче, а у замужних женщин — длиннее. В праздники за пояс подтыкали вышитый белый платочек.

Обязательным элементом праздничного костюма были чулки (носки) белого цвета, которые женщины вязали сами на спицах или покупали у турок.

Наиболее удачным сочетанием цветов при комбинировании разных элементов костюма считалось контрастное, «*чтоб под цвет подходило*», например: желтая рубаха, балахон с широкими черными полосами и малиновая (*луданая*) завеска; рубаха с желтыми рукавами, желтым или зеленым подолом, голубая завеска, балахон с черными или белыми полосами⁵.

Названия женских поясов и их элементов находят соответствия в турецком языке. Широкому женскому поясу некрасовок *кулану* соответствует турецкий пояс *kolan*. На тонком пояске носили съемный карман — *зень* (тур. *сер*).

В холодный период женщины носили теплые стеганые женские кафтаны — *сарафаны*. Это же слово широко используется во многих русских локальных традициях для обозначения одежды без рукавов. Зимней верхней одеждой некрасовских женщин были шубы и полушубки (короткие меховые куртки без рукавов), распашные пальто с расклешенными полочками, стоячим воротником, стеганные на шерсти или на вате с опушкой, часто из черного сатина, также из бархата: длинные, с длинными рукавами (*кухайка*), и более короткие, с короткими рукавами (*кухайночка*). На руки надевали вязанные рукавицы.

Головной убор некрасовки состоял из нескольких элементов. Девушки повязывали на лоб *связку, связочку* — простую или расшитую полоску материи. Головной

⁵ Информанты (далее — инф.) И.А. Беликова, 1941 г. р., Г.Д. Шкодрина, 1950 г. р., записаны (далее — зап.) Н.А. Архипенко и Н.А. Власкиной в пос. Новокумском Ставропольского края в 2010 г.

убор замужней женщины включал несколько элементов: от затылка к ушам укладывали свернутый в рулон *каук*, фиксировали его *шлычкой* — длинной лентой (*крыльями*) с пришитым к нему прямоугольным лоскутом ткани (*хвостом*). Затем на лоб надевали *связку*, покрывали голову платком.

Для платков выбирали ткань яркого цвета (преимущественно красного или оранжевого) с разными узорами (рис. 5), для которых в говоре были специальные названия: *айналы*, *виноградями*, *дунусский*, *змеечками*, *кивилюшками*, *колосиками*, *трубами*, *черюсский*, *шиповниками*⁶. В ходу были платки разных размеров (небольшой нарядный платок именовали *ширинкой*); предназначавшиеся для ношения в

праздники (*уруменские*) и в будни (*хлыстовые*); по меньшей мере двух форм: квадратной и прямоугольной (*наметка*). В последнем случае некрасовцы шивали вместе два или три платка: женщина повязывала такой платок вокруг головы и подтыкала под ухо. Можно провести параллель между наметкой и старинным типом русского полотенчатого головного убора, в течение долгого времени широко распространенного в разных русских регионах (Маслова, 1956: 660). Праздничные платки украшали кистями — *обкистивали*.

Свадебный головной убор некрасовки, вероятно, был привезен с Дона (Фрадкина, Новак, 1986: 37) и, в свою очередь, был аналогичен южнорусскому (Русская одежда..., 2011: 400).

Рис. 5. Некрасовские казачки с участницами этнолингвистической экспедиции ЮНЦ РАН–ЮФУ, пос. Новокумский, 2010 г. Фото Н.А. Власкиной

Fig. 5. Nekrasov Cossack women with members of the ethnolinguistic expedition of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and SFedU, Novokumsky village, 2010. Photo by N. A. Vlaskina

⁶ Инф. А.В. Миронова, 1955 г. р., зап. Т.Ю. и Н.А. Власкиными в пос. Новокумском Ставропольского края в 2010 г.

Он состоял из тканевой шапочки с рогами — *кички (рогов)*, обруча поверх кички — *сороки, шлычки*, прямоугольной оборки, прикрывающей волосы сзади, — *позатыльника* (его могли расшивать жемчугом и монетами), платка, которым накрывали кичку сверху (рис. 6). Есть упоминания и другого типа праздничного головного убора — *кокошника* (Сердюкова, 2005: 107) в форме шапочки, который также имеет прямые соответствия в русской традиции.

Рис. 6. Надевание некрасовской кички, пос. Новокумский, 1970-е гг.
Фото из архива Т. Т. Елисютиковой

Fig. 6. Putting on a Nekrasov kichka, Novokumsky village, 1970s. Photo from the archive of T.T. Elisyutikova

Детский некрасовский костюм был аналогичен взрослому (рис. 7, 8), но в нем отсутствовали некоторые элементы и способы декорирования: мальчики не носили *бешметов*, а девочки до начала менструаций — *балахонов*. Рубашки мальчиков не вышивались, только отделялись *кырмызом* на рукавниках и по подолу; на голову девочки надевали *связку*, в косу вплетали ленты — *косоплетки*, а девушки носили *связку* и *подкосник*.

Рис. 7. Дети в с. Коджагель, Турция, начало 1950-х гг. Фото из архива И.А. Беликовой
Fig. 7. Children in the village of Kojagel, Turkey, the beginning 1950s. Photo from the archive of I. A. Belikova

Рис. 8. Девочки на престольном празднике в пос. Новокумском, 2011 г. Фото Н.В. Калиничевой
Fig. 8. Girls at the patronal feast in Novokumsky village, 2011. Photo by N. V. Kalinicheva

Связку сразу после рождения надевали на голову и младенцу, а вместо пеленок использовали подол женской рубахи (*построчку*), свивальником служил *кырмыз*⁷.

Некрасовский костюм в контексте историко-культурных связей группы

Праздничная одежда некрасовцев отличалась от повседневной материалом и рисунком. Для изготовления первой использовали однотонный шелк, для повседневной (в том числе надеваемой в пост) — хлопок с цветочным орнаментом. Казаки покупали ткани в разных текстильных центрах Малой Азии. Ч. МакФарлен предполагал, что некрасовцы покупали ткани в Балыкесире — городе, «где изготавливали или продавали хлопковую ткань», и «ежегодно проходила ярмарка, значимая для этой части Анатолии» (MacFarlane, 1850: 292). Наши собеседники вспоминали, что ткани привозили из городов Акчаир и Адана⁸.

Некоторые места производства ткани можно предположить, анализируя названия элементов костюма. Так, *трубулус*, как было показано выше, указывает на использование тканей из Триполи. Название *урумьский / урумилский* платок может свидетельствовать о контактах с греками. Другие источники тканей могут быть выявлены благодаря их сравнению. К. Ибрагимзаде и И. Р. Гусач показали, что некрасовцы покупали текстиль, произведенный в Токате (рис. 9) — знаменитом турецком центре ручной печати по ткани (Ibrahimzade & Gusach, 2015). Эти данные косвенно подтверждаются интервью с некрасовцами, которые помнят, как турки приходили в казачье селение на озере Майнос (Куш), чтобы копировать и потом воспроизводить узоры на платках и другой

одежде⁹. Как показывает сравнение, ткани более новых изделий могли быть куплены в г. Газиантеп, где производится *кутну* (рис. 10) — «ткань с блестящей поверхностью и красочными вертикальными полосами из шелковых основ продольной пряжи и хлопчатобумажных нитей поперечной» (The History of Kutnu, 2011).

Рис. 9. Казачка-некрасовка в связке, произведенной в Токате, пос. Новокумский, 2011 г. Фото Н.В. Калиничевой

Fig. 9. Nekrasov Cossack woman in a bundle produced in Tokat. Novokumsky village, 2011. Photo by N. V. Kalinicheva

Несмотря на то что во внешнем облике некрасовской одежды видно турецкое влияние, которое проявляется в замене русских тканей на местные в период проживания группы в Османской империи (Турции), покрой одежды остается близким русскому. В. А. Липинская пишет о традиционной основе некрасовского женского костюма и отмечает, что полностью он не соответствует ни одному известному устойчивому комплексу русской одежды. Его характерными особенностями являются черты примитивности и незавершенности («лоскутный крой, несшитый фартук, слабо структурированный будничный головной убор») (Русская одежда..., 2011: 401).

⁹ Инф. Я.Ф. Пушечкин.

⁷ Инф. Е.И. Бабаева, 1933 г. р., Т.Т. Елисютикова, 1934 г. р., зап. Т.Ю. Власкиной в пос. Новокумском Ставропольского края в 2010 г.

⁸ Инф. И.А. Беликова; Я.Ф. Пушечкин, 1933 г. р., зап. Н.А. Власкиной, Л.Н. Сипаровой, Н.С. Бондаренко в пос. Новокумском Ставропольского края в 2010 г.

Рис. 10. Е.К. Гулина (слева) и А.Т. Чернышова (в центре) в балахонах из ткани кутну, пос. Новокумский, 2012 г. Фото Н.А. Власкиной.

Fig. 10. E. K. Gulina (left) and A. T. Chernyshova (center) in robes made of kutnu fabric, Novokumsky village, 2012. Photo by N. A. Vlaskina.

Влияние контактов с турецким и балканским населением прослеживается в названиях и видах обуви и украшений. Большую часть обуви некрасовцы, по-видимому, покупали у турок — об этом рассказывают сами носители традиции. Кроме того, в лексиконе некрасовцев множество заимствований из турецкого, называющих обувь: *калевры* (сандалии, болг. *kalevra*), *котыры* (женская обувь из грубой кожи, тур. *katır*), *кундры* (женские и мужские закрытые туфли, тур. *kundura*), *надвижки* или *папычи* (туфли без задника в турецком стиле, тур. *rabiş*, *pariş*), *щёщёни* (туфли, ботинки, тур. *şoson*), *ярымбутины* (полусапожки, тур. *yarım*).

Наряду с названными бытовали и другие типы обуви — с русскими названиями и имеющие соответствие в русской традиции: *бахилы* (*бахилки*) ‘женские мягкие ботинки из цветной кожи, сшитые чулком, без подметки’; несколько разновидностей простой обуви кустарного производства: *хоботы*, *ходаки* ‘грубая обувь’,

поршни, *постолы* ‘грубая обувь из целого куска кожи, стянутого бечевкой или ремешком’ (Сердюкова, 2005: 30, 219, 303).

Металлические декоративные элементы костюма и украшения помещают некрасовскую традицию в более широкий контекст культур, в XVIII–XIX вв. объединенных владычеством Османской империи, и шире — Ближнего Востока. Так, некрасовский пояс с двойной пряжкой (*катаур*) (рис. 11) (присутствующий и на рисунке костюма нижнедонской казачки начала XIX в. (Русская одежда..., 2011: вклейка «Донское казачество», рис. 7)), типичен для Болгарии (ср. *пафти*, Български народни носии..., 1950: fig. 26, 43, 46, 50), а также ближневосточного региона, включающего Ирак, Сирию, Турцию (Taş, 2012). Украшения из монет, которые некрасовки пришивали на груди вдоль бортов балахонов (*площи*) и на головные уборы (*обнизка*), присутствуют в локальных вариантах хорватского костюма (Kašpar, 1987), а также болгарского

(Наследникова, 1969: 95) и черногорского (Novik & Sobolev, 2016: 22). Монеты пришивали и к *махру* (*накоснику*) — украшению, которое, наряду с *лопасником* (треугольным лоскутом с пуговками на шнуре) вплеталось в косу и помимо эстетической

имело и практическую ценность, предназначаясь для того, чтобы балахон не пачкался от соприкосновения с волосами (для того же служил и *подкосник* — подкладка из белой ткани, которую прикалывали под косу ниже пояса).

Рис. 11. Пасха 1960 г. в некрасовском селе Коджагёл, Турция. На фото видны украшения из монет на разных частях костюма девушек, пояс катаур, декоративные пуговицы на балахонах.

Фото из архива С.Ф. Елесютиковой.

Fig. 11. Easter 1960 in the Nekrasov village of Kojagol, Turkey. The photo shows jewelry made of coins on different parts of the girls' costume, a kataur belt, decorative buttons on overalls.

Photo from the archive of S. F. Elesyutikova

Наряду с этим часть металлических украшений имеет и восточнославянские параллели. Некрасовцы носили *жерёлки* — ожерелье из монет, нашитых на узкую полосу материи, и *монисты* — из монет, закрепленных на цепочку, к косам привязывали *кутазики* (ср. *кутаз* и *кутас* 'металлический колокольчик на шее пасущихся коров, лошадей' (Словарь русских народных говоров, 1980: 166).

Различные типы головных украшений из бисера, бус и монет, которые девушки и женщины прикалывали к своим платкам, имеют прямые аналогии в турец-

кой (Turkey's Intangible..., 2008: 137, 144, 145) и болгарской традиции. Последнее ясно из лексических примеров: в говоре казаков-некрасовцев слово *двухлевничек* (монета в два болгарских лева) служит обозначением украшения головного убора, *дубла* (от болг. *дубле* 'накладное золото') обозначает золотую монету, используемую для украшения, некрасовское *тряпки* 'серьги с мелкими висячими украшениями' (Сердюкова, 2005: 292) происходит от болгарского *тrepка* 'игла (булавка) с дрожющим и звенящим украшением' (Наследникова, 1969: 95–96).

Если вышеупомянутые типы металлических украшений, вероятно, были заимствованы в период жизни некрасовцев в Османской империи¹⁰, то оформление верхней части балахона большими пуговицами, часть которых служила для застегивания, а часть — для украшения, могло быть воспринято из турецкой культуры ранее, скорее всего, до эмиграции, в период жизни на Дону. Поскольку пуговицы того же типа обнаруживаются в описаниях донского казачьего костюма (Сухоруков, 1892: 33; Русская одежда..., 2011: 375).

Трансформация некрасовского костюма в XX веке

В XX в. мужской, женский и детский костюмные комплексы сохранялись в разной степени. В 1920-е годы Турецкая республика стала реализовывать националистическую политику. Тем, кто проживал в Турции, предписывалось «говорить на турецком языке, придерживаться местных турецких нравов и обычаев» (Рабчевская, 2012: 30). Если женщин это коснулось в меньшей мере, поскольку они большую часть времени проводили в селе, то мужчины с отрочества занимались выездным рыболовным промыслом, бывали в разных городах и странах. Регулярные отъезды из дома (и необходимость последовательно соблюдать турецкое законодательство) были среди причин, по которым мужчины перестали носить традиционную одежду и с 1930–1940-х гг. в обиход вошел городской тип костюма. Горькое решение некрасовцев о том, чтобы «бросить» традиционную одежду, было предметом размышлений казаков и отразилось в их ру-

¹⁰ Необходимо оговорить, что украшения из жемчуга и монет были характерны для женского казачьего костюма и головного убора и на Дону (Фрадкина, Новак, 1986: 37), но их разнообразие и количество все же, на взгляд автора, увеличилось в период проживания некрасовцев в Турции под влиянием межэтнических контактов.

копистой хронике: «В год 7442 (1934) казаки сменили Игнатову одежду и стали брить бороды а женщины аставили одежду» (Рудиченко, Дёмина, 2012: 73).

В турецкий период у детей также не было возможности постоянно носить традиционный костюм. В турецкую школу они надевали школьную форму (рис. 12).

Собеседники рассказывали, что девочки носили форму поверх традиционной одежды, и если рубаха выглядывала из-под формы, учителя могли ее порезать¹¹. В зимнее время девочки могли поддеть штаны под рубашки, что было нетипичным для традиционного женского костюма¹².

Как видим, и до возвращения в Россию костюм становился объектом для инноваций — и постоянных, и окказиональных. Но радикальные изменения ждали эту этноконфессиональную группу уже после возвращения на Родину.

В течение непродолжительного времени традиционный костюм вышел из повседневного бытования и остался только в функции праздничной, ритуальной или сценической одежды. Соответственно, некоторые ее виды полностью вышли из употребления, среди них мужские чекмень и папаха, которые были частью будничного костюма.

Частично причиной изменений стал сам факт миграции: турки запретили некрасовцам вывозить за пределы страны драгоценности и украшения из монет — Игнат-казакам пришлось их продать или оставить в Турции. Позже, в России, традиция украшения костюма монетами больше не возобновилась.

В Турции казаки-некрасовцы находились в иноконфессиональном и иноэтническом окружении, и все культурные компоненты выполняли консолидирующую функцию. Сохранение языка и культуры

¹¹ Инф. И.А. Беликова.

¹² Хотя в 1960-х гг. О.К. Сердюкова фиксировала у некрасовского *портки* также значение 'женские панталоны' (Сердюкова, 2005: 218). Автор статьи не располагает данными о том, в какой период был распространен этот элемент костюма.

было возведено в ранг закона. После возвращения в Россию причин отгораживаться от окружающих уже не было, поэтому

многие элементы культуры (в том числе костюм) подверглись ассимиляции в относительно короткое время.

Рис. 12. Некрасовцы в турецкой школе, с. Коджагёль, Турция, 1950-е гг.
Фото из архива П.Ф. Беликовой.

Fig. 12. Nekrasov Cossacks in a Turkish school, Kojagol village, Turkey, 1950s.
Photo from the archive of P. F. Belikova

Кроме того, некрасовцы отмечали, что климат в России отличался от турецкого: на Родине зимы были холоднее, а летний период — жарче. Информанты говорили, что «*балахоны поскидали*» из-за разницы в климате.

Наконец, к моменту возвращения некрасовцев на юге Советской России, где были поселены Игнат-казаки, традиционный костюм был утрачен уже полностью. На его место пришел унифицированный костюм городского типа. Яркая одежда некрасовцев выдавала в казаках чужаков (местные обзывали их турками). Восприятие некрасовского костюма как чужого имело результатом возможность его окказионального использования в новой функции: в первый год после возвращения в Россию некрасовцы надевали традиционный свадебный костюм с кичкой во время

святочного ряжения, так как для местных жителей он был в диковинку¹³.

Заключение браков за пределами группы делало некрасовскую общину не такой монолитной, как прежде. Как и в других регионах России, в Краснодарском и Ставропольском краях молодежь покидала села в поисках работы и уезжала в города и другие регионы страны. Как выразительно сказал один из наших собеседников, «там всё мы соблюдали. Это тут, в России, всё потеряли»¹⁴.

Календарные праздники представляют собой ту часть традиции, где костюм

¹³ Инф. Д.Т. Шкодрина, 1931 г. р., зап. Н.А. Архипенко, Н.А. Власкиной в пос. Новокумском Ставропольского края в 2010 г.

¹⁴ Инф. Н.И. Бандеровский, 1940 г. р., зап. Н.А. Власкиной в пос. Малосадовом Ставропольского края в 2010 г.

сохранялся довольно хорошо. До настоящего времени праздничный наряд надевают на Пасху и в престольные праздники.

В семейной обрядности традиционная одежда отходила на второй план постепенно. В 1970–1990-х гг. некрасовцы (в основном женщины) надевали традиционный костюм на венчание, а платье город-

ского типа — на гражданскую регистрацию брака (рис. 13). В то же время головной убор был упрощен. Фотографии из семейных архивов показывают, что в обозначенный период невеста просто покрывала голову платком, а не надевала сложный головной убор из кички, сороки и позатыльника.

Рис. 13. Некрасовцы на венчании (слева) и гражданской регистрации брака (справа), пос. Новокумский, 1977 г. Фото из архива Е.И. Бабаевой.

Fig. 13. Nekrasov Cossacks at the wedding (left) and civil registration of marriage (right), Novokumsky village, 1977. Photo from the archive of E. I. Babaeva

Серьезные отличия в середине XX в. существовали в представлениях некрасовцев и южнорусских крестьян о том, как нужно одеваться на похороны. В ставропольских селах этого времени уже была закреплена традиция одеваться в темное, в то время как у некрасовцев траурной одеждой считалась будничная, столь же яркая, что и праздничная. Под влиянием местного «дресс-кода» некрасовцы постепенно перестали надевать на похороны традиционный костюм. Появился запрет на ношение традиционной одежды в течение одного–трех лет после смерти близкого родственника. В настоящее время соблюдается только традиция обряжать покойника в некрасовский костюм и заворачивать его в саван.

Заключение

Несмотря на выводы о значительных трансформациях, затронувших в XX в. как сами конструктивные элементы костюма, так и практики его ношения, на сегодня традиционная одежда является одним из наиболее сохранных элементов культуры казаков-некрасовцев.

Можно выделить несколько стадий динамики костюма.

В конце XVII – начале XVIII вв. костюм донских казаков, составивших основу некрасовской общины, впитал в себя различные элементы как славянских, так и тюркских культур, в турецкий период некрасовской истории восточное влияние усилилось, хотя ключевые элементы костюма остались без изменений. Наконец, после возвращения некрасовцев на Родину

комплекс традиционной одежды был упрощен и поменял свои функции.

Если в первые годы после возвращения в СССР яркость и экзотичность некрасовского костюма были поводом для противопоставления некрасовцев и местных жителей и препятствовали интеграции, то позже костюмный комплекс некрасовцев вызывал только восхищение, прежде всего у журналистов, исследователей и музейных специалистов. Важным аспектом здесь было и то, что в отличие от других предметов материальной культуры, костюмы, особенно женские, сохранялись в некрасовских семьях в большом количестве. Постоянные научные опросы об одежде имели неожиданные последствия. С каждым новым приездом ученых и журналистов носители традиции все охотнее делились своим знанием о костюме. Респонденты среднего и старшего возраста давали скрупулезные описания деталей костюма, указывали их диалектные названия. Интервью часто включают саморефлексию респондентов о важности сохранения традиционного костюма: *«Нет, я говорю, одежду, двести пятьдесят лет прожили в Турции и ня бросили, от поколения в поколение передавалось, это шили, надо ж такое. Мы сами иной раз так сильно удивляемся: надо же, я говорю, Господи, и ня бросили, как закон свой ня бросили, это передавали... Весь белый свет изойди, никто ни сохранил, а мы как сохранили»*¹⁵.

Уйдя из сферы повседневности, народная одежда начала играть активную роль в сфере мемориальной. В результате праздничный костюм казаков-некрасовцев стал символом наследия группы и продолжил жить своей жизнью как внутри, так и за пределами некрасовского сообщества.

Литература

Абрамова, Т.Н. Некрасовские рогатые кички (к проблеме идентификации одежды казаков-некрасовцев) // Памяти А. М. Листопадова: сборник научных статей. Ростов н/Д: Гефест, 1997. С. 82–90.

Абрамова, Т.Н. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: сборник материалов из архивов Новокумского филиала музея изобразительных искусств. Ставрополь: Ставропольский краевой музей изобразительных искусств, 2009. С. 107–117.

Архипенко, Н.А., Калиниченко, И.Ю. Материалы для изучения традиционного костюма казаков-некрасовцев: погребальная обрядовая одежда // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей / под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 421–438.

Баскаков, А.Н. и др. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 967 с.

Большой толковый словарь донского казачества (БТСДК). М.: АСТ, Астрель, 2003. 608 с.

Болгарско-русский словарь / сост. С.Б. Бернштейн. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 888 с.

Български народни носи и шевици [Български народный костюм и вышивка] / сост. М. Велева. София: Наука и изкуство, 1950. 112 с.

[Ганько, М.] Майносские козаки и их земля // Киевская старина. 1899. Т. LXVI. Сентябрь. С. 104–107.

Жукова, Л.М., Бандурина, С.А. Одежда казаков-некрасовцев // Донской народный костюм: о создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов н/Д: Ростовский опытно-экспериментальный производственный комбинат Всесоюзного музыкального общества, 1986. С. 54–63.

Иванов-Желудков В.И. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 413–451.

Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 541–757.

Минорский, В.Ф. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 31–86.

Наследникова, В. История на българския костюм [История болгарского костюма]. София: Наука и изкуство, 1969. 175 с.

Объект нематериального наследия. Костюм казаков-некрасовцев. Ставрополь: Ставропольский краевой дом народного творчества, 2016. [Электронный ресурс] URL:

¹⁵ Инф. И.А. Беликова.

<http://skdnt.ru/elektronniy-katalog/onn-kostyum-kazakov-nekrasovtsev/> (дата обращения: 29.09.2021).

Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина (о казаках-некрасовцах). Ставрополь: [Б. и.], 2012. 96 с.

Рудиченко Т.С., Демина В.Н.К интерпретации письменных источников об истории и культуре казаков-некрасовцев // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 2. С. 69–75.

Русская одежда. Историко-этнографические очерки / под ред. В.А. Липинской. М.: Индрик, 2011. 776 с.

Сердюкова, О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005. 320 с.

Сказки казаков-некрасовцев / соб. Ф.В. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1945. 120 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 16 / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1980. 376 с.

Смирнов, Я.И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере Гамид-Абадского санджака Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.

Сухоруков, В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892. 99 с.

Фрадкина, Н.Г., Новак, Л.А. Старинный донской казачий костюм XVII–XIX веков // Донской народный костюм: о создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов н/Д: Ростовский опытно-экспериментальный производственный комбинат Всесоюзного музыкального общества, 1986. С. 32–49.

Щепотьев, В.П. Русская деревня в Азиатской Турции // Вестник Европы. 1895. Т. 8. Август. С. 562–583.

Якоби, Л.А. Культурное наследие казаков-некрасовцев. Ставрополь: Ставропольский краевой дом народного творчества, 2011. 320 с.

Clopot, C. Weaving the Past in a Fabric: Old Believers' Traditional Costume // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2016. Vol. 66. P. 115–132.

Hamilton, W. J. Researches in Asia Minor, Pontus, and Armenia with Some Account of Their Antiquities and Geology. In two vols. Vol. II.

London: John Murray, 1842. 553 p.

Ibrahimzade, K. & Gusach, I. Nekrasov kazaklarının geleneksel giysileri ve Tokat Yazmaları: Rusya müzelerinden örnekler [Традиционная одежда казаков-некрасовцев и печатные узоры на ткани Токата, изготавливаемые вручную: образцы из русских музеев] // Osmanlı Mirası Araştırmaları Dergisi. 2015. Vol. 2. Is. 2. March. P. 26–37.

Johnson, P. W. Dress and Acculturation Among the Russian Old Believers in Oregon. A Thesis submitted to Oregon State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Interdisciplinary Studies. Corvallis, 1983. 145 p.

Kašpar, L. Novac u funkciji nakita u Karlovačkom području [Деньги в функции украшения в Карловацкой жупании] // Etnološka Tribina. 1987. No. 10. P. 33–36.

Mac Farlane, Ch. Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of That Country. In two vols. Vol. 1. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1850. 323 p.

Novik, A. & Sobolev, A. Traditional Wedding Costume of the Mrkovići in Montenegro: Between Real Heritage and Folk Construction (Materials of the Russian Expeditions in 2012–2014) // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2016. Vol. 66. P. 15–36.

Turkey's Intangible Cultural Heritage / ed. by Ö. Öğuz. Ankara: Ministry of Culture and Tourism. 2008. 311 p.

Taş, E. Belt Buckles Dated to the Nineteenth Century // IV International Congress of Eurasian Archaeology. 1–5 October 2012 / ed. by F. Khalilli. Baku: AGSU, 2012. P. 89–93.

The History of "Kutnu" Fabric Weaving, 2011. [Online] URL: http://www.ipekyolununustalari.org.tr/index.php?option=com_content&view=article&id=89&Itemid=227&lang=en (дата обращения: 29.09.2021).

References

Abramova, T. N. (1997), "Nekrasovites' Horned Kichkas (On the Issue of Identification of the Nekrasov Cossacks' Clothes)", *Pamyati A. M. Listopadova: Sbornik nauchnykh statey* [In Memory of A. M. Listopadov: Collected Articles.], Gefest, Rostov-on-Don, Russia, 82-90 (in Russ.).

Abramova, T. N. (2009), "Traditional Complex of Female Clothes in the Wedding Ritu-

al of the Nekrasov Cossacks”, *Kazaki-nekrasovtsy. Sbornik materialov iz arkhivov Novokumskogo filiala muzeya izobrazitelnykh iskusstv* [Nekrasov Cossacks. Collected Articles from the Archives of the Novokumskiy Branch of the Museum of Fine Arts.], Stavropol Regional Museum of Fine Arts, Stavropol, Russia, 109-117 (in Russ.).

Arkhipenko, N. A. & Kalinichenko, I. Yu. (2012), “Materials for the Study of Traditional Nekrasov Cossacks Costume: Burial Ceremonial Clothes”, in Matishov, G. (ed.) *Kazaki-nekrasovtsy: yazyk, istoriya, kultura: sbornik nauchnykh statey* [Nekrasov Cossacks: Language, History, and Culture. Collected Papers], Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publishers, Rostov-on-Don, Russia, 421-438 (in Russ.).

Baskakov, A. N. et al. (1977), *Turetsko-russkiy slovar* [Turkish-Russian Dictionary], Russkiy yazyk, Moscow, Russia (in Russ.).

Bernshtein, S. B. (comp.) (1952), *Bolgarsko-russkiy slovar* [Bulgarian-Russian Dictionary], State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, Moscow, Russia (in Russ.).

Bolshoy tolkovy slovar donskogo kazachestva (2003) [Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks], Russian Dictionaries, AST, Astrel. Moscow, Russia (in Russ.).

Clopot, C. (2016), “Weaving the Past in a Fabric: Old Believers’ Traditional Costume”, *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 66, 115-132.

Fradkina, N. G. & Novak, L. A. (1986), “The Ancient Don Cossack Costume of the 17th–19th Centuries”, *Donskoy narodny kostyum: O sozdanii stsenicheskogo kostyuma na osnove donskoy narodnoy odezhdy* [Don Folk Costume: On the Design of the Scenic Costume on the Basis of the Don Folk Clothes], Rostov Experimental Production Plant of the All-Union Music Society, Rostov-on-Don, Russia, 32-49 (in Russ.).

Filin, F. P. (ed.) (1980), *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], vol. 16, Nauka, Leningrad, Russia (in Russ.).

[Ganko, M.] (1899), “Manyas Cossacks and Their Lands”, *Kievskaya Starina*, vol. LXVI, September, 104-107 (in Russ.).

Hamilton, W. J. (1842), *Researches in Asia Minor, Pontus, and Armenia with Some Account of Their Antiquities and Geology*, vol. 2, John Murray, London, UK.

Ibrahimzade, K. & Gusach, I. (2015), “Ne-

krasov kazaklarının geleneksel giysileri ve Tokat Yazmaları: Rusya müzelerinden örnekler” [Nekrasov Cossacks Traditional Clothes and Tokat Fabric Print Designs on Hand Printed: Samples from the Russian Museums], *Osmanlı Mirası Araştırmaları Dergisi*, 2 (2), March, 26-37 (in Turk.).

Ivanov-Zheludkov, V. I. (1866), “Russian Village in Asia Minor”, *Russkiy Vestnik*, 63, 413-451 (in Russ.).

Johnson, P. W. (1983), *Dress and Acculturation Among the Russian Old Believers in Oregon*. A Thesis Submitted to Oregon State University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in Interdisciplinary Studies, Corvallis, USA.

Kašpar, L. (1987), “Money as Jewelry in the Karlovac Region”, *Etnološka Tribina*, 10, 33-36 (in Croat.).

Lipinskaia, V. A. (ed.) (2011), *Russkaya odezhdha. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Russian Clothes. Historical and Ethnographic Essays], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Mac Farlane, Ch. (1850), *Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of That Country*, vol. 1, Lea and Blanchard, Philadelphia, USA.

Maslova, G. S. (1956), “Narodnaya odezhdha russkikh, ukrainsev, belorusov v 19 – nachale 20 v.” [Folk clothes of Russians, Ukrainians, Belarusians in the 19th - early 20th century], *Vostochnoslavianskiy etnograficheskiy sbornik* [Eastern Slavic Ethnographic Miscellany], Academy of Sciences of the USSR Publishing, Moscow, Russia, 541-757 (in Russ.).

Minorskiy, V. F. (1902), “Among Russian Subjects of the Sultan”, *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2, 31–86 (in Russ.).

Naslednikova, V. (1969), *Istoria na bulgarskia kostium* [The History of Bulgarian Costume.], Nauka i izkustvo, Sofia, Bulgaria (in Bulg.).

Novik, A. & Sobolev, A. (2016), “Traditional Wedding Costume of the Mrkovići in Montenegro: Between Real Heritage and Folk Construction (Materials of the Russian Expeditions in 2012–2014)”, *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 66, 15-36.

Obyekt nematerialnogo naslediya. Kostyum kazakov-nekrasovtsev [Object of Intangible Heritage. Clothes of the Nekrasov Cossacks] (2016), Stavropol Regional House of Folk Art, Stavropol, available at: <http://skdnt.ru/elektronniy-katalog/onm-kostyum-kazakov-nekrasovtsev/> (Accessed 29 September 2021) (in Russ.).

Öğuz, Ö. (ed.) (2008), *Turkey's Intangible Cultural Heritage*, Ministry of Culture and Tourism, Ankara, Turkey.

Rabchevskaya, A. K. (2012), *Vnov obreyonnaya Rodina (o kazakakh-nekrasovtsakh)* [The Newfound Homeland: About the Nekrasov Cossacks], [No ed.], Stavropol, Russia (in Russ.).

Rudichenko, T. S. & Demina, V. N. (2012), "On the interpretation of written sources about history and culture of Cossacks-Nekrasovtsev", *The Humanities and Social-Economic Sciences*, 2, 69-75 (in Russ.).

Serdyukova, O. K. (2005), *Slovar govora kazakov-nekrasovtsev* [The Dictionary of the Dialect of the Nekrasov Cossacks], Rostov University Publishing House, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Shchepotyev, V. P. (1895), "Russian Village in Asian Turkey", *Vestnik Evropy*, 8, 562–583 (in Russ.).

Smirnov, Ya. I. (1896), "From the Journey in Asia Minor. Among the Nekrasovites on the Mada Island at the Beysehir Lake of Gamid-Abad Sanjak and Konia Vilayet", *Zhivaya Starina*, 1, 3-31 (in Russ.).

Sukhorukov, V. D. (1892), *Obshchezhitie donskikh kazakov v 17 i 18 stoletiyakh. Istoriicheskiy ocherk* [The Common Life of the Don Cossacks in the 17th and 18th Centuries. An Historical Essay], Printing House of the Don Host Region, Novocherkassk, Russia (in Russ.).

Taş, E. (2012), "Belt Buckles Dated to the Nineteenth Century", in: Khalilli, F. (ed.), *IV International Congress of Eurasian Archaeology. 1–5 October 2012*, AGSU, Baku, Azerbaijan, 89–93.

The History of "Kutnu" Fabric Weaving (2011), available at: http://www.ipekyolununustalari.org.tr/index.php?option=com_content&view=article&id=89&Itemid=227&lang=en (Accessed 29 September 2021).

Tumilevich, F. V. (comp.) (1945), *Skazki kazakov-nekrasovtsev* [Fairy Tales of the

Nekrasov Cossacks], Rostov Book Publishing House, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Veleva, M. (comp.) (1950), *Bulgarski narodni nosii i shevitsi* [Bulgarian National Costume and Embroidery], Nauka i Izkustvo, Sofia, Bulgaria (in Bulg.).

Yakobi, L. A. (2011), *Kulturnoe nasledie kazakov-nekrasovtsev* [Cultural Heritage of the Nekrasov Cossacks], Stavropol Regional House of Folk Art, Stavropol, Russia (in Russ.).

Zhukova, L. M. & Bandurina, S. A. (1986), "Nekrasov Cossacks' Clothes", *Donskoy narodny kostyum: O sozdanii stsenicheskogo kostyuma na osnove donskey narodnoy odezhdy* [Don Folk Costume: On the Design of the Scenic Costume on the Basis of the Don Folk Clothes], Rostov Experimental Production Plant of the All-Union Music Society, Rostov-on-Don, Russia, 54-63 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Власкина Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории филологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, пр. Чехова, д. 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; nvlaskina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Nina A. Vlaskina, Candidate of Philology, Senior Researcher, Laboratory of Philology, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; nvlaskina@gmail.com

УДК: 03.26.61

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-9

Абиров В. Э.

Вопросы этногенеза узбекского народа в этнографических исследованиях Узбекистана в годы независимости

Ташкентский государственный университет востоковедения, ул. Шахрисабз, д. 25,
г. Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; *abirovvalisher@gmail.com*

Аннотация. После создания независимого государства практически все народы мира, освободившиеся от колониального господства, стремятся восстановить и популяризировать культуру своего народа. Особенно актуальным становится изучение истории происхождения народа. Хотя многие народы мира пришли к согласию по вопросам этногенеза, в некоторых регионах эта проблема до сих пор не решена с научной точки зрения. Этапы этногенеза узбекского народа, как и других народов Центральной Азии (казахов, туркмен, киргизов, таджиков и каракалпаков), представляют собой сложный исторический процесс. После обретения Узбекистаном независимости местными исследователями опубликовано множество научных работ по этногенезу и этнической истории узбекского народа. Научные исследования, проведенные историками-этнографами, археологами, источниковедами, антропологами, лингвистами, привели к появлению различных подходов и взглядов на эту проблему. За годы независимости исследователи поставили перед собой задачу изучить происхождение узбекского народа, процесс становления, историю развития и изменения в истории нации. Местные историки выдвигали различные концепции и научные тезисы об этногенезе узбекского народа, что вызвало научные споры и дискуссии. В статье обобщены исследования проблемы этногенеза узбекского народа за годы независимости Узбекистана.

Ключевые слова: «узбеки»; турки; этнос; этногенез; этническая история; научные взгляды; концепции; историография; этнологические исследования

Для цитирования: Абиров В. Э. Вопросы этногенеза узбекского народа в этнографических исследованиях Узбекистана в годы независимости // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 120-131. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-9

V. E. Abirov

Ethnogenesis of the Uzbek people in ethnographic studies of Uzbekistan in the years of independence

Tashkent State University of Oriental Studies, 25 Shakhrisabz St., Tashkent, 100060,
Republic of Uzbekistan; *abirovvalisher@gmail.com*

Abstract: After the establishment of their independent state, almost all the peoples of the world, freed from colonial rule, strive to restore and spread the culture of their people. The study of the history of the origin of the people becomes especially relevant. Although many peoples of the world have come to an agreement on the issue of ethnogenesis, in some regions this problem has not yet been scientifically resolved. Like the Kazakh, Turkmen, Kyrgyz, Tajik, and Karakalpak peoples of

Central Asia, the stages of ethnogenesis of the Uzbek people cover a complex historical process. After Uzbekistan gained independence, local researchers have published many scientific works on the ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek people. Scientific research conducted by historians and ethnographers, archaeologists, source specialists, anthropologists, and linguists have led to different approaches and views on the problem. During the years of independence, researchers set themselves the task of studying the origins of the Uzbek people, the process of formation, the history of development and changes in the history of the nation. Various concepts and scientific theses on the ethnogenesis of the Uzbek people have been put forward by local historians, but have caused scientific controversy and debate. Discussions on this issue are still ongoing. The article summarizes the study of the issue of ethnogenesis of the Uzbek people in the ethnographic research of Uzbekistan during the years of independence.

Key words: “Uzbek”; the Turks; ethnos; ethnogenesis; ethnic history; scientific views; concepts; historiography; ethnological research

For citation: Abirov V. E. (2021), “Ethnogenesis of the Uzbek people in ethnographic studies of Uzbekistan in the years of independence”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 120-131, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-9

Введение. Известно, что проблема этногенеза теоретически разрабатывалась в XX веке для выявления исторических корней многих народов, входивших в состав Советского государства, или для искусственного формирования их там, где они отсутствовали. Основу теории разработали такие ученые, как С. Широкогоров, Б. Малиновский, Ю. Бромлей и другие. Этот процесс развился до такой степени, что даже после распада Советского государства этногенез, или «теория этноса», по-прежнему сохраняет лидирующие позиции в науке, развиваемой этими народами. В то время как западная антропология и работы российских ученых все больше отходят от понятия «этнос» к понятиям «этничность» или «идентичность», в области этнологии и антропологии в Узбекистане почти не произошло изменений. Узбекские вдохновители этой теории К. Шаниязов, А. Аскарлов и другие и после обретения независимости проводили свои исследования в давно проторенном русле.

Исторически сложилось так, что с момента обретения независимости, с 1991 года, комплексное изучение узбекского этногенеза и этнической истории ускорилось. На этом этапе историки, этнографы,

археологи и антропологи воздерживались от интерпретации и политизации результатов своих исследований в рамках советской идеологической модели.

Согласно результатам историографического анализа, за годы независимости в Узбекистане значительно расширились масштабы этнографических исследований и сформировалось новое поколение этнографов с уникальным опытом. Период независимости является более продуктивным для развития этнографии в Узбекистане, чем предыдущие годы. Этот период характеризуется постепенным восстановлением некоторых исторических фактов об узбеках, изучением национальной истории, культуры и самобытности народа. Наблюдается сдвиг от советской трактовки истории народа к независимому узбекскому национальному подходу. В частности, следует отметить, что увеличилось количество исследований по формированию узбекского народа и обозначения «узбек», по периодизации формирования узбеков как народа. Основная причина этого – процесс общественной консолидации внутри каждого государства, получившего независимость после многих лет политической зависимости, с целью заново открыть для

себя свою национальную историю, героев, культуру, символы. Не секрет, что многие из этих исследований проводились для того, чтобы избавиться от следов, оставленных Советским государством.

Материалы и методы. Труды по истории узбекского народа, написанные до 1990-х годов, основаны на единой политической и идеологической (марксистско-ленинской) точке зрения. В этот период теоретические и методологические основы исследования проблемы определялись не с точки зрения науки, а исходя из политической воли центра.

Из истории известно, что Советский Союз за короткий промежуток времени проделал огромную работу по нивелированию разных формаций (стадий развития) народов, в которых подчеркивалось, что каждый народ имеет свой национальный атрибут (знаки), свою территорию, язык и историю. Основная цель политики заключалась в создании в ближайшем будущем единого «советского народа» (*Noto soveticus*), который не имел бы «национальной» оболочки. Период холодной войны, начавшейся после Второй мировой войны, оказал влияние не только на во-

оружения, но и на науку. Это проявилось, в частности, в том, что новые научные теории, разработанные в Европе и США, не были применены в советской исторической науке.

Как и другие исследователи социальных сфер, узбекские историки и этнографы также следовали указаниям Коммунистической партии и не имели возможности выходить за отведенные рамки. Все изменения в жизни народов Советского государства в 60–80-е годы изучались в связи с «социалистическими реформами». Но не стоит оценивать этот период только в негативном ключе, потому что в эти годы можно наблюдать развитие историко-этнографических, археологических, антропологических исследований – их результаты до сих пор служат научной основой для многих узбекских ученых.

Литературу, посвященную изучению истории формирования узбекского народа в годы независимости, можно хронологически разделить на три этапа: 1) 1991–1998 гг.; 2) 1998–2016 гг.; 3) с 2016 г. – по настоящее время (Абиров, 2021: 129) (см. рисунок).

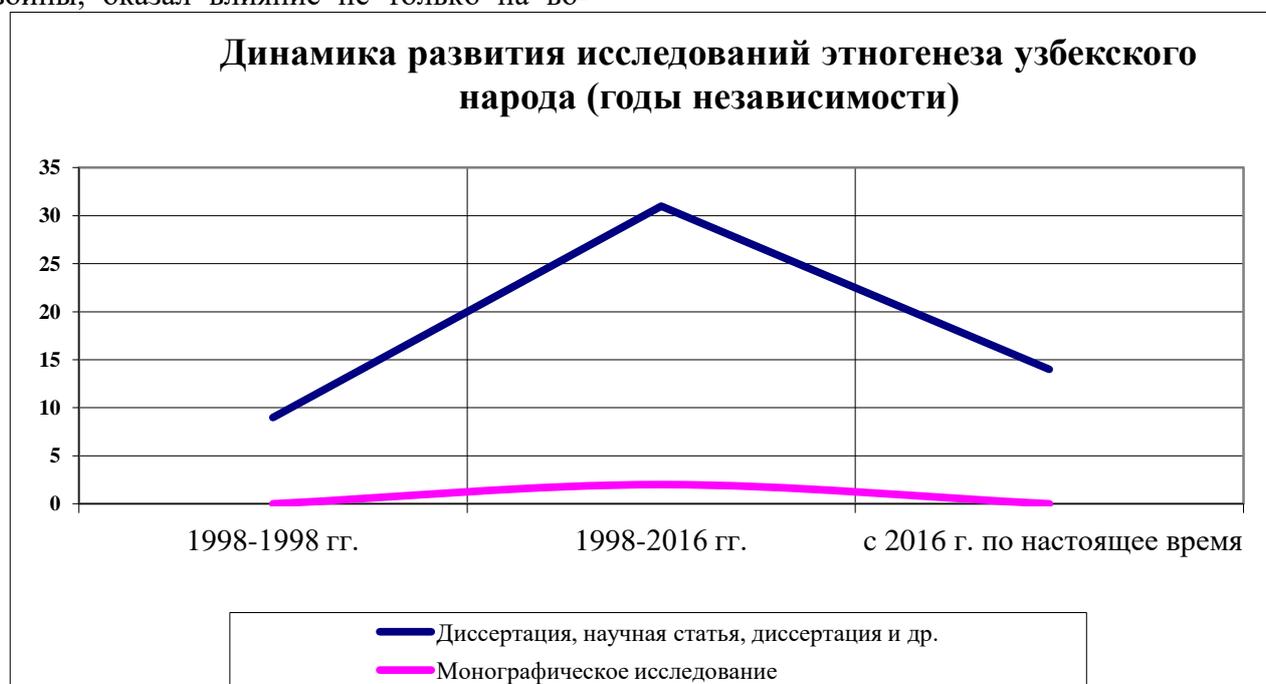

Рис. Динамика развития исследований этногенеза узбекского народа в годы независимости.

Fig. Dynamics of the development of research on the ethnogenesis of the Uzbek people in the years of independence

Информация, представленная в статье, основана на методах исторического, хронологического, историко-сравнительного анализа, анализируются исследования этногенеза узбекского народа, оценивается их научное значение.

Основная часть. С момента обретения независимости государство твердо утвердило свою заинтересованность в проблеме национальной истории узбеков. В первую очередь, началось восстановление истории народа, подвергавшейся в советское время цензуре. Подходы панисламизма и пантюркизма, критиковавшиеся в советское время, также начали возвращаться в научное сообщество. С этой точки зрения, в 1991–1998 годах наиболее важное место, по сравнению с другими подходами, заняла тенденция связывать формирование народа с тюркскими корнями. Еще одна характерная черта этого периода – небольшое количество исследований этногенеза узбекского народа. Однако в этих работах были использованы результаты исследований прошлых лет, проведен их анализ, сделан акцент на различных научных взглядах относительно происхождения узбекского народа.

В первые годы независимости был опубликован ряд научных трудов Б. Ахмедова, с 60-х годов XX века ведущего научные дискуссии о происхождении узбекского народа. В своих работах автор представляет информацию о состоянии кочевых узбеков во главе с Абулхайрханом, их экономике, образе жизни, государственном устройстве, социально-экономических отношениях, взаимодействии кочевых узбеков с Тимуридами, а также источники по данной теме. Б. Ахмедов писал, что предки узбеков в древности жили на территории современного Узбекистана. Хотя в начале XVI века на этих землях были узбеки-кочевники, они сыграли важную роль в формировании не только узбекского, но и казахского народа. Но вскоре они укоренились среди тюркских масс Мавераннахра и дали этому народу только свои именованья (Ахмедов,

1992: 121). Однако ученый не дает каких-либо обоснований своему заключению о том, что «предки узбеков в древности жили на территории современного Узбекистана». В выпуске журнала «Шарк юлдузи» («Восточная звезда») за 1992 год было опубликовано интервью Б. Ахмедова с Шодмоном Отабеком. По словам ученого, «что касается тюркских народов, населявших Сибирь, Алтай, Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Казахстан, Поволжье и Кавказ, то у них также были независимые государства, такие как Тюркское ханство, Чагатайский улус и улус Джучихана, Сибирское и Казанское ханства, а также Дербентское и Ёркендское ханства. Позже эти государства стали колониями могущественных соседних государств. Что касается тюркских народов, проживающих в Средней Азии и Казахстане, то с IX века и далее они слились с другими персоязычными народами и жили с ними под господством одного государства, таких как Саманиды (819-1005), Хорезмшахи (995-1220), Караханиды (1005-1370), Тимуриды (1370-1500), Шейбаниды (1500-1601), Аштарханиды (1601-1757) и др. В начале XVI века единое государство Шейбанидов разделилось на две части: Бухарское и Хивинское ханства. В 1709 году Ферганская область была отделена от Бухарского ханства, и здесь было основано Кокандское ханство. Во всех трех ханствах сосуществовали тюркоязычные узбеки, туркмены, киргизы, казахи и каракалпаки, а также персоязычные таджики» (Ахмедов, 1992b: 177).

А. Аскарлов и Б. Ахмедов выступили соавторами статьи «История происхождения узбекского народа (первые комментарии)» в газете «Узбекистон овози» («Голос Узбекистана») в 1994 году. Авторы пишут, что ядром, первой и главной составляющей корней узбекского народа являются сак-массагеты, согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, чачи и парконяне. В подтверждение своих выводов авторы цитируют слова российского исследователя С.П. Толстова: «Ни один из народов современной Средней Азии не имеет прямо-

го отношения к древним этносам. Напротив, в их формировании коренные народы и народы, мигрировавшие из окрестностей, отразились в разных пропорциях» (цит. по: Аскарлов, Ахмедов, 1994: 5). Представление в статье узбеков как турок не соответствует научным данным. Напротив, на наш взгляд, узбеки не турки, а тюркоязычный народ. Иса Джабборов в своей книге «Этнография узбекского народа» в разделе «Родословная узбеков и проблема родословной» изложил свои гипотезы об образовании узбекского народа. По его словам, формирование узбеков связано с процессом этнического смешения местного европеоидного населения, проживавшего на территории современного Узбекистана с середины первого тысячелетия до нашей эры, и монголоидного населения, постепенно проникающего с Востока (Жаббаров, 1994: 75). В книге автор размышляет о возможном формировании узбекского народа на основе археологических исследований, палеонтологических данных, исследований советских ученых, которые не имеют четкой научной основы.

В 1995 году филолог Поён Равшан участвовал в издании «Истории тюркских народов» Хасана Ата Абуши и высказал свое мнение по поводу данной гипотезы. В книге Хасан Ата Абуши привел ряд исторических фактов из истории тюркских народов. В заключительном слове исследователь Поён Равшан заявил, что «переписка Хасана Ата Абуши поразила филолога». По его словам, можно было более-менее представить, что финны имели какое-то отношение к тюркоязычным народам (конечно, в связи с изучением надписей на берегах рек Орхон и Енисей), но мы никогда не думали, что японцы, китайцы, эскимосы, буряты, чукчи, словом, все народы, живущие на Востоке, были тюрками. Излагая свое мнение, он подчеркивает, что в школьных учебниках гуннов, массагетов и саков представляли как нетюркские племена, что является одной из самых больших ошибок (Абуший, 1995: 222-223).

Этнограф К. Шаниязов, работающий со второй половины XX века, опираясь на исторические основы этнических процессов в Средней Азии, выдвинул свою теоретическую концепцию происхождения и становления узбекского народа. Статьи этнографа «Некоторые вопросы формирования узбекского народа», «Некоторые теоретические вопросы этногенеза узбекского народа» и «Этнический состав населения Мавераннахра во времена Тимура и Тимуридов» раскрывают суть эго концепции. К. Шаниязов пишет: история свидетельствует, что узбекский народ уходит одним корнем в этнические группы, проживающие в регионе; второй корень произошел от древнетюркских народов. Оба основных корня слились, образовав узбекский народ, а затем и нацию. Предки узбекского народа также являются народом, образовавшимся на территории Мавераннахра и Хорезма и сопредельных областей. На этих территориях проживали бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, ферганцы, которые в древности занимались земледелием и ремеслами. Саки, массагеты и другие кочевые племена селились в пустынных районах и в основном занимались скотоводством (Шониёзов, 1996а: 80). Ученый пишет в статье «Этнический состав населения Мавераннахра во времена Тимура и Тимуридов»: «Во время правления Тимура и Тимуридов часть населения Мавераннахра вела оседлый образ жизни, а другая часть – полуседлый. Стабильное узбекское население формировалось веками в результате смешения с этническими группами иранских и других языковых групп» (Шониёзов, 1996b: 144). Далее ученый указывает, что оседлые узбеки составляли основную часть тюркского населения, проживающего в городах и деревнях, а полуседлые узбеки были следующими поколениями древних тюркских племен, пришедших в Мавераннахр и соседние провинции в раннем Средневековье. К ним относятся этнические группы кангли, аз, уз, аргу, тугси, карлук, халач, чигил, туркеш и др (Шониёзов, 1996b: 144-145). В

следующих разделах статьи автор констатирует, что полуоседлые узбеки, в отличие от оседлых, называют себя общим именем «тюрки», а также, что племена кангли и карлуков сыграли важную роль в этногенезе узбекского народа. К. Шаниязов не уточняет источники, на основании которых он ввел термины «стабильные узбеки» и «полуоседлые узбеки», возможно, эти термины он ввёл сам.

По мнению автора, формирование основного ядра узбекского народа началось и развивалось на территории Карлукского государства и сопредельных регионов. Кочевые, полукочевые и оседлые тюркские народы, которые принимали активное участие в формировании узбекского населения в этом регионе, превосходили численностью тюркоязычное население в других соседних областях (например, в средней части Мавераннахра) (Шониёзов, 1998: 36-37). Этносы, участвовавшие в формировании предков узбеков как народа, сблизилась с этносами, проживавшими в соседних регионах (огузы, кипчаки, уйгуры и др.), а некоторые этносы объединились. Например, огузы, проживавшие в Ташкентском оазисе (VIII–X вв.), составляли основную часть узбекского населения, а группа карлуков в низовьях Сырдарьи, на берегу Аральского моря, входила в состав узбекского населения огуз. Кангли также были этнической составляющей, принимавшей активное участие в формировании узбекского народа. Некоторые группы кангли входили в состав огузов и кипчаков, а затем участвовали в этногенетическом процессе туркмен, башкир, казахов и других тюркских народов. Многие группы карлуков, жившие в оазисах Толрим и Ила, были частью уйгурского народа. Некоторые группы уйгуров (например, ягмы) участвовали в формировании узбекского народа (Шониёзов, 1998: 37). Вопрос о происхождении узбеков, как и у историков советской эпохи, остается в русле поисков древнего коренного населения вместе с определением соответствующих хронологических границ.

Последовательница научной школы К. Шаниязова Д. Хошимова в своей брошюре «Освещение вопросов этногенеза и этнической истории узбекского народа в трудах В.В. Бартольда» отметила, что труды В.В. Бартольда открыли новую эру в научном изучении проблемы этногенеза узбекского народа. В статье рассказывается о древнетюркских племенах, ставших основой процесса этногенеза узбекского народа, их местонахождении, участии в великом переселении, материальных, духовных, социальных отношениях с другими племенами и народами, слиянии с другими народами, а также о сложном процессе становления узбекского народа (Хошимова, 1997: 15).

Автор не излагает подход В.В. Бартольда к изучению этногенеза узбекского народа, его выводы по данной проблеме, поэтому закономерно встает вопрос: если нет подобного заключения, почему важно изучать работы этого ученого при изучении этногенеза узбекского народа? Кроме того, в статье не анализируются показатели частоты использования трудов В.В. Бартольда в последующие годы, его достижения и недостатки, их сравнительный анализ, отношение к его трудам в годы независимости.

В 1997 году было написано первое историографическое исследование, в котором систематически изучались происхождение, этногенез и этническая история узбекского народа, формирование нации, материальные и письменные источники. Диссертация Д. Хошимовой на тему «Изучение этнической истории и этногенеза узбекского народа в историографии родины (середина XIX–XX вв.)» (Хошимова, 1997) была первой исследовательской работой по историографическому анализу исследований этногенеза и этнической истории узбекского народа за годы независимости. В диссертации исследователь освещает изучение проблемы на основе археологических, антропологических, исторических, этнографических, нумизматических и лингвистических исследований, проводи-

мых с середины XIX века до 90-х годов XX века. Диссертация посвящена историографическому анализу большого объема научной литературы по этногенезу и этнической истории узбекского народа. Были проанализированы достижения и недостатки многих исследований, их особенности, предприняты попытки определить их научную значимость и историческую достоверность, а также пронаблюдать динамику научного мышления в рамках данной проблемы. Автор делит развитие знаний по данной проблематике на три этапа: первый – вторая половина XIX века – начало первых исследований по этногенезу и этнической истории узбекского народа; второй – первая половина XX века – период начала научной деятельности В.В. Бартольда; третий – вторая половина XX века – начало развития научных взглядов на этногенез и этническую историю народа, то есть формирование этногенетики в Узбекистане (Хошимова, 1997: 152-157).

Исследования, проведенные в первые годы независимости, были этапом общественного интереса к национальной истории народа. Было опубликовано много новых исследовательских работ о связи истории народа с тюркскими племенами и истории тюркских народов. Встреча первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова с историками и работниками СМИ, издание книги «Без исторической памяти нет будущего» ознаменовали новый этап в изучении этногенеза узбекского народа.

В фундаментальном труде К. Шаниязова «Процесс становления узбекского народа», изданном в 2001 году, подробно описаны подходы исследователей к вопросам этногенеза и этнической истории. Ученый показал, что узбекский народ сформировался на основе смешения коренных этносов, то есть в процессе сближения народов, говорящих на двух языках (турецком и иранском). Процесс смешения этносов, говорящих на двух языковых группах, в Средней Азии начался давно с

сак-массагетов, бактрийцев, хорезмийцев, согдийцев, тохаров и др., считает этнограф (см.: Шониёзов, 2001: 312). По словам К. Шаниязова, «следующие поколения эфталитов, т.е. племена гуннов, усуней и других тюркоязычных этносов, поселившихся в Мавераннахре в VII–VI вв. до н.э., находились в тесном контакте с оседлыми саками и другими ираноязычными народами, которые проживали в Семиречье и Мавераннахре. Затем этот пласт был смешан с коренным населением, в результате чего образовалась новая тюркоязычная этническая группа – кангары. Именно этот этнос, считает ученый, сформировал древнейший тюркский пласт, положивший начало формированию узбекского народа (Шониёзов, 2001: 85). Однако автор противоречит себе в некоторых своих положениях. Например, если вначале он пишет, что эфталиты пришли в VII–VI вв. до н.э., то в следующих параграфах автор утверждает, что нет точной информации о дате прихода этих племен в Мавераннахр (Шониёзов, 2001: 138). Этнограф делает вывод, что ни одно из бактрийских, согдийских, хорезмских, канговских, гуннских, тюркских, огузских, кимак-кипчакских и других племен, живших в Средней Азии, не образовало узбекский народ в прямом смысле. Однако потомки этих племен, образовавшихся после распада их союза, участвовали в формировании узбекского народа и его этногенетическом процессе (Шониёзов, 2001: 423).

В своих работах ученый опирался на концепцию национального «автохтонизма», характерную для советской эпохи. Следует отметить, что данная монография академика К. Шаниязова принадлежит к серии работ, основанных на взглядах примордиализма, широко распространенных сегодня в узбекской этнологии.

В 2002 году при поддержке гранта Института «Открытое общество» Фонда Сороса Соединенных Штатов Америки в Ташкенте был подготовлен сборник «Этнический атлас Узбекистана». В статье А. Ильхамова «Археология узбекской

идентичности» в этом сборнике формирование узбекского народа связано с переселением степно-кипчакских кочевых узбеков в Среднюю Азию в начале XVI века (Ильхамов, 2002: 273-274). Следует отметить, что эта статья А. Ильхамова подверглась критике со стороны ряда узбекских ученых, являющихся представителями примордиализма (см.: Алимова, Арифханова, Камолиддин, 2004: 72-85, Камолиддин, 2005: 52-55, Аскарлов, 2015: 50-52), потому что А. Ильхамов основывал свои взгляды на теории конструктивизма, которая противоречила научным взглядам, складывающимся в узбекской этнологии на протяжении многих лет. В статье, написанной Д.А. Алимовой, З.Х. Арифхановой и Ш.С. Камолиддином в соавторстве, подчеркивается, что для определения этногенеза узбеков необходимо обращаться не к истории дашти-кипчакских узбеков, а к этнической истории древнейших тюркоязычных слоев Средней Азии. Это даст возможность объективно оценить роль тюркоязычных племен в истории региона (см.: Алимова, Арифханова, Камолиддин, 2004: 79).

Ш. Камолиддин критикует статью А. Ильхамова «Археология узбекской идентичности» за отрицание того, что история формирования какой-либо этнической группы или народа может быть древней его имени, напоминая, что в мире есть множество случаев, подтверждающих это.

А. Аскарлов критикует А. Ильхамова за то, что он связывает происхождение узбекского народа с кочевыми узбеками Дашти-Кипчака, пришедшими с Шайбаниханом. По мнению академика Аскарлова, основное тюркское ядро, сформировавшее новый этнос в XI–XII веках, сложилось в результате многовекового смешения согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и чагцев, ферганцев и уструшанцев, говоривших на древнетюркском языке (см.: Аскарлов, 2015: 50-52).

Действительно, есть много вопросов к статье А. Ильхамова; к примеру, несмот-

ря на то что он пишет о своем намерении смотреть на происхождение узбекского народа через призму конструктивизма, в его статье можно обнаружить множество терминов, свойственных только примордиальному подходу. Со своей стороны добавим, что исследование происхождения узбекского народа продолжается, есть много гипотез того, как на самом деле это происходило. Однако после смерти в 2001 году этнолога К. Шаниязова практически не осталось специалистов по изучению этногенеза и этнической истории узбекского народа, что является еще одним препятствием в объективном рассмотрении этих проблем.

Среди нового поколения историков и этнологов особенно отличаются работы М. Аскарлова (Аскарлов, 2019; 2020). Анализируя, как представлена узбекская идентичность в англоязычных исследованиях, сопоставляя результаты с местными данными, исследователь приходит к выводу, что трактовка формирования узбекского народа с использованием только одного из подходов (примордиализма, конструктивизма или инструментализма) не дает полной картины всех процессов. Исходя из этого положения, он предложил в равной степени учитывать и примордиализм в изучении формирования основ какого-либо народа, и конструктивизм в кристаллизации его границ и разработке символов, а также инструментализм для укрепления и популяризации национальной идентичности народа внутри государства. Кроме того, М. Аскарлов предлагает опираться не только на «этнос» и все связанное с этим термином, но и наоборот, отдалиться от этнизации истории и делать акцент на разные идентичности (территориальную, религиозную, сословно-клановую), которые в большей степени имели место в Средней Азии, нежели этнические идентичности (см.: Аскарлов, 2019, 2020).

Изучение этногенеза и этнической истории узбекского народа требует более глубоких и всесторонних исследований с привлечением более широкого круга ре-

сурсов. Необходимо избавиться от некоторых ложных стереотипов о роли тюркских народов в истории и заблуждений, укоренившихся в исторической науке, чтобы дать объективную оценку вклада проведенных исследований в историческую науку. Также следует еще раз подчеркнуть, что этногенез отдельной нации – это вопрос не только научного, но и политического значения. Следовательно, он требует дальнейшего изучения экспертами, как среди историков, так и в более широком научном сообществе.

Заключение. Мы знаем, что новый период в истории народа непременно внесет новшества в историческую науку, люди будут уделять пристальное внимание изучению своей истории. В результате возникнут новые взгляды, подходы, концепции и новые противоречия внутри этой темы. В отличие от советских времен, в период независимости Узбекистана в публикациях по этногенезу и этнической истории узбекского народа формировались разные концепции, подходы и идеи. Можно сказать, что исследования, проведенные в первые годы независимости, были этапом общественного интереса к прошлому народа. Изучение истории, материального и духовного наследия узбекского народа ускорилося, и этот процесс, безусловно, был обусловлен целями и задачами государства, получившего политическую независимость. В этот период было написано и защищено первое историографическое исследование проблемы этногенеза и этнической истории узбеков, но научные взгляды, направленные на решение проблем происхождения узбекского народа, так и не были раскрыты полностью. В частности, появились различные исследования величия истории узбекского народа, начался поиск его истоков в далеком прошлом, в этносе, жившем в древнейшие времена. Однако попытки определения и описания величия народа подверглись резкой критике со стороны первого Президента Ислама Каримова. Поворотным моментом в изучении этногенеза узбекского народа стала встреча

И.А. Каримова с историками и представителями СМИ, после которой последовала публикация книги «Нет будущего без исторической памяти». На этом этапе были опубликованы крупные монографии, учебники и брошюры, научные статьи и сборники. По этой теме был проведен ряд конференций и семинаров. Примордиалистский подход нашел множество сторонников. Хотя крупных монографий по проблеме с 2016 г. не публиковалось, были написаны диссертации и научные статьи (Турсунов, 2019; Аскарлов, 2019, 2020, 2021; Askarov, 2021; Абиров, 2021 и др.). В связи этим можно сказать, что этногенетическое направление находится в процессе переосмысления, появилось несколько молодых ученых, которые знакомы с западными теориями происхождения народов и имеют иной взгляд на данную тему. Узбекская этнология находится на пороге нового этапа развития, где примордиализм и старые предубеждения утрачивают свои позиции, устаревшие не только в контексте современности, но и по содержанию.

Все выводы и суждения, высказанные в статье, являются выводами только автора статьи. Эти выводы не окончательные, и автор готов обсудить точки зрения других специалистов в этой области.

Литература

Абиров, В.Э. 1991-1998 – йилларида ўзбек халқининг келиб чиқишига оид тадқиқотлар [Исследование о происхождении узбекского народа в период 1991-1998 гг.] // Марказий Осиё ижтимоий тадқиқотлар журналі [Центральноазиатский журнал социальных исследований]. 2021. № 2 (1). С. 128-138 [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.37547/jcass/volume02issue01-a20> (дата обращения: 24.09.2021).

Абуший, Ҳ.А. Туркий қавмлар тарихи [История тюркских народов] / Нашрга тайёрловчи, сўнгсўз ва лугат муаллифи П. Равшан. Тошкент: Чўлпон, 1995. 240 б.

Алимова, Д.А., Арифханова, З.Х., Камолитдин, Ш.С. Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана // O'zbekiston tarixi [История Узбекистана] 2004. № 1. С. 72-85.

Аскарлов, А., Ахмедов, Б. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи. (дастлабки мулоҳазалар) [История происхождения узбекского народа. (первоначальные взгляды)] // “Ўзбекистон овози” газетаси. [Голос Узбекистана] 1994 йил. 20 январь. Б. 5.

Аскарлов, А.А. Икки қадимшуноснинг бир муаммога доир баҳслари ҳақида [Об аргументах двух археологов по одной проблеме] // O‘zbekiston arxeologiyasi [Археология Узбекистана]. 2016а. № 2 (13). Б. 91-95.

Аскарлов, А.А. “Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи” асари бўйича билдирилган мулоҳазаларга жавоб [Ответ на комментарии к книге “История происхождения узбекского народа”] // O‘zbekiston tarixi [История Узбекистана]. 2016б. № 1. Б. 69-77.

Аскарлов, А.А. Ўзбек халқи этногенез ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари [Некоторые теоретические и научно-методологические основы этногенеза и этнической истории узбекского народа] // Ўзбекистон тарихи [История Узбекистана]. 2002. № 4. Б. 54-60.

Аскарлов, А.А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари [Некоторые теоретические и научно-методологические основы этногенеза и этнической истории узбекского народа] // «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари [Материалы научно-методологического семинара]. Ташкент, 2004. Б. 3-10.

Аскарлов, А.А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи [История происхождения узбекского народа]. Тошкент: O‘zbekiston, 2015. 680 б.

Аскарлов, А.А. Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи [Этногенез и этническая история узбекского народа]. Тошкент: Университет, 2007. 339 б.

Аскарлов, М. Анализ категорий идентичности в конце XX – начале XXI века на территории современного Узбекистана (на основе англоязычных материалов) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 62-77. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-6.

Аскарлов, М. Англоязычная антропология о природе узбекской идентичности в конце XIX – начале XX вв. // Вестник антропологии.

2020. № 1. (49). С. 239-250. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-49-1/239-258.

Аскарлов, М. Развитие исторических и антропологических знаний о Центрально-Азиатском регионе в Западной Европе и США // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021а. Т. 7. № 2. С. 160-177. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-15.

Ахмедов, Б. Биз киммиз ўзи? [Кто мы такие?] // Шарқ юлдузи [Звезда востока]. 1992б. № 1. Б. 177.

Ахмедов, Б. Ўзбек улуси [Узбекский улус]. Тошкент: А. Қодирий номидаги халқ мероси, 1992а. 152 б.

Аширов, А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихига доир нашрлар ҳақида баъзи мулоҳазалар [Некоторые комментарии к публикациям по этногенезу и этнической истории узбекского народа] // O‘zbekiston tarixi [История Узбекистана]. 2013. № 2. Б. 63-72.

Аширов, А. Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихига оид монография ҳақида [О монографии по этногенезу и этнической истории узбекского народа] // O‘zbekiston tarixi [История Узбекистана]. 2015. № 3. Б. 80-87.

Жабборов, И. Ўзбек халқи этнографияси [Этнография узбекского народа]. Тошкент: Ўқитувчи, 1994. 320 б.

Ильхамов, А. Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 268-302.

Қамолитдин, Ш.С. О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана» // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 52-55.

Сағдуллаев, А. Бир баҳс-мунозаранинг қисқача таърифи [Краткое описание одной дискуссии] / “Марказий Осиё тарихи ва маданияти” тўплам. Тошкент, 2016. Б. 12-13.

Сағдуллаев, А. Проблема инноваций в учебном процессе (на примере изучения этногенеза и этнической истории) / “Ўзбекистон тарихи фанидаги инновациялар” тўплами. Тошкент, 2012. Б. 267-278.

Турсунов, Н.Н. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихи [Этногенез и этническая история узбекского народа] // Ўтмишга назар [Взгляд в прошлое]. 2019 йил. № 6. Б. 19.

Ҳошимова, Д.Ф. В.В. Бартольд асарларида ўзбек халқи этногенези ва этник тарихи масалаларининг ёритилиши [Освещение вопросов этногенеза и этнической истории узбекского народа в трудах В.В. Бартольда.]. Тошкент, Ўқитувчи, 1997б. 16 б.

Ҳошимова, Д.Ф. Ватан тарихшунослигида ўзбек халқининг этник тарихи ва этногенезининг ўрганилиши (XIX аср ўрталари XX аср) [Изучение этнической истории и этногенеза узбекского народа в национальной историографии (середина XIX - XX вв.)]: тарих фан номзод... дис. [автореферат дис. канд. ист. наук] Ташкент, 1997а. 162 б.

Шониёзов, К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни ҳақида баъзи фикр-мулоҳазалар [Некоторые мысли о процессе становления узбекского народа] // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар [Социальные науки в Узбекистане]. 1996а. № 6. Б. 79-87.

1. Шониёзов, К. Ўзбек халқи этногенезининг айрим назарий масалалари [Некоторые теоретические вопросы этногенеза узбекского народа] // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар [Социальные науки в Узбекистане]. 1998. № 6. Б. 31-44.

Шониёзов, К.Ш. Темур ва темурийлар даврида Мовароуннахр аҳолисининг этник таркиби [Этнический состав населения Мовароуннахра в период правления Тимура и Тимуридов] // Шарқшунослик [Востоковедение]. 1996б. № 7. Б. 143-153.

Шониёзов, К.Ш. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни [Процесс становления узбекского народа]. Тошкент: Шарқ, 2001. 464 б.

Дониёров, А.Х. История развития этнографических знаний в Узбекистане: основные направления и результаты (вторая половина XIX в. – 30-е годы XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1997. 148 с.

Askarov, M. Central Asia: a new history from the imperial conquests to the present // *Ethnic and Racial Studies*. 2021b [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2021.1973055>

(дата обращения: 24.09.2021).

Askarov, M. Mongolia: a political history of the land and its people // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 44. No 8. 2021c. P. 1399-1401. DOI: 10.1080/01419870.2020.1824002.

References

Abirov, V. E. (2021), "Study of the origin of the Uzbek people in 1991-1998", *Journal of Central Asian Social Studies*, 2 (01), 128-138 [Online] URL: <https://doi.org/10.37547/jcass/volume02issue01-a20> (Accessed 24 September 2021) (in Uzb.).

Abushiy, H. A. (1995), *Turkiy qavmlar tarixi* [History of Turkic peoples], Cho'lon, Tashkent (in Uzb.).

Ahmedov, B. (1992a), *O'zbek ulusi* [Uzbek ulus], A. Qodiriy nomidagi khalq merosi, Tashkent, Uzbekistan (in Uzb.).

Ahmedov, B. (1992b), "Who are we", *Sharq yulduzi* [Star of the East], 1, 177 (in Uzb.).

Alimova, D. A., Arifxanova, Z. Kh. and Kamoliddin, Sh. S. (2004), "What shouldn't be an ethnic atlas of Uzbekistan", *O'zbekiston tarixi* [History of Uzbekistan], 1, 72-85 (in Russ.).

Ashirov, A. (2015), "About the monograph on ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek people", *O'zbekiston tarixi* [History of Uzbekistan], 3, 80-87 (in Uzb.).

Ashirov, A. (2013), "Some comments on publications on ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek people", *O'zbekiston tarixi* [History of Uzbekistan], 2, 63-72 (in Uzb.).

Askarov, M. M. (2019), "Analysis of categories of identity in the late 20th – early 21st centuries on the territory of modern Uzbekistan (based on English-language materials)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (4), 62-77, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-6 (in Russ.).

Askarov, M. M. (2021a), "Development of historical and anthropological knowledge about the Central Asian region in the Western Europe and USA", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (2), 160-177, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-15 (in Russ.).

Askarov, M. (2020), "English-speaking anthropology on the nature of Uzbek identity in the late 19th - early 20th centuries", *Bulletin of Anthropology*, 1 (49), DOI: 10.33876/2311-0546/2020-49-1/239-258 (in Russ.).

Askarov, M. (2021b), "Central Asia: a new history from the imperial conquests to the present", *Ethnic and Racial Studies* [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/01419870.2021.1973055> (Accessed 24 September 2021).

Askarov, M. (2021c), "Mongolia: a political history of the land and its people", *Ethnic and Racial Studies*, 44 (8), 1399-1401, DOI: 10.1080/01419870.2020.1824002.

Asqarov, A. A. (2016a), "On the arguments of two archaeologists on the same issue", *O'zbekiston arxeologiyasi* [Archeology of Uzbekistan], 2 (13), 91-95 (in Uzb.).

Asqarov, A. A. (2007), *O'zbek khalqining etnogenezi va etnik tarixi* [Ethnogenesis and eth-

nic history of the Uzbek people], Universitet, Tashkent (in Uzb.).

Asqarov, A. A. (2015), *O'zbek khalqining kelib chiqish tarixi* [History of the origin of the Uzbek people], Tashkent, Uzbekistan (in Uzb.).

Asqarov, A. A. (2016b), "Response to comments on the book 'History of the origin of the Uzbek people'", *O'zbekiston tarixi* [History of Uzbekistan], 1, 69-77 (in Uzb.).

Asqarov, A. A. (2002), "Some theoretical and scientific-methodological foundations of ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek people", *O'zbekiston tarixi* [History of Uzbekistan], 4, 54-60 (in Uzb.).

Asqarov, A. A. (2004), "Some theoretical and scientific-methodological foundations of ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek people", *"O'zbek khalqining kelib chiqishi: ilmiy-metodologik yondashuvlar, etnogenetik va etnik tarix" mavzusidagi Respublika ilmiy-nazariy seminar materiallari* [Materials of the scientific and methodological seminar], Tashkent, 3-10 (in Uzb.).

Asqarov, A., Akhmedov, B. (1994), "History of the origin of the Uzbek people. (initial views)", *O'zbekiston ovozi* [Voice of Uzbekistan], 5 (in Uzb.).

Doniyorov, A. Kh. (1997), History of the development of ethnographic knowledge in Uzbekistan: main directions and results (second half of the 19th century - 30s of the 20th century), Abstract of Ph.D. dissertation, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Ikhamov, A. (2002), "Archeology of Uzbek Identity", *Etnichesky atlas Uzbekistana* [Ethnic Atlas of Uzbekistan], Tashkent, 268-302 (in Russ.).

Jabborov, I. (1994), *O'zbek khalqi etnografiyasi* [Ethnography of the Uzbek people], O'qituvchi, Tashkent, Uzbekistan (in Uzb.).

Kamoliddin, Sh. S. (2005), "On the concept of ethnogenesis in the 'Ethnic Atlas of Uzbekistan'", *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1, 52-55 (in Russ.).

Khoshimova, D. F. (1997a), Study of the ethnic history and ethnogenesis of the Uzbek people in national historiography (mid-19th – 20th centuries), Abstract of Ph.D. dissertation, Tashkent, Uzbekistan (in Uzb.).

Khoshimova, D. F. (1997b), *V. V. Bartold asarlarida o'zbek xalqi etnogenezi va etnik tarixi masalalarining yoritilishi* [Coverage of the issues of ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek

people in the works of V. V. Barthold], O'qituvchi, Tashkent, Uzbekistan (in Uzb.).

Sagdullayev, A. (2016), "Brief description of one discussion", *"Markaziy Osiyo tarixi va madaniyati" to'plam* [History and culture of Central Asia], Tashkent, 12-13 (in Uzb.).

Sagdullayev, A. (2012), "The problem of innovations in the educational process (on the example of studying ethnogenesis and ethnic history)", *"O'zbekiston tarixi fanidagi innovatsiyalar" to'plami* [Collection "innovations in the history of Uzbekistan"], Tashkent, 267-278 (in Russ.).

Shoniyozov, K. Sh. (1996b), "Ethnic composition of the population of Movarounnahr during the reign of Timur and Timurids", *Sharqshunoslik* [Oriental Studies], 7, 143-153 (in Uzb.).

Shoniyozov, K. Sh. (2001), *O'zbek khalqining shakllanish jarayoni* [The process of formation of the Uzbek people], Sharq, Tashkent, Uzbekistan (in Uzb.).

Shoniyozov, K. (1998), "Some theoretical questions of the ethnogenesis of the Uzbek people", *O'zbekistonda ijtimoiy fanlar* [Social sciences in Uzbekistan], 6, 31-44 (in Uzb.).

Shoniyozov, K. (1996a), "Some thoughts on the process of formation of the Uzbek people", *O'zbekistonda ijtimoiy fanlar* [Social sciences in Uzbekistan], 6, 79-87 (in Uzb.).

Tursunov, N. N. (2019), "Ethnogenesis and ethnic history of the Uzbek people" *O'tmishga nazar* [A look into the past], 6, 19 (in Uzb.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Абилов Валишер, аспирант кафедры истории народов Центральной Азии и этнологии, Ташкентский государственный университет востоковедения, ул. Шахрисабз, д. 25, г. Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; abirovvalisher@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Valishel Abirov, Postgraduate Student of the Department of the History of the People of Central Asia and Ethnology, Tashkent State University of Oriental Studies, 25 Shakhrisabz St., Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; abirovvalisher@gmail.com

УДК 008.001

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-10

Нанкевич А. А. | Категоризация цвета в детском возрасте (0-7 лет):
обзор современных исследований

Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, г. Смоленск, 214000,
Россия; alena.nankevitch@yandex.ru

Аннотация. Изучение категоризации цвета у детей представляет большой интерес для исследователей из разных областей науки и содержит значительный потенциал прикладного характера. Однако в первую очередь данный вопрос является уделом когнитивной лингвистики, нейропсихологии, педагогики и культурологии.

Для оценки актуальных направлений в изучении категоризации цвета в дошкольном возрасте был произведен отбор эмпирических исследований в базах данных Google Scholar, eLIBRARY.RU, ScinceDirect, ResearchGate, которые далее были распределены в зависимости от возраста информантов на три группы: категоризация цвета в периоды младенчества (от 0 до 1 года), раннего детства (от 1 года до 3 лет) и дошкольного возраста (от 3 до 7 лет). Для каждой группы были описаны когнитивные и лингвистические особенности, связанные с процессами категоризации и концептуализации, проанализирована методология и степень ее вариативности, рассмотрены наборы цветовых стимулов, применявшихся в исследованиях, обозначены основные результаты отобранных исследований в соответствии с указанной периодизацией детства.

Проведенный анализ научных публикаций показал, что исследователи уделяют больше всего внимания изучению категоризации цвета в возрастной группе детей от 3 до 7 лет – это можно объяснить большей степенью готовности детей к выполнению экспериментальных задач и возможностью привлечения различных средств для погружения ребенка в игровую ситуацию, что позволяет удерживать его внимание и существенно разнообразить структуру и содержание выполняемых задач. Кроме того, этот возраст интересен с точки зрения освоения детьми цветоименований и их связи с цветовыми категориями. Поэтому задачи наименования и понимания в различных вариациях используются исследователями больше всего в обозначенной возрастной группе. Количество категорий цвета, изучение которых проводилось в рамках отобранных исследований, увеличивается прямо пропорционально возрасту информантов: 2–4 категории в период младенчества, 3–11 категорий в период раннего детства и 7–22 в дошкольный период. Влияние языка и культуры на процесс формирования категорий цвета представляет собой перспективное направление в данной области исследований, так как среди отобранных публикаций информантами в основном были представители англоязычной культуры, монолингвы, что не позволяет говорить о культурном или языковом разнообразии проведенных исследований и, следовательно, требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: категоризация цвета; термины цвета; младенчество; раннее детство; дошкольники; обзор научных исследований

Для цитирования: Нанкевич А. А. Категоризация цвета в детском возрасте (0–7 лет): обзор современных исследований. 2021. Т. 7. № 4. С. 132-144. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-10

A. A. Nankevich

**Color categorization in childhood (0-7 years):
review of current research**

Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000, Russia;
alena.nankevitch@yandex.ru

Abstract. The study of color categorization in children is of great interest to researchers from various fields of science and represents certain potential of an applied nature. However, this issue is considered mostly by cognitive linguistics, neuropsychology, pedagogy, and cultural studies.

To assess current trends in the study of color categorization in preschool age, empirical studies were selected and further divided, depending on the age of the informants, into three groups: color categorization in infancy (0-1), early childhood (1-3) and preschool age (3-7). For each group, the cognitive and linguistic features associated with the processes of categorization and conceptualization were described, the methodology and its variability were analyzed, the sets of color stimuli used in the studies were considered, the main results of the selected studies were indicated in accordance with the periodization of childhood.

The formation of color categories in childhood is important from the point of view of understanding the cognitive abilities of a child, their perception of the world. The knowledge of color categorization peculiarities in children may be applied to achieve such purposes as improving cognitive organization, increasing the development of semantic memory and attention, and elaborating some new teaching methods.

Key words: color categorization; color terms; infancy; early childhood; preschoolers; research review

For citation: Nankevich A. A. (2021), “Color categorization in childhood (0-7 years): review of current research”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 132-144, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-10

Введение

Категоризация цвета. Известный американский психолог Уильям Джеймс назвал мир «цветущей гудящей неразберихой» (James, W. et al., 1890: 488). Чтобы справиться с этим потоком информации, люди создают категории и концепты. Категоризация позволяет кодифицировать действия, переживания и явления в соответствии с их определяющими характеристиками или качествами, тем самым предоставляя высокоэффективные средства разграничения информации и сохранения того, что является существенным

(Rosch, 2005). Посредством группировки концептов категоризация сокращает объем когнитивных усилий, направленных на обработку воспринимаемых цветовых стимулов, позволяя классифицировать некоторые различимые стимулы как эквивалентные.

Из всех категорий, используемых людьми, цветовые категории имеют особый статус в силу ряда причин. Категории цвета – это категории восприятия, они относятся к непосредственному восприятию хроматических стимулов. Являясь когнитивными по своей сути, цветовые катего-

рии организованы в таксономии, т. е. им присущи систематические принципы классификации и расположения элементов и они упорядочены иерархически: более абстрактные и общие категории включают в себя более специфичные (Fiske, 1998). Категории цвета, связанные с цветообозначениями, лучше выражены и закреплены в сознании и, следовательно, более широко используются, быстрее вспоминаются и лучше запоминаются, чем перцептивные категории.

На сегодняшний день ведутся дебаты относительно механизмов категоризации цвета и факторов, влияющих на образование категорий цвета. Изучение формирования категорий цвета у разновозрастных детей позволяет сопоставить экспериментально полученные данные и оценить степень влияния языка и культуры на организацию категорий цвета. В то же время комплексного анализа исследований, посвященных данной проблеме, учитывающего особенности развития ребенка в определенные периоды детства, за последнее время не было проведено. Целью настоящей статьи является обзор актуальных направлений исследований категоризации цвета у дошкольников. В задачи исследования входит (1) анализ и сравнение методологий, применяемых по отношению к детям с разным возрастом и уровнем владения родным языком, (2) определение спектра категорий цвета, на основе которых проводятся исследования, и (3) определение степени культурного разнообразия информантов.

Метод отбора исследований. Материалом исследования послужили статьи эмпирического характера, взятые из баз данных Google Scholar, eLIBRARY.RU, ScinceDirect, ResearchGate. Поиск проводился с использованием терминов «категории цвета», «категоризация цвета», «дети». Поиск по ключевым словам осуществлялся в заголовках и/или аннотациях. Критерии отбора статей включали:

а) дату публикации (2001–2021 гг.);

б) тематику (информанты – дети и/или взрослые без каких-либо отклонений, связанных с развитием и/или здоровьем);

в) характер исследования (исследование категорий цвета у детей имеет эмпирический характер);

г) возраст детей, принимавших участие в исследовании (0–7 лет).

Проведенный поиск источников литературы по цветовой категоризации у детей выявил значительные пробелы в отечественной науке: из общего количества исследований (N=231) было обнаружено всего 27 статей на русском языке. Большая часть найденных работ (N=63) была опубликована в течение последних 5 лет (2017–2021 гг.) в журналах «Экспериментальная детская психология» [“Journal of Experimental Child Psychology”] (20), «Познание» [“Cognition”] (15), «Когнитивная психология» [“Cognitive Psychology”] (10) и др.

В соответствии с обозначенными критериями, в корпус исследования, который составил 27 статей, вошли только две работы отечественных ученых (Гончаров, Князев, 2012; Гончаров, Романов, 2014), что свидетельствует, с одной стороны, о недостаточном внимании наших ученых к изучению цветовой категоризации у детей и, с другой стороны, об актуальности исследований в данном направлении.

Результаты

Нейропсихологические особенности развития детей. Когнитивные способности маленьких детей прогрессивно развиваются под влиянием внешних факторов и внутренних изменений, таких как синаптогенез, миелинизация аксонов и ветвление дендритов (Alvarez, Sabatini, 2007). Пик синаптогенеза в префронтальной коре приходится на 12–18 месяцев, при этом сам процесс активно протекает в первые 10 лет жизни ребенка, и эта нейронная незрелость ограничивает рабочую память и, следовательно, всю когнитивную деятельность, которая зависит от нее. Созревание префронтальной коры ведет к развитию

способностей планировать, организовывать и принимать решения (Qinn et al., 2014). Определенную роль в развитии нейронных цепей играют переживания детей и степень значимости использования тех или иных нейронных соединений, так как мало задействованные схемы подвержены инерции или разрушению (Hockfield, Kalb, 1993). Хотя до сих пор существуют значительные разногласия относительно последовательности и природы концептуального развития, многие эксперты согласны с тем, что этот процесс начинается почти сразу же, как только младенцы способны воспринимать и отслеживать объекты (Quinn, 2004), что согласуется с наличием активности в соматосенсорной коре с момента появления ребенка на свет. Изначально категории, в том числе и категории цвета, объемны и не имеют четких границ (Wagner et al., 2013), но по мере взросления ребенка они становятся более структурированными.

Проведенный анализ научных публикаций, посвященных проблеме категоризации цвета у детей до 7 лет, позволил разделить их на три группы в соответствии с возрастной периодизацией детства: (1) исследование категорий цвета в младенчестве, (2) раннем детстве и (3) дошкольном периоде. Последнему возрастному этапу уделяется больше всего внимания исследователей, так как по сравнению с предыдущими периодами детства, существенно меняются тип мышления, степень владения родным языком, объемы памяти и внимания. В зависимости от типа мышления, который определяет стратегию когнитивного поведения ребенка, в последней группе можно выделить две подгруппы: младший дошкольный возраст (3–4 года) и старший дошкольный возраст (5–7 лет). Для первой подгруппы характерен наглядно-образный тип мышления, который проявляется в способности создавать и воспроизводить образы. В возрасте 5–7 лет добавляется словесно-логический тип мышления, благодаря чему ребенок может не просто констатировать факты, но

и анализировать их. Перечисленные особенности мышления не могли не найти отражение в методологии анализируемых исследований относительно указанного возраста: она намного разнообразнее и отличается по сложности и количеству задач, проводимых в рамках исследований. Для сравнения можно привести следующие данные: в период младенчества основной метод изучения реакции на цвет – отслеживание фиксации взгляда, набор стимулов состоит из 2–4 цветов (Franklin et al., 2005; Franklin et al., 2008; Ozturk et al., 2013; Skelton et al., 2016). В целях изучения категоризации цвета у детей 1–3 лет к этому методу добавляются задачи на понимание и называние цветов, при этом количество стимулов увеличивается от 3 до 12 цветов. Опыты, направленные на исследование категоризации цвета у дошкольников, включают уже от 2 до 5 задач с привлечением различных дополнительных материалов и инструментов: игрушки, обучающие видео, оборудование со специальным освещением, цветные диски и т. д. Количество цветowych стимулов в экспериментальном наборе составляет от 7 до 22-х.

Категоризация цвета в период младенчества (0–1 год). Категоризация начинается в младенчестве с поиска перцептивных сходств (French, et al., 2004), при этом перцептивные качества имеют большее значение для детей, чем для взрослых (Rakison, 2000). Методы предпочтения новизны¹ продемонстрировали, что младенцы в возрасте от трех месяцев способны определять основные категории, такие как цвет (Franklin, Davies, 2004; Owen, 2021).

¹ Метод предпочтения новизны представляет собой процедуру, которая объединяет две фазы. Фаза ознакомления заключается в многократной демонстрации одного оттенка. Во время фазы тестирования знакомый оттенок демонстрируется вместе с новым оттенком в четырех испытаниях. Далее рассчитывается время просмотра нового оттенка относительно тестового оттенка в период фазы тестирования (предпочтение новизны).

Ж.М. Мандлер утверждает, что дети рождаются со способностью формировать сенсомоторные и аналитические представления. В противоположность гипотезе Сепира-Уорфа исследователь предполагает, что врожденное человеческое желание создавать категории возникает первым и обеспечивает основу, на которую затем накладываются слова (Mandler, 2004). Слова и понятия впоследствии взаимодействуют, дополняя и обогащая друг друга: дети старшего возраста лучше идентифицируют лексикализованные категории (Graham, Kilbreath, 2007).

При изучении цветовой категоризации у младенцев экспериментально было доказано, что ее основа имеет перцептивный характер, и она частично организована и ограничена биологическими механизмами цветового зрения, а не произвольно построена языком (Skelton et al., 2016). При сравнении фиксации цветовой цели четырехмесячными младенцами и взрослыми было установлено, что у первых наблюдается категориальный ответ (различение синего и зеленого цветов) (Franklin et al., 2005). Наличие категориального эффекта подтвердилось и у восьмимесячных младенцев посредством отслеживания реакции глаз на цветовые пары «синий – зеленый» и «синий – фиолетовый» (Ozturk et al., 2013).

Согласно исследованию А.Е. Скелтон и соавторов (Skelton et al., 2016), которое было проведено с 4–6-месячными младенцами, их рабочая память делит цветовой континуум на красный, желтый, зеленый, синий и фиолетовый цвета. Данный факт был установлен посредством систематического отображения категориальной памяти младенцев в процессе распознавания оттенков. С этой целью записывалось время фиксации взгляда при просмотре массива стимулов, который ранее использовался для документирования цветowych

терминов 110 бесписьменных языков. Эксперимент также показал, что категориальные различия младенцев организованы во круг оттенков, которые лежат в основе лингвистических категорий цвета в разных языках.

Сравнительно-сопоставительное исследование А. Франклин и соавторов (Franklin et al., 2008) цветовой категоризации 4–9-месячных детей показало приоритет первичных основных цветов над вторичными при их парном сопоставлении: младенцы дольше фиксировали взгляд на первичных цветах, однако при рассмотрении цветов по отдельности явное преимущество по длительности фиксации взгляда получил только красный цвет, при этом наименьший период восприятия был зафиксирован для розового и коричневого цветов. Эти ранние различия восприятия определенных цветов в младенчестве могут взаимодействовать с культурными факторами в процессе формирования цветowych предпочтений и освоения цветowych терминов.

Развитие категоризации цвета в раннем детстве (1–3 года). Исследования когнитивных способностей детей показывают, что в этот период они начинают приобретать первичные навыки абстрагирования от перцептивных особенностей предметов (French et al., 2004; Mareschal, Quinn, 2001), чему немало способствует овладение родным языком, пусть и в весьма ограниченном объеме.

Среди цветоименований существует четкая иерархия (см. таблицу). Лингвисты выделяют основные и оттеночные цветообозначения (Berlin, Kay, 2013). Оттеночные цвета представляют отдельный интерес для исследователей, так как на их примере хорошо проявляется лексическая и грамматическая вариативность терминов цвета (Грибер, Милонас, 2015).

Таблица. Классификация цветообозначений
 Table. Color terms classification

Цветообозначения / Color designations		Неосновные (оттеночные, дополнительные) / Additional colors, shades
Основные / Primary colors		
Хроматические / Chromatic colors	Ахроматические / Achromatic colors	бирюзовый, светло-красный, бежевый и другие подобные
Простые (первичные) / Simple (primary) colors	черный, белый, серый	
красный, желтый, синий, зеленый		
Составные (смешанные, вторичные) / Composite (mixed, secondary) colors		
	розовый, фиолетовый, оранжевый, коричневый	

Изучение терминов цвета – процесс, который начинается в возрасте 18 месяцев и развивается медленно, по мере того как дети узнают расположение границ каждой категории цвета, пока не будет достигнуто четкого понимания категории цвета, каким оно является у взрослых. Порядок не имеет особого значения, тем не менее, первыми, по словам родителей, дети запоминают первичные цвета: красный и синий, затем желтый и зеленый (Forbes, Plunkett, 2017).

Малыши испытывают значительные трудности с усвоением первых нескольких цветовых терминов. Одно из объяснений этих трудностей состоит в том, что изначально им не хватает концептуального представления цвета, достаточно абстрактного, чтобы поддерживать значение слова. К. Ковальски и Х. Зимилес, проведя исследование среди детей в возрасте от 25 до 39 месяцев и от 20 до 32 месяцев, доказали, что до изучения цветообозначений дети не представляют цвет как абстракцию. При оценке возможностей детей концептуально представлять цвета и знания ими цветовых терминов, исследователи обнаружили сильную зависимость между

способностью делать выводы на основе визуально воспринимаемого цвета и пониманием цветообозначений. Дети, которые не понимали терминов цвета, не смогли выполнить концептуальную задачу, где было необходимо представление цвета как свойства, независимого от конкретных объектов, которые он характеризовал (Kowalski, Zimiles, 2006).

К. Вагнер и соавторы, проведя анализ ранних ошибок в терминах цвета, пришли к выводу, что, прежде чем обрести понимание, которое вкладывают в цветообозначения взрослые, дети выдвигают систематические гипотезы об их значениях, что указывает на больший объем значений терминов цвета у детей, чем у взрослых (Wagner et al., 2013). Таким образом, задержка между воспроизведением терминов цвета и их «взрослым» пониманием связана не с трудностями абстрагирования цвета, а в значительной степени с проблемой определения семантических границ цветообозначений, образованных конкретными языками.

Ряд проведенных исследований (Sandhofer, Doumas, 2008; Forbes, Plunkett,

2019) позволил выявить некоторые особенности и стратегии обучения детей от двух до трех лет. Было установлено следующее: когда представление предметов упорядочено таким образом, что отдельные категории могут быть более легко связаны в памяти, изучение категорий происходит более продуктивно. Обучение путем взаимодействия с ограниченным набором очень похожих примеров приводит к лучшему усвоению, чем если категорий несколько и они сильно отличаются. Положительный эффект на запоминание цветов оказывает интервальное обучение. Влияние интервалов на обучение 24 детей в возрасте от 2 до 3,5 лет проверялось на категориях, организованных по свойствам, которые были известны из предыдущего опыта обучения (например, по форме), и по свойствам, на которые дети менее склонны обращать внимание (фактура и цвет). Разнесенные во времени презентации различных предметов по сравнению с массовыми презентациями привели к значительному прогрессу в изучении категории формы, чего не было зафиксировано по отношению к категориям фактуры или цвета. Таким образом, предвзятость внимания детей повлияла на типы категорий, для которых интервалы способствовали обучению (Slone, Sandhofer, 2016). Из чего следует, что внимание и память детей на новые категории предметов тесно связаны с их индивидуальной историей заучивания слов. Малыши систематически фиксируют в памяти цвет предмета тогда и только тогда, когда они знают название цвета воспринимаемого предмета. Знание обозначений перцептивных характеристик может играть центральную роль в выявлении существенных сходств между предметами, как присутствующими, так и отсутствующими в поле зрения ребенка (Forbes, Plunkett, 2019).

Развитие категоризации цвета в дошкольный период (3–7 лет). Исследования, проведенные в возрастной группе от двух до пяти лет, были направлены на выявление связи между категориальным

восприятием и цветообозначениями, что представляет определенный интерес по сравнению с предыдущим возрастным периодом, где освоение родного языка только начинается и категоризация цвета менее подвержена влиянию культурных и лингвистических факторов.

Существует мнение, что категоризация высшего уровня не появляется до шестого года (Fang et al., 1991). Однако, согласно недавнему исследованию (Owen, 2021), такое утверждение – результат недооценивания когнитивных способностей детей и следствие несовершенства методов тестирования.

Ж.М. Мандлер считает, что, хотя категории восприятия формируются как естественная часть процесса восприятия, концептуальная или тематическая категоризация способна задействовать целый ряд различных характеристик, использующих сенсорные модальности (Mandler, 2004).

Н.Дж. Пичфорд и К.Т. Муллен установили, что ответы детей в задачах, проверяющих знание основных цветоименований, различаются в зависимости от типа задачи и степени владения родным языком, что не соответствует систематическому порядку развития концептуальной системы цвета (Pitchford, Mullen, 2002). Кроме того, лишь частично подтвердилась гипотеза Берлина и Кея о том, что основные цветоименования (красный, зеленый, синий, желтый, черный, белый) концептуализируются детьми раньше вторичных и неосновных. Исследователи также показали, что перцептивные цветовые категории оказывают влияние на формирование концептуального цветового пространства в период усвоения основных цветоименований (с трех лет и далее). Изучение степени постоянства восприятия цвета у детей 3–4 лет (Rogers et al., 2020) при разном освещении выявило положительную взаимосвязь между устойчивостью идентификации цвета и знанием цветообозначений: у детей, которые знали больше цветообозначений, постоянство восприятия цвета было лучше, что под-

тверждает взаимовлияние языка и восприятия в когнитивном развитии человека.

Д. Роберсон с соавторами (Roberson et al., 2004), исследуя применимость теории лингвистической относительности цветовых категорий к процессу их усвоения детьми, установили посредством непрерывного трехлетнего наблюдения за двумя группами детей (исходный возраст 3–4 года), говорящих на английском языке и на языке химба, что, несмотря на различия в визуальной среде, языке и образовании, они демонстрировали схожие модели усвоения терминов. Обе группы приобрели словарный запас, состоящий из терминов цвета, медленно и с большим индивидуальным разнообразием. Те, кто не знал терминов цвета, совершали ошибки распознавания, основанные на расстоянии восприятия, и влияние усвоенных цветообозначений на память с возрастом увеличивалось, и это позволило ученым предположить, что исходный цветовой континуум, управляемый восприятием, постепенно организовывается в категории под влиянием культуры и языка.

Однако А. Франклин и соавторы при сравнении детей с тем же языковым набором (английский и химба) не обнаружили межкультурных различий в степени категориального восприятия (Franklin et al., 2005). Оно не зависело от разницы в объеме значений основных цветообозначений, количество которых в языке химба вдвое меньше, чем в английском языке, и не было сильнее у детей с более развитыми знаниями терминов цвета. Исследователи предположили, что знание терминов цвета не влияет на категориальное восприятие, по крайней мере, на ранних этапах детства, что подтверждает гипотезу Берлина и Кея (Berlin, Kay, 1969). В отличие от исследования Д. Роберсон и соавторов, где эксперимент состоял из задач наименования, понимания и запоминания цветов (Roberson et al., 2004), данная группа ученых проводила испытания в рамках первых двух аспектов.

Противоречивые данные предыдущих двух исследований были проверены Дж. Гольдштейн и соавторами (Goldstein et al., 2009), которые отметили важность усвоения терминов цвета носителями химба и английского языка для формирования как цветовых категорий, так и категориального восприятия. В одном из двух проведенных экспериментов было воспроизведено превосходство распознавания между категориями, обнаруженное у детей, говорящих на языке химба, А. Франклин и соавторами для сине-фиолетового диапазона (Franklin et al., 2005). Но дети химба, в языке которых нет отдельных терминов для зеленого и синего, не показали межкатегориального преимущества для этого набора; скорее, они вели себя как английские дети, не знающие этих терминов цвета.

Основное внимание исследователей, изучавших возрастную группу 5–7 лет, было направлено на выявление различных факторов, влияющих, с одной стороны, на усвоение и последующее использование в детской речи терминов цвета, а с другой – на перцептивную категоризацию.

Исследование категориальных эффектов в цветовом поиске детей в возрасте от четырех до семи лет (Daoutis et al., 2006) показало, что производительность поиска была значительно выше, когда цель и отвлекающие факторы принадлежали к разным категориям. Исследователи также отметили отсутствие категориального эффекта в случае, когда два цвета не разграничивались в языке, например, синий–зеленый в языках химба и кваньяма. Объем набора цветообозначений сказался на стратегии цветового поиска: дети, говорящие на английском языке, выполняли управляемый поиск с использованием цветообозначений, несмотря на то, что задача заключалась в визуальном поиске определенного цвета, который соответствовал целевому цветовому стимулу.

М. Фатеминия и соавторы обнаружили значительную корреляцию между восприятием вкуса и основными (первичными и вторичными) цветами в цветовом круге

Иттена (Fateminia et al., 2020). При сравнении полученных результатов с данными более раннего идентичного исследования вкусовых восприятий взрослых иранцев выяснилось, что участники обеих групп воспринимали вкус вторичных цветов как вкус, общий для двух составляющих их основных цветов, например, желтый (кислый) + синий (безвкусный) = зеленый (кислый).

Взаимосвязь ограниченности рабочей памяти ребенка и неограниченных способностей к усвоению большого объема информации, в том числе цветовых категорий, представляет собой актуальную проблему. Известно, что взрослые объединяют знания категорий и шумные эпизодические следы, т. е. временные связи в коре головного мозга, сопряженные с его случайной электрической активностью во время работы эпизодической памяти, чтобы легче вспоминать, когда эпизодическая память зашумлена или неполна (Hemmer, Steyvers, 2009). К. Персо и соавторы предположили, что дети используют аналогичный подход, но в разной степени интегрируют категориальные и эпизодические следы (Persaud et al., 2021). Для проверки гипотезы сначала оценивался уровень знания категорий цвета, затем – способность вспомнить цветообозначения различных оттенков. Границы категорий цвета у детей оказались менее четкими, чем у взрослых, но существенной разницы между эталонными значениями цветовых категорий (прототипами) у детей и взрослых обнаружено не было, что указывает на прочное знание цветовых категорий детьми дошкольного возраста. Далее было установлено, что дети, как и взрослые, используют интегративный подход (категориальные знания и конкретную информацию) для фиксации в памяти групп предметов. Однако на уровне отдельных предметов большая часть воспоминаний дошкольников лучше соответствовала модели «только прототип», т. е. они вспоминали наиболее типичный образец для группы представленных предметов. Таким образом, интегра-

ция категориальных знаний в эпизодическую память происходит довольно рано и прочно, а их использование является важным механизмом, лежащим в основе эпизодической памяти.

Н.Дж. Пичфорд и соавторы обнаружили связь между цветовыми предпочтениями и усвоением новых цветовых терминов у детей 3–4 лет (Pitchford et al., 2009). Предпочтение цвета влияет на процесс усвоения цветообозначений, направляя внимание к определенному цвету или от него, делая его более или менее запоминающимся. Экспериментальное исследование, в ходе которого было проверено вышеуказанное утверждение, включало задачи выявления цветовых предпочтений, различения цветов, изучения новых цветовых терминов, а также проверку памяти и внимания. Информанты были разделены три группы: дошкольники, дети младшего школьного возраста и взрослые. Полученные данные свидетельствуют о том, что внутрикатегориальные цветовые предпочтения возникают у детей по мере взросления. Наиболее предпочтительные цвета называются значительно точнее, чем наименее предпочтительные, потому перцептивная значимость цвета играет в некоторой степени посредническую роль в определении взаимосвязи между цветовыми предпочтениями и когнитивной обработкой цвета.

Причины трудностей (ограничения внимания и/или языка), которые испытывают дошкольники при изучении цветообозначений, а также стратегии, скорость и степень обучения терминам цвета (бежевый, малиновый, бирюзовый) были исследованы К. О'Хэнлон и Д. Робертсон. Обучение терминам цвета проводилось посредством «корректирующего, семантического или референциального лингвистического контраста» (O'Hanlon, Roberson, 2006: 275). Корректирующий контраст приводит к более быстрому и продуктивному обучению, чем семантический или референциальный, подтверждая гипотезу о том, что целевая лингвистическая об-

ратная связь облегчает обучение. Сравнив результаты обучения английских и итальянских детей терминам цвета, исследователи выявили межкультурные различия в количестве изученных цветов, представленных различным множеством цветообозначений в указанных языках. Обладание значительным словарным запасом терминов цвета может быть полезным показателем готовности детей уделять внимание цвету как свойству предметов (и абстрагироваться от него). В то же время усиление перцептивной яркости цвета способствует обучению в той же степени, что и лингвистическая обратная связь, поэтому и внимание, и язык вносят свой вклад в процесс изучения цветовых терминов.

Заключение и рекомендации

Экспоненциальный рост интереса к исследованиям и расширение методологии изучения цветовой категоризации свидетельствуют о важности и актуальности изучения данного когнитивного процесса у детей в возрасте до семи лет с целью выявления связи между перцептивной категоризацией и языком, установления когнитивных возможностей и механизмов когнитивного развития в разные периоды детства, а также выработки стратегий наиболее продуктивного подхода для обучения цветовым терминам.

В этой статье были рассмотрены некоторые из основных дискуссий, касающихся развития и тестирования способностей к категоризации у детей дошкольного возраста, и тем самым ясно продемонстрирована важность цветовой категоризации в когнитивном развитии.

Способность категоризовать уменьшает цветовое разнообразие, открывает возможности вывода и позволяет человеку лучше понимать мир. Кроме того, это увеличивает скорость обработки данных и способствует когнитивной экономии, высвобождая таким образом ресурсы для другой деятельности. Учитывая важность цветовой категоризации, неудивительно, что теоретические рассуждения на эту тему ведутся довольно давно. Удивля-

ет другое – нехватка текущего исследовательского интереса к выявлению закономерностей цветовой категоризации у детей, принадлежащих к разным культурам. Основной части корпуса исследований не свойственно языковое разнообразие, так как участниками исследований были за редким исключением англоговорящие дети и взрослые. Поэтому мы считаем, что крайне необходимо продолжение совершенствования методологии для изучения и моделирования процесса цветовой категоризации, в частности, включение большего количества цветовых стимулов в экспериментальные процедуры, особенно при работе с детьми в возрасте до трех лет, с обязательным условием расширения территориальной и лингвистической географии участников.

Литература

Гончаров, О.А., Князев, Н.Н. Языковые и возрастные аспекты категориального восприятия цвета // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 40-48.

Гончаров, О.А., Романов, С.Г. Категориальные эффекты различения цветов (в трех частях) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 2. С. 25-42 (Часть 1); 2013. № 4. С. 13-37 (Часть 2); 2014. № 4. С. 77-108 (Часть 3).

Гончаров, О.А., Романов, С.Г. Категориальное восприятие цвета у детей с различными профилями межполушарной асимметрии // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 5-19.

Грибер, Ю.А., Милонас, Д. Картография цвета: эмпирический анализ цветоименований русского языка // Человек и культура. 2015. № 6. С. 64-94.

Alvarez, V.A., Sabatini, B.L. Anatomical and physiological plasticity of dendritic spines // Annual Review of Neuroscience. 2007. Vol. 30. P. 79-97.

Berlin, B., Kay, P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley: University of California Press, 1969.

Biological origins of color categorization / Skelton, A.E., Catchpole, G., Abbott, J.T., Bosten, J.M., Franklin, A. // Proceedings of the Na-

tional Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. No. 21. P. 5545-5550.

Categorical effects in children's colour search: A cross linguistic comparison / Daoutis, C.A., Franklin, A., Riddett, A., Clifford, A., Davies, I.R. // *British Journal of Developmental Psychology*. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 373-400.

Fang, F., Fang, G., Xi, H. A re-exploration of the ability of free classification in preschoolers // *Psychological Science (China)*. 1991. Vol. 1. P. 16-22.

Fateminia, M., Ghotbabadi, T.D., Azad, K.M. Perceptions of the taste of colors in children and adults // *Color Research & Application*. 2020. Vol. 45. No. 4. P. 743-753.

Fiske, S.T. Stereotyping, prejudice, and discrimination // *The handbook of social psychology*. 1998. Vol. 2 No. 4. P. 357-411.

Forbes, S.H., Plunkett, K. The role of colour labels in mediating toddler visual attention // *Cognition*. 2019. Vol. 186. P. 159-170.

Franklin, A. et al. Saliency of primary and secondary colors in infancy // *British Journal of Developmental Psychology*. 2008. Vol. 26. No. 4. P. 471-483.

Franklin, A., Davies, I.R. New evidence for infant colour categories // *British Journal of Developmental Psychology*, 2004. Vol. 22. No. 3. P. 349-377.

Franklin, A., Pilling, M., Davies, I. The nature of infant color categorization: Evidence from eye movements on a target detection task // *Journal of experimental child psychology*. 2005. Vol. 91. No. 3. P. 227-248.

Goldstein, J., Davidoff, J., Roberson, D. Knowing color terms enhances recognition: Further evidence from English and Himba // *Journal of experimental child psychology*. 2009. Vol. 102. No. 2. P. 219-238.

Graham, S.A., Kilbreath, C.S. It's a sign of the kind: Gestures and words guide infants' inductive inferences // *Developmental Psychology*. 2007. Vol. 43. P. 1111-1123.

Hemmer, P., Steyvers, M. Integrating episodic memories and prior knowledge at multiple levels of abstraction // *Psychonomic bulletin & review*, 2009. Vol. 16. No. 1. P. 80-87.

Hippocampal-neocortical functional reorganization underlies children's cognitive development / Qin, S., Cho, S., Chen, T., Rosenberg-Lee, M., Geary, D.C., Menon, V. *Nature Neuroscience*. 2014. Vol. 17. P. 1263-1269.

Hockfield, S., Kalb, R.G. Activity-dependent structural changes during neuronal de-

velopment // *Current Opinion in Neurobiology*. 1993. No. 3. P. 87-92.

James, W. et al. *The principles of psychology*, London: Macmillan, 1890.

Kowalski, K., Zimiles, H. The relation between children's conceptual functioning with color and color term acquisition // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2006. Vol. 94. No. 4. P. 301-321.

Language is not necessary for color categories / Ozturk, O., Shayan, S., Liszkowski, U., Majid A. // *Developmental Science*. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 111-115.

Mandler, J.M. *The foundations of mind: Origins of conceptual thought*. London: Oxford University Press, 2004. 376 p.

Mareschal, D., Quinn, P.C. Categorization in infancy // *Trends in Cognitive Sciences*. 2001. Vol. 5. No. 10. P. 443-450.

O'Hanlon, C.G., Roberson, D. Learning in context: Linguistic and attentional constraints on children's color term learning // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2006. Vol. 94. No. 4. P. 275-300.

Owen, K. *Automaticity and the development of categorisation in preschool children: Understanding the importance of play*. Derby: University of Derby, 2021.

Pitchford, N.J., Davis, E.E., Scerif, G. Does colour preference have a role in colour term acquisition? // *British journal of developmental psychology*. 2009. Vol. 27. No. 4. P. 993-1012.

Pitchford, N.J., Mullen, K.T. Is the acquisition of basic-colour terms in young children constrained? // *Perception*. 2002. Vol. 31. No. 11. P. 1349-1370.

Pitchford, N.J., Mullen, K.T. The development of conceptual colour categories in pre-school children: Influence of perceptual categorization // *Visual Cognition*. 2003. Vol. 10. No. 1. P. 51-77.

Quinn, P.C. Development of subordinate level categorization in 3- to 7-month-old infants // *Child Development*. 2004. Vol. 75. P. 886-899.

Rakison, D.H. When a rose is just a rose: The illusion of taxonomies in infant categorization // *Infancy*. 2000. Vol. 1 No. 1. P. 77-90.

Rosch, E. *Principles of categorization* // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*. 2005. Vol. 17. P. 11-35.

Sandhofer, C.M., Doumas, L.A. Order of presentation effects in learning color categories // *Journal of Cognition and Development*. 2008. Vol. 9. No. 2. P. 194-221.

The Development of Color Categories in Two languages: a longitudinal study / Roberson, D., Davidoff, J., Davies, I.R., Shapiro, L.R. // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2004. Vol. 133. No. 4. P. 554-571.

The role of bottom-up processing in perceptual categorization by 3- to 4-month-old infants / French, R.M., Mareschal, D., Mermillod, M., Quinn, P.C. // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2004. Vol. 133. No. 3. P. 382-391.

Wagner, K., Dobkins, K., Barner, D. Slow mapping: Color word learning as a gradual inductive process // *Cognition*. 2013. Vol. 127. No. 3. P. 307-317.

References

Alvarez, V. A. and Sabatini, B. L. (2007), "Anatomical and physiological plasticity of dendritic spines", *Annual Review of Neuroscience*, 30, 79-97.

Berlin, B. and Kay, P. (1969), *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*, University of California Press, Berkeley, USA.

Daoutis, C. A., Franklin, A., Riddett, A., Clifford, A. and Davies, I. R. (2006), "Categorical effects in children's colour search: A cross linguistic comparison", *British Journal of Developmental Psychology*, 24 (2), 373-400.

Fang, F., Fang, G. and Xi, H. (1991), "A re-exploration of the ability of free classification in preschoolers", *Psychological Science (China)*, 1, 16-22.

Fateminia, M., Ghotbabadi, T. D. and Azad, K. M. (2020), "Perceptions of the taste of colors in children and adults", *Color Research & Application*, 45 (4), 743-753.

Fiske, S. T. (1998), "Stereotyping, prejudice, and discrimination", *The handbook of social psychology*, 2 (4), 357-411.

Forbes, S. H. and Plunkett, K. (2019), "The role of colour labels in mediating toddler visual attention", *Cognition*, 186, 159-170.

Franklin, A. et al. (2008), "Salience of primary and secondary colours in infancy", *British Journal of Developmental Psychology*, 26 (4), 471-483.

Franklin, A., Pilling, M., Davies, I. (2005), "The nature of infant color categorization: Evidence from eye movements on a target detection task", *Journal of experimental child psychology*, 91 (3), 227-248.

Franklin, A. and Davies, I. R. (2004), "New evidence for infant colour categories", *British*

Journal of Developmental Psychology, 22 (3), 349-377.

French, R. M., Mareschal, D., Mermillod, M. and Quinn, P. C. (2004), "The role of bottom-up processing in perceptual categorization by 3- to 4-month-old infants", *Journal of Experimental Psychology: General*, 133 (3), 382-391.

Goncharov, O. A., Knyazev, N. N. (2012), "Language and age aspects of categorical color", *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and historical psychology]*, 3, 40-48 (in Russ.).

Goncharov, O. A., Romanov, S. G. (2013), "Color discrimination categorical effects (in three parts)", *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna» [Psychological Journal of the International University of Nature, Society and Man «Dubna»]*, 2, 25-42 (Part 1) (in Russ.).

Goncharov, O. A., Romanov, S. G. (2013), "Color discrimination categorical effects (in three parts)", *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna» [Psychological Journal of the International University of Nature, Society and Man «Dubna»]*, 4, 13-37 (Part 2) (in Russ.).

Goncharov, O. A., Romanov, S. G. (2014), "Color discrimination categorical effects (in three parts)", *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna» [Psychological Journal of the International University of Nature, Society and Man «Dubna»]*, 4, 77-108 (Part 3) (in Russ.).

Goncharov, O. A., Romanov, S. G. (2014), "Categorical perception of color in children with different profiles of interhemispheric asymmetry", *Ekspperimental'naya psihologiya [Experimental psychology]*, 7 (4), 5-19 (in Russ.).

Griber, Yu. A., Milonas, D. (2015), "Color mapping: an empirical analysis of Russian color names", *Chelovek i kul'tura [Man and culture]*, 6, 64-94 (in Russ.).

Goldstein, J., Davidoff, J. and Roberson, D. (2009), "Knowing color terms enhances recognition: Further evidence from English and Himba", *Journal of experimental child psychology*, 102 (2), 219-238.

Graham, S. A. and Kilbreath, C. S. (2007), "It's a sign of the kind: Gestures and words guide infants' inductive inferences", *Developmental Psychology*, 43, 1111-1123.

Hemmer, P. and Steyvers, M. (2009), "Integrating episodic memories and prior knowledge at multiple levels of abstraction", *Psychonomic bulletin & review*, 16 (1), 80-87.

Hockfield, S. and Kalb, R. G. (1993), "Activity-dependent structural changes during neuronal development", *Current Opinion in Neurobiology*, 3, 87-92.

James, W. et al. (1890), *The principles of psychology*, Macmillan, London, UK

Kowalski, K. and Zimiles, H. (2006), "The relation between children's conceptual functioning with color and color term acquisition", *Journal of Experimental Child Psychology*, 94 (4), 301-321.

Mandler, J. M. (2004), *The foundations of mind: Origins of conceptual thought*, Oxford University Press, London, UK.

Mareschal, D. and Quinn, P. C. (2001), "Categorization in infancy", *Trends in Cognitive Sciences*, 5 (10), 443-450.

O'Hanlon, C. G. and Roberson, D. (2006), "Learning in context: Linguistic and attentional constraints on children's color term learning", *Journal of Experimental Child Psychology*, 94 (4), 275-300.

Owen, K. (2021), *Automaticity and the development of categorisation in preschool children: Understanding the importance of play*, University of Derby, Derby, UK.

Ozturk, O., Shayan, S., Liszkowski, U. and Majid, A. (2013), "Language is not necessary for color categories", *Developmental Science*, 16 (1), 111-115.

Pitchford, N. J., Davis, E. E. and Scerif, G. (2009), "Does colour preference have a role in colour term acquisition?", *British journal of developmental psychology*, 27 (4), 993-1012.

Pitchford, N. J. and Mullen, K. T. (2002), "Is the acquisition of basic-colour terms in young children constrained?", *Perception*, 31 (11), 1349-1370.

Pitchford, N. J. and Mullen, K. T. (2003), "The development of conceptual colour categories in pre-school children: Influence of perceptual categorization", *Visual Cognition*, 10 (1), 51-77.

Qin, S., Cho, S., Chen, T., Rosenberg-Lee, M., Geary, D. C. and Menon, V. (2014), "Hippocampal-neocortical functional reorganization underlies children's cognitive development", *Nature Neuroscience*, 17, 1263-1269.

Quinn, P. C. (2004), "Development of subordinate level categorization in 3- to 7-month-old infants", *Child Development*, 75, 886-899.

Rakison, D. H. (2000), "When a rose is just a rose: The illusion of taxonomies in infant categorization", *Infancy*, 1 (1), 77-90.

Roberson, D., Davidoff, J., Davies, I. R. and Shapiro, L. R. (2004), "The Development of Color Categories in Two languages: a longitudinal study", *Journal of Experimental Psychology: General*, 133 (4), 554-571.

Rosch, E. (2005), "Principles of categorization", *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, 17, 11-35.

Sandhofer, C. M. and Doumas, L. A. (2008), "Order of presentation effects in learning color categories", *Journal of Cognition and Development*, 9 (2), 194-221.

Skelton, A. E., Catchpole, G., Abbott, J. T., Bosten, J. M. and Franklin, A. (2017), "Biological origins of color categorization", *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114 (21), 5545-5550.

Wagner, K., Dobkins, K. and Barner, D. (2013), "Slow mapping: Color word learning as a gradual inductive process", *Cognition*, 127 (3), 307-317.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нанкевич Алёна Анваровна, аспирант социологического факультета, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, г. Смоленск, 214000, Россия; alena.nankevitch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alyona A. Nankevich, Postgraduate Student, Sociological Faculty, Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000, Russia; alena.nankevitch@yandex.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-11

Щедрина И. О. | Нарратив как пророчество: В. В. Вейdle о Ф. М. Достоевском¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Старая Басманная ул., д. 21/4, г. Москва, 105066, Россия; *echiscar@yandex.ru*

Аннотация. Вопросы, поднятые Достоевским, затронутые им проблемы, глубина и уровень анализа человеческих устремлений, талантливое «препарирование души человеческой» – все это сделало его имя буквально одним из «маркеров» русской культуры. В статье проводится мысль о том, что каждый новый читатель (и в первую очередь, читатель рефлексирующий) «вчитывает» в Ф.М. Достоевского элементы собственного мировосприятия и культуры. В зависимости от времени и контекста такой взгляд может быть абсолютно разным, что всякий раз реактуализирует тексты Ф.М. Достоевского. Автор статьи сосредотачивает свое внимание на рассуждениях философа культуры русского зарубежья В.В. Вейdle. Подчеркивается, что, будучи сам крайне своеобразной фигурой в отечественной и мировой культуре, В.В. Вейdle аккумулировал в своих работах философию, литературу, историю, искусствоведение и религиоведение. Пытаясь ответить на вопросы, он умел подать «вечные» темы в новом формате, актуализируя их в духе своего времени – выступая на радио, давая интервью, собирая в едином цифровом пространстве зрителей, слушателей и собеседников. В качестве основной методологии автор статьи обращается к культурно-исторической эпистемологии, что позволяет отметить характерный ракурс взгляда Вейdle на Достоевского: его понимание Достоевского, а также интерпретацию как «прорицающего» автора в контексте жизненного пути самого В.В. Вейdle.

Ключевые слова: нарратив; пророчество; В.В. Вейdle; Ф.М. Достоевский; медиа

Для цитирования: Щедрина И.О. Нарратив как пророчество: В. В. Вейdle о Ф. М. Достоевском // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 145-152. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-11

I. O. Shchedrina | Narrative as prophecy: V. V. Weidle about F. M. Dostoevsky*

Higher School of Economics National Research University, 21/4 Staraya Basmannaya St.,
Moscow, 105066, Russian Federation; *echiscar@yandex.ru*

Abstract. The questions presented by Dostoevsky, the problems raised, the depth and level of analysis of human aspirations, the talented “dissection of the human soul” – all this made his name, literally, one of the “markers” of Russian culture. The

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00884 «Философия культуры русского зарубежья: Г.П. Федотов, В.В. Вейdle, Г.А. Ландау, П.М. Бицилли».

* The research is carried out at expense of RFBR, project No. 20-011-00884 «Philosophy of Culture of Russian Abroad: G.P. Fedotov, V.V. Weidle, G.A. Landau, P.M. Bicilli».

article suggests that every new reader (and, first of all, a reflexive reader) “reads” into F.M. Dostoevsky's elements of their own perception of the world and culture. Depending on the time and context, such a view can be completely different, which each time re-actualizes the texts of F.M. Dostoevsky. The article's author focuses her attention on the reasoning of the philosopher of the culture of the Russian diaspora V.V. Weidle. It is emphasized that being himself an extremely peculiar figure in domestic and world culture, V.V. Weidle accumulated philosophy, literature, history, art history, and religious studies in his works. Trying to answer exciting questions, he presented “eternal” issues in a new format, updating them in the spirit of his time – speaking on the radio, sharing interviews, gathering viewers, listeners and interlocutors in a single digital space. As the principal methodology, the article's author turns to cultural-historical epistemology, which allows us to note the characteristic perspective of Weidle's view of Dostoevsky: his understanding of Dostoevsky, as well as interpretation as a “prophesying” author in the context of V.V. Weidle.

Keywords: narrative; prophecy; V.V. Weidle; F.M. Dostoevsky; media

For citation: Shchedrina I. O. (2021), “Narrative as prophecy: V. V. Weidle about F. M. Dostoevsky”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 145-152, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-11

Ф.М. Достоевский относится к плеяде «вечных» писателей: обсуждение его работ, его жизни, его взглядов и действий длится уже более века. Отмечаются памятные даты, открываются памятники, создаются новые и новые тексты, в которых прежние, казалось бы, многократно разобранные темы обретают новый вид и формат. Меняется не только ракурс, меняются контексты. И тем интереснее сегодня, с расстояния мощного технологического скачка, хронологически краткого (в самом деле, несколько десятилетий), однако масштабнейшего по своей социокультурной значимости, раскрывать новое в привычных текстах. В этом смысле особенным можно назвать взгляд В.В. Вейдле на труды Достоевского. Философ русского зарубежья, покинувший родину, писавший на многих языках, он знал и любил родную культуру. Достоевский в его рассуждениях предстает художником-реформатором и в то же время пророком. И Достоевский, и Вейдле чутко реагировали на происходящие культурно-исторические изменения, они оба могли увидеть в привычной реальности новое – и прочувствовать это на всех уровнях (истории, культуры, искусства,

окружающего городского пространства), создавая собственные тексты. Поэтому Вейдле чувствовал такое интеллектуальное созвучие, когда писал о Достоевском: «Вот почему так изменился мир, глубже, чем он вообще меняется в искусстве. Мы не просто среди переставленных вещей все того же чувственного мира; если мы не порвали с ним совсем, то все же очутились сразу в каком-то новом его измерении. Все как будто и то же и не то. Мы уже видим все по-новому. Пришел Лобачевский или Риман и перестроил наш евклидовский, трехмерный мир. В этой новой геометрии искусства величайший подвиг Достоевского-художника» (Вейдле, 1936: 402). Достоевский предстает для Вейдле художником, он называет его «самым оригинальным и глубоким из русских мыслителей», «Достоевский, был художником, как Платон, а не ученым, как Декарт или Кант, и мыслил не отвлеченными понятиями, а прибегая к образам и мифам» (Вейдле, 1939: 436).

Эта работа с образами, умение создавать мифы, во многом позволили Достоевскому выйти за пределы собственного времени. Способность опередить время – на мой взгляд, очень своеобразно раскры-

вается в особенностях нарратива Достоевского через присущую его образам и представленным конфликтам театральность. Именно театральность Достоевского постоянно отмечается исследователями его творчества – историками литературы и театра, критиками, литературоведами. Ее отмечают даже профессиональные театральные режиссеры. Так, например, в романе «Бесы» Достоевский развертывает сцену за сценой, мастерски передавая средствами театральной стилистики натуру и изображая человеческий характер. Однако в случае «Бесов» эта творческая манера писателя, пожалуй, достигает апогея – он буквально демонстрирует на страницах романа театральное представление.

В личной переписке Достоевский не возражал против предложений воплотить его романы на театральной сцене. Намного позже Вейдле описывал свой собственный опыт переживания-прочувствования театральной постановки романов Достоевского, причем описывал в соответствующих терминах – через образность и «воплощение несуществующего»: «...все действующие лица романа, или почти все, оказались именно такими, какими я их воображал. В этом, конечно, была немалая доза иллюзии. То же самое ведь казалось и большинству, огромному большинству других зрителей – успех постановки был велик и прочен – а ведь каждый воображал несуществующих этих людей немножко все-таки по-своему. Разница стерлась. Сценическое воплощение, не противореча тому неполному, призрачному, что обозначалось в каждом из нас, довершило его, довоплотило, к полному нашему удовлетворению...» (Вейдле, 2016: 168). Он говорит об этом в мемуарах, обсуждает в переписке с Г.П. Струве.

И в развертывании Достоевским повествовательной последовательности «Бесов», фактически, на театральных подмостках, на мой взгляд, раскрывается его «пророческий» характер. Тот самый, что почувствовал и подчеркнул В.В. Вейдле. Нарратив Достоевского предстает не про-

сто как часть времени, даже не просто как театральное представление, но он, если угодно, обладает элементами современной «медийности»: ток-шоу (talk show) – из числа тех, что в наши дни приобрели огромную популярность на телевидении. В самом деле, демонстративное раскрытие недостатков, пороков, слабостей персонажей происходит в стилистике обсуждения; выбранная форма романа – повествование от лица свидетеля. Даже в предваряющем основной текст содержании мы читаем: «Вместо введения: несколько подробностей из биографии многочтимого Степана Трофимовича Верховенского» (Достоевский, 1873: 1). Все эти приемы помещают читателя, как зрителя – перед сценой. Однако сценой не театральной, а современной, телевизионной – сценой со сломанной «четвертой стеной» (Bell, 2008). Ее «ломает» рассказчик – хроникер (практически репортер, журналист) Антон Лаврентьевич. Фигура хроникера часто подвергалась внимательному анализу, исследователи отмечали степень влияния выдаваемой информации на мнение читателя (зрителя), как и формат, в котором она предоставлялась: «Портретные характеристики многих персонажей также осложняются добавочной информацией постороннего суждения – Хроникер часто прибегает к авторитету коллектива, большинства, неких анонимных мнений, с которыми Хроникер склонен соглашаться и находить в них долю здравого смысла: он постоянно ссылается на “слухи”, “сплетни”, которые циркулируют в обществе» (Струк, 2017: 81).

Несмотря на то что сам хроникер определял свои задачи довольно кратко и прямолинейно: «Как хроникер, я ограничиваюсь лишь тем, что представляю события в точном виде, точно так, как они произошли, я не виноват, если они покажутся невероятными» (Достоевский, 1873: 89), главную свою задачу – посвятить зрителя в контекст, поместить непосредственно в ситуацию и позволить расставить приоритеты и симпатии относительно персонажей – хроникер выполнял четко: «...в вы-

боре хроникера в качестве субъекта повествования Достоевский нисколько не сомневался. В черновых записях частотно указание на то, что должен добавить хроникер “от себя”: прокомментировать ситуацию, уточнить, дать характеристику герою и пр.» ((Рубцова, 2015: 70); см. также (Скуридина, 2017)). В результате читатель-зритель, знакомясь с историями, образом мыслей, привычками и поведением персонажей, оказывается на одном ряду с ними. В то же время, как и положено во всяком шоу, в действии постоянно присутствует еще одна фигура – ведущего.

«Ведущий» в данном случае – не хроникер. Текст, который он произносит, выдает его особую роль при самом первом его появлении: «Есть случаи, в которых трудно человеку решиться на личное объяснение самому, а надо непременно, чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать некоторые деликатные вещи» (Достоевский, 1873: 263). Эту роль ведущего Достоевский предоставляет Петру Верховенскому. И в самом деле, сцены напряженного ожидания и непосредственно конфликтов в романе сменяют друг друга, оставляя впечатление обсуждения ток-шоу на сцене: высказываются мнения, впечатления, возникают споры, пересказываются сплетни и слухи, выдвигаются версии и гипотезы; Достоевский изображает в таком формате даже общий ажиотаж после второго приезда Ставрогина: все молчат, пока длится сцена диалога между Ставрогиным и Марьей Тимофеевной, однако как только они выходят – начинается одно-временное обсуждение, в котором стремятся принять участие все свидетели.

Петр Верховенский, фактически, сознательно и открыто принимает на себя роль ведущего; он – лидер, по крайней мере, претендующий на эту роль, обладающий даром убеждения; человек, у которого «в голове канцелярия», умеющий создать историю, перевести ее в нужную плоскость, и он умело подогревает чужое любопытство и непрерывно играет на чужих эмоциях, слабостях и страстях. Вот пример

его характеристики в этой роли ведущего talk show. «Надобно вам узнать... что Петр Степанович – всеобщий примиритель; это его роль, болезнь, конек, и я особенно рекомендую его вам с этой точки. Догадываюсь, о чем он вам тут настроил. Он именно строчит, когда рассказывает; в голове у него канцелярия. Заметьте, что в качестве реалиста он не может солгать и что истина ему дороже успеха... разумеется, кроме тех особенных случаев, когда успех дороже истины» (Достоевский, 1873: 278). И более того, Верховенский из чужого «чудачества» умеет сплести историю, как в случае слухов вокруг скандальной женитьбы Ставрогина.

Публика принимает скандальные истории с восторгом – как и всякая публика. Чужая жизнь, поданная в talk show, с возможностью обсудить, поделиться мнениями, узнать деликатные подробности – все это бесконечно привлекательно для реалистичных зрителей-участников Достоевского; это увлекает. Очень близкое современному «затягивающему» медиаконтенту Достоевского описание дает и Вейдле: «“Увлечательность” его – особого порядка. В этом банальном слове, примененном к нему, улетучивается банальный смысл. Не фабулой увлекают его романы: можно знать эту фабулу наизусть, и все же не избегнуть увлечения. Мы наугад раскрыли книгу, прочли страницу, две, и вот мы уже втянуты, как в омут, в безостановочное, неудержимое повествование» (Вейдле, 1936: 401). Душевные опыты, игры в «психологов», стремление к интеллектуальному препарированию каждый раз привлекают внимание. Однако для успешного talk show необходим еще один компонент.

Неслучайно в самом начале, описывая одного из ключевых участников, Степана Трофимовича, хроникер замечает его склонность играть собственную «особую и так-сказать гражданскую» роль (Достоевский, 1873: 1). Все эти люди, такие реальные, так живо выведенные Достоевским, становятся контрастным фоном для главного героя. Ценнее всего в медиаформате

нарратива – убедить зрителя, что вокруг происходит не актерская игра или постановка: ставка делается на реализм. Тот самый реализм, за который Ф.М. Достоевского многие литературные критики не любили; тот реализм, из-за которого защищал Достоевского Вейдле: «На самом деле, Достоевский – великий стилист, один из величайших в русской литературе, и только противохудожественные представления о какой-то раз навсегда определенной “красоте слога” помешали всеобщему признанию этой истины. Ритм, который в его романах так неудержимо увлекает нас вперед, есть не только ритм событий, но в той же мере ритм языка, и придать языку эту ритмическую силу может быть доступно лишь великому его хозяину и мастеру» (Вейдле, 1936: 404).

Самой интригующей фигурой, как и во всяком talk show, оказывается не хроникер, не ведущий, а центральный персонаж, чья история преподносится зрителю заранее в форме домыслов, мнений и пересудов. Как это и положено в talk show, этот персонаж появляется позднее, в самый драматический момент. Сначала Ставрогин оказывается в центре разговоров, не появляясь на сцене: каждый говорит о нем, каждый знает о нем, само его появление вызывает общее удивление, хотя другие уже сформировали себе некоторый образ и облик Ставрогина для себя самих. И первое описание его внешности в романе напоминает скорее описание сценического грима (слишком красив, слишком жемчужные зубы, слишком черные волосы и т. д.). Такая выставленная чрезмерность, яркость важна в медийном нарративе, чтобы увидеть героя могли даже зрители с задних рядов; чтобы лицо не потерялось в свете софитов (в случае с текстом – в потоке информации). Однако пророческий элемент, отсылающий к современности, в данном случае состоит даже не в необходимости описания этой «маски», о которой говорит хроникер. Внешность Ставрогина заставляет чувствовать невольное напряжение и отвращение. Достоевский акцен-

тирует: «Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску» (Достоевский, 1873: 54–55). Очевидно, автор «Бесов» не просто так поставил акцент именно на чрезмерности, на гипертрофированной красоте Ставрогина; такая красота, красота-«слишком», граничащая с идеальностью, в то же время ставит героя на грань с неестественностью. Возникает, в некотором смысле, эффект «зловещей долины». И здесь можно говорить о провидческой способности Достоевского передать словом то, что столетия спустя станет частью реальности.

Впервые этот эффект описал японский исследователь-робототехник Масахиро Мори, зафиксировав, что наблюдатель-человек в определенный момент начинает чувствовать неприязнь и страх перед человекоподобным существом. Поначалу, если робот или кукла похожи на человека, они вызывают симпатию. Однако, чем сильнее робот похож на человека, тем более сильная реакция отторжения возникает у наблюдателя (Masahiro, MacDorman, Kageki: 2012). У имитирующего человека неживого существа все равно присутствуют заметные для человека отклонения от человеческой нормы. Именно эти отклонения и вызывают страх, создавая когнитивный диссонанс у наблюдателя. В случае со Ставрогиным можно говорить о «зловещей долине», поскольку зритель (хроникер) знает заранее, что перед ним живой человек; но его неумеренная красота, идеальность вызывает отвращение. Подробно описанный Достоевским Ставрогин оказывается настолько красивым и естественным (с его «жемчужными зубами» и «коралловыми губами»), что возникает прямо противоположный эффект – персонаж воспринимается как существо неестественное,

как «маска». Особенно это заметно на фоне чрезвычайно реалистично представленных остальных персонажей романа. Именно подчеркнутый реализм приводит к тому, что описание Ставрогина придает его образу предельную контрастность с реальностью города и его обитателей. И этот эффект, как мы понимаем, важен для Достоевского, ибо передает читателю-зрителю внутреннюю суть Ставрогина. Достоевский помещает его таким описанием «вне рамок» – жизни, времени, обстоятельств. Вне ритма самого романа – ритма, о котором Вейдле пишет десятилетия спустя: «Его ритм как бы становится сразу нашим собственным сердцебиением, дыханьем, ритмом нашего сокровеннейшего бытия. Стремительность этого ритма несравнима ни с чем, ни в русской, ни в мировой литературе, и она так же поражает у Достоевского, как и странная беспрепятственность совершающегося в его книгах действия» (Вейдле, 1936: 401).

Судя по тем дискуссиям, которые развертывались вокруг нарратива «Бесов» и которые продолжаются до сих пор, фигура Ставрогина воспринималась как некоторый социальный конструкт, адекватный своему времени. Сегодня он может быть сравнен с искусственным существом, с цифровым разумом. В наше «сетевое» время «гуманоидные интерфейсы не стремятся к полной идентичности с человеком, сохраняя лишь общее сходство в строении» (Зильберман, Слободская, 2014), и главным отличием в этом случае будет их сквозная, предельная, в некотором смысле, совершенная (как внешнее совершенство Ставрогина) рациональность. И как внешнее совершенство Ставрогина, потенциальная красота рациональности искусственного интеллекта гипнотизирует. В самом деле, весь роман строится на коллективной гипотезе (а где-то и на уверенности) о помешательстве Ставрогина; однако он предельно рационален, именно в контексте постоянного превалирования разума над чувствами и эмоциями, постоянного контроля и самоконтроля (который,

в то же время, уравнивался эксцентричностью в глазах публики). В то же время, заметим, на себя самого его рациональность распространяется лишь отчасти. Ставрогин с легкостью перебирает фигуры других, «реальных» людей, пытаясь в этой игре разума препарировать себя самого и собственные поступки, что, однако, не получается. Постоянное присутствие некоторой чужеродности, несоответствие «маски» не только внешним домыслам окружающих, но и внутреннему самоощущению Ставрогина помещают его в центр нарратива, развернутого в романе, – и в то же время вытесняют его вовне. Верховенский кричит, что выдумал его. «Выдумал» в данном случае – ключевое слово. Более того, персонажи не отказываются от собственных иллюзий и версий относительно Ставрогина; даже в момент его сильного эмоционального потрясения Лиза просит быть бесчувственнее. Эту двойственную небрежность, несоответствие, казалось бы, внутренней четкости и рациональности Ставрогина его же самоощущению, отмечают и исследователи: «В Ставрогине – какое-то великое душевное богатство, которое им, однако, “разбросано”, “рассыпано” и которое не мешает ему “потерять себя”» (Чижевский, 2007: 61).

Нарратив Достоевского – нарратив нового мира, нарратив пророческий; который, в то же время, несет в себе прежний посыл любви и духовности: «Даже вопреки сознательным его намерениям, все служит у Достоевского этому новому миру, где движутся его герои, где развертывается действие его книг. Вне духовности для него вообще нет жизни... Сила жизни измеряется у него одною лишь духовной напряженностью, высшая форма которой – такая же духовная любовь. Ставрогинская скука, кончающаяся намыленным шнурком, это – невозможность любить, а невозможность любить есть, в конечном счете, уничтожение духовности» (Вейдле, 1936: 403). О Достоевском-пророке сказано много (см., например: Мережковский, 1926; Козырев, 1996). Вейдле, однако, подчеркивал его талант именно как талант

реализатора, художника, намного опередившего свое время: «Достоевский – великий мыслитель... Однако, независимо от той или иной судьбы его идей, Достоевский еще и великий художник, а в этой области важно вообще не влияние, а предвидение, предчувствие, тайное родство с еще не рожденным, но уже обещавшим родиться временем. Достоевский с нами... потому, что мир предчувствованный, вообразенный им, все более становится окружающим всех нас реальным миром» (Вейдле, 1936: 406).

Литература

Вейдле, В.В. Зимнее солнце / под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 208 с.

Вейдле, В.В. Культура и жизнь. Еще о «русской душе» // Современные записки. 1939. Март. LXVIII. С. 434-441.

Вейдле, В.В. Мысли о Достоевском // Современные записки. 1936. Ноябрь. LXII. С. 401-408.

Достоевский, Ф.М. Бесы. Роман Федора Достоевского: В трех частях. Ч. I. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873. 294 с.

Зильберман, Н.Н., Слободская, А.В. Восприятие различных типов культурного интерфейса социального робота // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2014. № 10-11 (11) [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/1767> (дата обращения: 01.12.2021).

Козырев, А.П. Достоевский и мировая культура. 1996. // Ф. М. Достоевский: сб. статей [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/61.htm (дата обращения: 01.12.2021).

Мережковский, Д.С. О мудром жале // Новый Дом. 1926. № 2. С. 31-32.

Рубцова, Н.С. Хроникер в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки. 2015. № 7 (16). С. 70-74.

Скуридина, С.А. Именование хроникера в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русская речь. 2017. № 2. С. 10-13.

Струк, А.А. Проблема статического портрета в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского: интерференция «внутренних» и «внешних»

смыслов // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 78-88.

Чижевский, Д.И. К проблеме двойника // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1. О Достоевском: сб. статей / под ред. А.Л. Бема; сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 54-73.

Bell, E.S. Theories of Performance. Los Angeles: Sage publications, 2008.

Masahiro, M., MacDorman, K.F., Kageki N. The Uncanny Valley [From the Field] // IEEE Robotics and Automation Magazine. 2012. No. 19 (2). Pp. 98-100.

References

Bell, E. S. (2008), *Theories of Performance*, Sage publications, Los Angeles.

Chizhevsky, D. I. (2007), "On the problem of the twin", *Vokrug Dostoyevskogo: V 2 t. T. 1. O Dostoyevskom: Sbornik statey* [Around Dostoevsky: In 2 volumes. Vol. 1. About Dostoevsky: Collection of articles], in Bem, A. L. (ed.), *Russkiy put'*, Moscow, Russia, 54-73 (in Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1873), *Besy. Roman Fedora Dostoyevskogo. V trekh chastyakh. Ch.I.* [Demons. A novel by Fyodor Dostoevsky. In three parts. Part I], K. Zamylovsky, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kozyrev, A. P. (1996) "Dostoevsky and world culture", *F. M. Dostoyevsky. Digest of articles* [Online], available at: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/61.htm (Accessed 01 December 2021) (in Russ.).

Masahiro, M., MacDorman, K. F. and Kageki N. (2012), The Uncanny Valley [From the Field], *IEEE Robotics and Automation Magazine*, 19 (2), 98–100.

Merezhkovsky, D. S. (1926), "About a wise sting", *Novy Dom*, 2, 31-32 (in Russ.).

Rubtsova, N. S. (2015), "Chronicler in F.M. Dostoevsky's "Demons", *Eurasian Union of Scientists (ESU). Philological sciences*, 7 (16), 70-74 (in Russ.).

Skuridina, S. A. (2017), "The naming of the chronicler in the novel by F. M. Dostoevsky's "Demons", *Russkaya rech'*, 2, 10-13 (in Russ.).

Struk, A. A. (2017), "The problem of a static portrait in the novel "Demons" by F. M. Dostoevsky: interference of "internal" and "external" meanings", *New philological bulletin*, 2 (41), 78-88 (in Russ.).

Weidle, V. V. (1936), "Thoughts about Dostoevsky", *Sovremennyye zapiski*, November,

LXII, 401-408 (in Russ.).

Weidle, V. V. (1939), "Culture and life. More about the Russian soul", *Sovremennyye zapiski*, March, LXVIII, 434-441.

Weidle, V. V. (2016), *Zimneye solntse* [Winter Sun], Direct-Media, Moscow, Berlin, Russia (in Russ.).

Zilberman, N. N. and Slobodskaya, A. V. (2014), "Perception of different types of cultural interface of a social robot", *Universum: social sciences: electronic scientific journal*, 10-11 (11) [Online], available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/1767> (Accessed 01 December 2021) (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Щедрина Ирина Олеговна, кандидат философских наук, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., 21/4, г. Москва, 105066, Россия; echiscar@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Irina O. Shchedrina, CSc in Philosophy, Junior Research Fellow at The International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Higher School of Economics National Research University, 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation; echiscar@yandex.ru

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-12

Пенской В. В.	От Московского царства к Российской империи: разрыв или преемственность? Новое исследование по русской истории раннего Нового времени Kollmann N. Sh. The Russian Empire, 1450–1801. N.-Y.: Oxford University Press, 2017. XIV, 497 p.
---------------	---

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Анализируя историческую литературу, посвященную России раннего Нового времени (конца XV – конца XVIII вв.), нетрудно заметить, что наметившаяся несколько десятилетий назад тенденция пересмотра, казалось бы, устоявшихся оценок и интерпретаций не только не приостановилась, но продолжает развиваться. Новое исследование известного американского русиста Н. Ш. Коллманн, посвященное истории раннемодечной «Русской империи», наглядное тому подтверждение. Опираясь значительным объемом фактов и подходя к их оценке с новым вопросником, исследователь дает оригинальную и во многом неожиданную картину развития русской государственности с середины XV по начало XIX вв., подвергая при этом сомнению и критике устоявшиеся стереотипы относительно политического режима и внутреннего устройства Российского государства в рассматриваемый период, характера взаимоотношений между властью и обществом и др. Красной нитью через исследование проходит тезис о том, что никакого разрыва в политической традиции и культуре между «московским» и «петербургским» периодами истории русской государственности не было, что, несмотря на все внешние отличия, просматривается безусловный континуитет между двумя этими этапами ее эволюции.

Ключевые слова: раннее Новое время; Московское царство; Российская империя; самодержавие; экспансия; традиции; реформы; политическая культура; правовая культура

Для цитирования: Пенской В. В. От Московского царства к Российской империи: разрыв или преемственность? Новое исследование по русской истории раннего Нового времени // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 153-167. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-12

V. V. Penskoj

From the Moscow Tzardom to the Russian Empire: Rupture or Continuity? New research on Russian history of early Modern

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoj@bsu.edu.ru

Abstract. Analyzing the historical literature on early modern Russia (late 15th – late 18th centuries), it is easy to see that the tendency to revise the seemingly established assessments and interpretations, which emerged several decades ago, far from being stopped, continues to evolve. Dedicated to the history of the early modern "Russian Empire", a new study by N. Sh. Kollmann, a famous American Russian scholar, is a clear confirmation of this. Operating with a significant volume of facts and approaching their assessment with a new questionnaire, the researcher gives an original and, in many ways, unexpected picture of the development of Russian statehood from the middle 15th to the beginning of the 19th centuries. At the same time, she questions and criticizes the established stereotypes regarding the political regime and the internal structure of the Russian state in the period under review, the nature of the relationship between the government and society, etc. The thesis about the absence of a gap in political tradition and culture between the "Moscow" and "Petersburg" periods of the history of Russian statehood was not a common thread through all this research, but, despite all the external differences, an unconditional continuity can be seen between these two stages of its evolution.

Key words: Early Modern; the Moscow Tzardom; Russian empire; autocracy; expansion; traditions; reforms; political culture; legal culture

For citation: Penskoj V. V. (2021), "From the Moscow Tzardom to the Russian Empire: Rupture or Continuity? New research on Russian history of early Modern", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 153-167, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-12

Известный американский русист Н. Коллманн вслед за весьма любопытным и неординарным исследованием, посвященным проблемам развития уголовного права и процесса в раннемодерной России (см.: (Kollmann, 2012); русский перевод: (Коллманн, 2016)), подготовила и опубликовала новое фундаментальное исследование, посвященное проблемам развития русской государственности и общества в раннее Новое время. И, как и предыдущая работа, эта новая книга уже в самом ее заголовке несет элемент некоей провокации и вызова – для исследовательницы русское раннее Новое время заключается между 1450 и 1801 гг. Согласимся с тем, что такой подход выглядит по меньшей мере не-

обычным, поскольку в отечественной историографической традиции устоялось еще с XIX в. мнение (которое было растиражировано миллионами школьных и университетских учебников, а миллионы учебников, как известно, ошибаться не могут), что эпоха Петра Великого четко разделяет два периода в русской истории – московский и петербургский, «царский» и «имперский», «ориентализированный» и «вестернизированный». Н. Коллманн не согласна с таким подходом и на страницах своей новой работы шаг за шагом, поэтапно, доказывает существование определенного континуитета, своего рода плавного «перетекания» «московского» периода ис-

тории Русского государства в «петровский» и «постпетровский».

Мы не случайно начали эту рецензию с упоминания «Преступления и наказания...». В этом исследовании, увидевшем свет за пять лет до «Русской империи» (осмелимся перевести использованный Коллманн словооборот «Russian Empire» именно так, а не как «Российская империя»), поскольку, на наш взгляд, такой перевод лучше отражает главную идею этой новой работы), она в самых общих чертах озвучила ряд тезисов, которые затем легли в основу следующей книги. В своей рецензии на «Преступление и наказание...», (Пенской, 2017), мы уже касались основных особенностей концепции Н. Коллманн, однако здесь стоит еще раз обозначить ключевые пункты ее подхода к русской истории эпохи раннего Модерна.

Прежде всего стоит отметить, Н. Коллманн считает, что «российский опыт государственного строительства находится в широком континууме перемен, присущих раннемодерной эпохе» (Коллманн, 2016: 14-15). Помещая Русское государство раннего Нового времени в широкий исторический контекст, она приходит к выводу, что, хотя внешне Россия и выглядела как централизованная бюрократическая монархия, однако, как и в случаях с европейскими раннемодерными государствами, степень этой централизации и бюрократизации не стоит преувеличивать. «Как и в других империях раннего Нового времени, централизованная власть Москвы была больше “мифом, чем реальностью”: в качестве центра империи Москва развивала то, – писала она, – что Джейн Бербанк и Фредерик Купер назвали евразийским подходом к империи, – “политику различий”, позволявшую сообществам местного населения самим вести дела в широких сегментах социальной и политической жизни, оставляя правителям лишь ключевые пункты власти» (Коллманн, 2016: 20). Тем не менее, подытоживала исследовательница свои наблюдения, двигаясь примерно в том же направлении, что и другие

современные ей государства Европы и западной Азии (имеется в виду, конечно, Османская империя), Россия в XVI–XVIII вв. из рыхлого средневекового государства превратилась в могущественную раннемодерную империю. Этот успех стал результатом применения характерных для той эпохи стратегий управления, которые «подразумевали достижение определенного равновесия между притязаниями монарха на монополизацию насилия и ресурсов, с одной стороны, и противоположными тенденциями, исходящими из среды привилегированного дворянства, городского самоуправления, племенной верхушки, церковных организаций или народных представлений о правосудии» (Коллманн, 2016: 522).

Собственно говоря, именно этот процесс трансформации средневековой Руси в раннемодерную Россию, основанный на достижении определенного баланса интересов власти и «земли», и стал предметом анализа в новой работе Н. Коллманн. Но не только этот аспект развития раннемодерной русской государственности лег в основу этого исследования. Стоит обратить внимание на авторское предисловие. В нем Н. Коллманн с благодарностью вспоминает своих наставников – прежде всего Э. Кинана и О. Прицака, которые, по ее словам, учили ее и других учеников «евразийству», понимая под ним в первую очередь размещение русской истории в широком историческом и этнокультурном контексте. Россия во всем ее имперском разнообразии, как калейдоскоп народов, культур и языков, – такой предстает она в трудах Кинана, и этот образ нашел отражение в концепции исследования Н. Коллманн. «Я попыталась исследовать, – пишет историк, – как управляли империей и как люди ощущали это управление, будь то жители восточнославянской окраины, православного “сердца” империи или же нерусской, “инородческой” периферии» (Kollmann, 2017: VII).

Поставив такую цель, Н. Коллманн оказалась перед проблемой выбора иссле-

довательской модели, проблемой еще более сложной, если принять во внимание и большой временной охват, и не меньший охват территориальный, и постоянно меняющуюся историческую реальность, не говоря уже о попытках «опрокинуть» современные политические категории в прошлое. Выход был найден в применении концепции «империи различий», разработанной Дж. Бербанк, Ф. Купером и К. Барки. «Такие империи управляются из центра, – отмечает Н. Коллманн, – но позволяют различным языкам, национальностям и религиям подчиненных народов сохраняться на местах как своего рода якорям социальной стабильности» (Kollmann, 2017: 2). Отметим, что об этой концепции речь шла в упомянутой выше книге Н. Коллманн «Преступление и наказание в России раннего Нового времени», так что и здесь это исследование выступило своего рода «программным манифестом», в котором были намечены основные контуры будущей работы.

Структура «Русской империи» в известном смысле носит нетрадиционный характер. Основной текст исследования, включающий три основных раздела («Собирая империю», состоящий из пяти глав, «Московитская империя в XVII столетии» в семи главах и «Век империи: Россия в XVIII веке», девять глав), предваряет краткое введение, на котором стоит остановиться, поскольку здесь исследователь излагает основные принципы и идеи, на которых построено ее исследование. Последуем вслед за ней, откроем эту часть книги и посмотрим, каким историк видит общий эскиз русской имперской истории.

Введение автор «Русской империи» начинает с того, что, описав в общих словах проблемы и сложности, с которыми столкнулись русские правители, она подчеркивает, что последние совершили настоящий подвиг, «выполнив стоявшую перед ними задачу имперской экспансии, мобилизации и управления», превратившись в итоге за три с половиной столетия из небольшого «лесного форпоста» на ев-

ропейской окраине Евразии во влиятельного геополитического игрока и в Европе, и в Азии (Kollmann, 2017: 1). И далее Н. Коллманн указывает на серьезные перемены, которые произошли во взглядах на природу русского самодержавия и русской государственности в последние десятилетия, поставив под сомнение утвердившуюся традицию воспринимать политический режим раннемодерной России как восточную деспотию.

Для Н. Коллманн вполне очевиден тот факт, что Русская империя находится в ряду евразийских империй, возникших не без влияния Монгольской империи, как и империи Сефевидская, Китайская и Османская. (Тут, пожалуй, стоит отметить, что Китайская империя времен династии Мин, о которой ведет речь Н. Коллманн, все же возникает не совсем как результат крушения монгольского господства в Китае, но, скорее, как продолжение древней китайской государственной и политической традиции, которая, в свою очередь, оказала сильное воздействие на формирование и эволюцию чингизидской государственности и через нее – на все остальные упомянутые государственные образования).

Общими чертами этих империй были многоэтничность и поликультурность (включая разнообразные религиозные системы и верования). Как результат, пишет Н. Коллманн, эти раннемодерные империи через торговлю, войну и завоевание «делились военными технологиями, бюрократическими навыками ведения документации, языками, коммуникационными сетями и идеологиями, а также подходами к управлению через “различие”» (Kollmann, 2017: 2). При этом Русская империя, подчеркивает исследователь, изначально, еще с IX в., находилась в выгодном положении с геополитической и стратегической точки зрения – на пересечении важнейших торговых путей, связывавших Север и Юг, Запад и Восток, Великую Степь и оседлый мир, и на перекрестке цивилизаций и культур. В противостоянии со Степью создава-

лась русская империя, которая, отмечает Н. Коллманн, начиная с XV в., подобно другим великим евразийским империям, благодаря совершенствованию коммуникаций, бюрократии и военной машины, постепенно подчинила Степь своей власти.

Характеризуя механизмы и стратегии, посредством которых русские государи создавали свою империю, Н. Коллманн на первый план выдвигает принуждение, необходимое, по ее словам, и постоянное. Оно было необходимым на этапе завоевания новых территорий и постоянным, поскольку их нужно было удерживать под своим контролем. Однако не только принуждение, отмечает исследователь, входило в набор имперских стратегий – «ранним современным империям не хватало людских ресурсов, чтобы контролировать их (новые территории в первую очередь. – В.П.), используя единственно принуждение, поэтому они использовали и другие стратегии для утверждения своей легитимности и управления» (Kollmann, 2017: 3).

Под иными стратегиями Н. Коллманн понимает прежде всего формирование своего рода наднациональной идеологии, причем не только и не столько религиозного характера, сколько создающей имидж правящей династии, составными элементами которого являлись способность защищать империю от внешних врагов, готовность бороться с несправедливостью по отношению к подданным и являть к ним милость, что, по словам историка, «являлось центральными атрибутами имперских правителей в евразийской традиции» (Kollmann, 2017: 4). Другая стратегия, «ступицы и спицы», состояла в создании такого режима управления территориями, которая основывалась и на жестком контроле за поведением местного населения, в особенности провинциальных элит, через административные, фискальные и военные структуры, и на привлечении этих элит к управлению с сохранением за ними значительной части их прежних привилегий и свобод (Kollmann, 2017: 40). При этом наличие вертикальных каналов связи с

верховой властью и возможность апелляции непосредственно к монарху препятствовали формированию горизонтальных связей внутри имперского сообщества, которые могли бы стать опорой для оппозиции режиму (здесь напрашивается аналогия с запущенным отречением Николая II процессом распада Российской империи и распадом же СССР после фактического отказа КПСС от своей «руководящей и направляющей» роли в советском обществе и государстве. Развалилась «ступица», и «спицы» пошли вразнос).

Соглашаясь в целом с этими тезисами, мы считаем необходимым подвергнуть критике другой тезис исследователя, обозначенный во Введении. Его суть в том, что, по мнению Н. Коллманн, русская имперская модель управления, сформировавшаяся в раннее Новое время, подпитывалась из множества источников – по одной линии она создавалась под влиянием монгольской (читай «ордынской». – В.П.) политико-государственной модели, а по другой – испытывала не менее значимое влияние, после того как Русь приняла православие в 988 г., византийских (и других православных политических центров, подчеркивает Н. Коллманн, неявно принимая концепцию «Византийского содружества наций» Д. Оболенского) имперских практик (Kollmann, 2017: 4).

Дискуссия относительно того, насколько сильным было ордынское и византийское влияние на формирование характера русской государственности, идет уже третье столетие и далека от завершения. Тем не менее, осмелимся высказать свое мнение по этому поводу: признавая наличие определенных элементов взаимодействия в административной, военной, фискальной и отчасти идеологической составляющих русской государственной машины (в широком смысле слова), все же не стоит слишком сильно заострять внимание на этих частных случаях, ибо сама природа русской государственности и общества, основанных на иных, чем ордынские и византийские образцы, началах, препятство-

вала прямому копированию и переносу на русскую почву чуждых ей изначально элементов другой государственности.

Однако вернемся к введению. Завершая этот краткий методологический раздел «Русской империи», Н. Коллманн задается еще одним важным вопросом – а зачем, собственно, Россия создавала свою империю? Ее территориальное расширение было стремительно – за два столетия Россия на востоке подчинила своей власти Сибирь, вышла на берега Тихого океана и приступила к освоению Аляски, на западе прочно утвердилась на берегах Черного моря и приняла активное участие в разделах Польши. Порожденная холодной войной точка зрения, продолжает Н. Коллманн, полагала причиной этой экспансии некий мессианизм, присущий русской правящей элите, связывая его или с идеей «третьего Рима», или с византийской природой русской государственности, или с отдельными положениями марксистской теории. Однако, считает историк, такой подход в корне неверен и носит явно предвзятый характер, ибо, «когда Москва строила империи, то же делали и все ее соседи – Османская, Могольская и Сефевидская империи, а европейские государства выстраивали свои колониальные империи в Новом Свете, Южной и Юго-Восточной Азии». Больше того, подчеркивает она, «в Европе такое территориальное расширение было узаконено в религиозных терминах в XVI в., в XVII столетии к этому обоснованию экспансии добавились меркантилистские соображения, а в XVII – богатая смесь из *realpolitik* и возникающих национальных и расовых дискурсов, а улучшения в мореплавании, в военной технике, в бюрократическом контроле и фискальной мобилизации сделали его возможным» (Kollmann, 2017: 5).

Одним словом, по мнению Н. Коллманн, и с такой постановкой вопроса нельзя не согласиться, Россия не делала ничего, чего не делали ее соседи по континенту, и осуществляя экспансионистскую политику, преследовала анало-

гичные цели, то есть стремилась «получать прибыль для правителей и элиты и зарабатывать ресурсы для государственного строительства» (Kollmann, 2017: 5). Точно так же, как и ее соседи, она, мотивируя свое расширение необходимостью то борьбы с неверными, то стремлением восстановить историческую справедливость и вернуть древние вотчины, утраченные в прежние времена, то в погоне за славой (и имперским величием – этот момент хорошо заметен при анализе политической риторики Петра Великого. – *В.П.*), тем не менее, руководствовалась в первую очередь экономическими и политическими соображениями, но не идеологией.

Обращает на себя внимание еще один чрезвычайно важный, на наш взгляд, момент во Введении – Н. Коллманн мягко, осторожно критикует тенденции в современной историографии государств, возникших на постсоветском пространстве. Хотя восприятие России как деспотичной державы сегодня постепенно размывается, пишет она, однако многие исследователи не согласны с такой трактовкой и продолжают настаивать на том, что она была «унитарным» государством, управляемым из центра и отрицающим какую-либо внутреннюю политическую автономию. Национальные историографии делают акцент, продолжает историк, на принуждении со стороны имперского центра, на тех ограничениях, которые были навязаны «Русской империей» их национальным и региональным автономиям, но не на терпимости к региональным отличиям со стороны имперских властей (тем самым, отрицая советское прошлое, они де-факто соглашаются с марксистской оценкой национальной политики имперских властей, которая де превратила империю в «тюрьму народов». – *В.П.*). Однако, отмечает автор дальше, современные исследования показывают (и на этот тезис мы обращаем особое внимание. – *В.П.*), что раннемодезные государства не имели возможности контролировать территории и ситуацию в стране одной лишь силой без

привлечения на свою сторону местных элит – главными препятствиями были коммуникации и нехватка людских ресурсов. (Любопытно сравнить этот тезис с идеями, которые высказывали ранее некоторые отечественные авторы, к примеру, (Аракчеев, 2014; Бовыкин, 2012; Поскровский, 1989; Петров, 2008) и другие). Правда, заметим, что новые идеи и веяния медленно утверждаются в современном российском историческом поле, в чем не последнюю роль играет Internet – школьники и студенты, и не только они, черпая из сети информацию, прежде всего сталкиваются с «классикой», выдержанной во вполне традиционном духе.)

Россия, продолжает свою мысль Н. Коллманн, не была исключением из общего правила, ее сила и стабильность проистекали, с одной стороны, из установления и поддержания жесткого контроля над «ключевыми вопросами власти – уголовным правом, налогообложением, военной мобилизацией и обороной», а с другой стороны – из сохранения в имперских властных структурах развитых элементов местного самоуправления и внутренней автономии (Kollmann, 2017: 5-6).

Таким образом, можно сделать вывод из построений автора «Русской империи», что не только и не столько принуждение, сколько переговоры и достигнутый в результате взаимовыгодный компромисс как основа сотрудничества верховной власти и местных элит, – вот та основа, на которой строилась Россия (отметим, что эту же идею Н. Коллманн обозначила в «Преступлении и наказании» (Коллманн, 2016: 15-17)). Делать акцент на принуждении, которое, несомненно, присутствовало в числе использовавшихся русскими монархами раннего Нового времени административных стратегий, – значит делать серьезную ошибку и исказить прошлое. А вот на что стоит обратить внимание и что необходимо изучать в первую очередь, так это, по мнению Н. Коллманн, на ту гибкость, которую проявлял имперский центр в отношениях с имперской же периферией,

изменяя свою политику по отношению к ней при столкновении с новыми вызовами, на те механизмы взаимодействия верховной власти и местных, региональных элит, которые обеспечивали стабильность и устойчивость развития российского политического организма.

Охарактеризовав основные идеи, на которых строится исследование Н. Коллманн, перейдем к характеристике содержания основной его части, выделив достоинства и недостатки, которые, на наш взгляд, ей присущи. Еще раз подчеркнем несколько нетрадиционный характер структуры работы: автор не проводит одного сквозного подхода, будь то чисто хронологический или проблемный, при расположении материала. Сама Н. Коллманн пишет, что она придерживалась общего тематического подхода, отдельные проблемы при этом размещаются в общем хронологическом порядке; событийная история преднамеренно была оставлена на втором плане (Kollmann, 2017: 9).

Свое изложение Н. Коллманн начинает с краткого «Пролога», в котором рисует широкими мазками картину территориального расширения «Русской империи» со времен Ивана III по конец правления императора Павла I. Характеризуя причины, обусловившие переход московских великих князей к территориальной экспансии, исследователь отмечает, что московские государи изначально правили в условиях острой нехватки людских и финансовых ресурсов для обеспечения реализации основных государственных задач. Отсюда и двойственная политика верховной власти, которая была направлена, с одной стороны, на расширение ресурсной базы посредством захвата территорий с плодородными почвами и населением (потенциальными налогоплательщиками), обладающих «мягким золотом» (пушшиной), металлами и т. п., установления контроля над коммуникациями и важными торговыми центрами (мы бы охарактеризовали этот путь как экстенсивный), а с другой – на

создание и совершенствование более или менее эффективных механизмов мобилизации этих скудных ресурсов (интенсивный путь).

XV век, по оценке исследователя, был временем расширения и укрепления контроля внутри правящей династии и над собственно Русской землей, XVI в. ознаменовался запуском процесса территориальной экспансии вовне за счет подчинения неславянских территорий с одновременной реорганизацией системы административного контроля и управления. Долгое правление Ивана IV, отмечает Н. Коллманн, сбивает с толку историков своей «ужасностью», выраженной прежде всего пресловутой «опричниной», однако, на наш взгляд (Пенской, 2015), это, по большому счету, не более чем гипноз, добровольный самообман историков и публицистов, ибо если подойти к оценке правления грозного царя, заслужившего в *нарративных* (курсив наш. – В.П.) источниках печальную славу, непредвзято, то оказывается, что именно в его эпоху, собственно говоря, и завершается процесс складывания русской государственности, запущенный Василием II и Иваном III. Стоит заметить, что исследователь указывает на характерную черту, состоящую в том, что каждый подданный великого князя был обязан или «службой» (служилый «чин»), или «тяглом» («чины» торговый и «земледельческой») (Kollmann, 2017: 10). Как здесь не вспомнить про концепцию «земско-служилого» государства, которую выдвинул Ю.Г. Алексеев! (Алексеев, 2019: 707-710).

Характеризуя ситуацию в следующем, XVII столетии, Н. Коллманн отмечает, что, хотя установившаяся по итогам Смуты новая династия Романовых стремилась поддерживать традицию, установившуюся прежде, «за фасадом традиции произошли перемены» (Kollmann, 2017: 10). Традиция сохранялась в сфере государственного управления и определяла цели внешней политики, вполне традиционно и консервативно выглядели культура и

идеология, основанные на православии, однако подспудно и в государстве, и в обществе постепенно вызревали новые явления, особенно заметные к концу столетия. Так что явление Петра I с его реформами, указывает Н. Коллманн, вовсе не было неким *deus ex machina*, а органически было связано со всем предыдущим ходом русской истории. При этом подчеркивается, что при переменах, учиненных им, основы «Русской империи» остались прежними – реформы были затеяны им ради обеспечения имперской экспансии и мобилизации ресурсов для ее осуществления при сохранении имперского же разнообразия (Kollmann, 2017: 11). Этой же генеральной линии во внешней и внутренней политики придерживались преемники Петра, и даже Павел I, продолжает Коллманн, сохранял основные направления расширения пределов Российского государства при сохранении контроля со стороны имперского центра и сочетания православия и европеизированной культуры (Kollmann, 2017: 11).

В том же духе выдержан и общий экскурс в историю русской внешней политики с XV по начало XIX вв., который дает Н. Коллманн в завершающей части «Пролога». В самом начале обзора она прямо пишет о том, что ее интересуют в этом вопросе единственно общие закономерности и тенденции (Kollmann, 2017: 11). И в качестве вывода историк подчеркивает: успешное расширение пределов Русского (Российского) государства в раннее Новое время было обеспечено, с одной стороны, упорством в мобилизации ресурсов и совершенствовании административных практик с учетом региональных особенностей, а с другой – тем, что главные конкуренты «Русской империи», империя Османская и Речь Посполитая, не сумели выдержать тонкий баланс между центром и периферией и, вступив в пору затяжного кризиса, оказались неспособны противостоять давлению соседей (Kollmann, 2017: 18).

Завершив обзор русской экспансионистской политики, Н. Коллманн первый

раздел своего исследования посвящает, по ее словам, исследованию «глубинных основ Евразии – ее топографии и климата – а также социально-экономических связей, которые со временем сформировали евразийское пространство» (Kollmann, 2017: 21). Отметим, что такой подход (своего рода географический детерминизм), присутствуя в отечественной историографии (см., например: (Кульпин, 1995; Милов, 2001) и др.), не говоря уже о западно-европейской, в которой так называемая «environmental history», зародившись в 60-е годы минувшего столетия (см., например: (Aberth, 2013; A Companion to Global Environmental History, 2012; Hoffmann, 2014; Simmons, 2008) и др.), в последние десятилетия получила особенное развитие, на наш взгляд, позволяет взглянуть на русскую историю под иным, чем прежде, углом и ответить на ряд важных вопросов, ответы на которые в рамках традиционной исследовательской парадигмы найти не представляется возможным. Но даже если отрицать сколь-нибудь существенное влияние природно-географических условий на историческое развитие России (как это делает, к примеру, Б.Н. Миронов (Миронов, 2005)), такого рода экскурс представляется весьма полезным и небезынтересным, тем более что Н. Коллманн учитывает в своих построениях не только природно-климатические условия, но еще и влияние глобальных торговых сетей на процессы государственного строительства и социально-экономического развития (здесь необходимо указать на мир-системный подход, одним из основоположников которого считается Ф. Бродель, а применительно к интересующему нас периоду подробно рассматривает И. Валлерстайн (см.: (Braudel, 1972-1973; Wallerstein, 1974)), посредством которых в Евразийском пространстве распространялись технологии (особенно военные), идеи и товары.

Исходя из этих тезисов, Н. Коллманн и рассматривает процесс территориального расширения Русского государства сперва в столетие 1450-1550 гг., когда «великое

княжество Московское обрело репутацию грозной силы, установив свой контроль над основными ресурсами и торговыми точками в важнейших областях Балтики, Волги и Черного моря» и де-факто вступив на путь превращения в полиэтничную империю (Kollmann, 2017: 53).

Следующие полтора столетия русской экспансии, которые описываются в главе под характерным названием «Сборка империи», по словам историка, «удивляют наблюдателя своей чистой энергией при почти полном отсутствии рефлексивной идеологии, описывающей имперский проект» (Kollmann, 2017: 55). «Московские правители не размышляли над тем, что они делают, – отмечает Н. Коллманн, – они просто непрерывно расширяли пределы своего государства» (Там же). В самом деле, исследователь подметил характерную особенность раннемодерного московского политического «дискурса», а именно, отсутствие этого самого «дискурса» как такового. Время для осмысления и теоретизирования по поводу накопленного опыта государственного строительства в России еще не настало, и несекуляризованное общественное сознание пока не было готово к тому, чтобы устремить свои помыслы на создание политических абстракций (это время настанет лишь в последней четверти XVII в.).

Однако отсутствие политической теории отнюдь не мешало успешной русской экспансии на юг и в особенности на восток (в меньшей степени – на запад). При этом, подчеркивает во введении к этой главе Н. Коллманн, при сохранении прежних мотивов, двигавших московскую экспансию (сугубо прагматичные мотивы: установление контроля над важными торговыми коммуникациями и центрами для получения таможенных доходов и захват материальных финансовых ресурсов) русские власти продолжали практиковать «политику различия», поддерживая региональные культуры и институты в обмен на лояльность, человеческие и финансовые ресурсы» (Kollmann, 2017: 55). Как резуль-

тат, к исходу XVII в. очертания «Русской империи» в целом сложились, равно как и основные принципы и идеи, посредством которых имперский центр управлял как коренными землями, так и имперской периферией. Характерной чертой стратегии управления, которая окончательно оформилась в эти полтора столетия, являлось то, что, подобно другим раннемоде­рным империям, власти поддерживали существующие административные структуры, но не нации, которые еще не сложились. Отсюда проистекает та особенность «Русской империи», на которую обращает внимание Н. Коллманн, а именно, существенно большая нагрузка со стороны государства на русский этнос, чем на «иностранцев», которые оказывались в известном смысле в привилегированном положении по сравнению с русскими (Kollmann, 2017: 81).

Для XVIII в., отмечает Н. Коллманн в следующих главах первой части своего исследования, характерно было при сохранении общих тенденций в политике верховной власти постепенное усиление интеграции периферии в имперские структуры (судьба Гетманщины, которую подробно разбирает Н. Коллманн, яркий тому пример). «Империя различий» сохранилась, но «привязка» ее составных элементов к центру стала более прочной. Впрочем, это и не удивительно, если принять во внимание стремление русских императоров, начиная с Петра Великого, создать более или менее упорядоченное «регулярное» военно-фискальное государство, которое должно было сменить патриархальное Московское царство. В такой модернизированной и вестернизированной империи прежние вольности свободы, дарованные свыше имперским «украинам», смотрелись анахронизмом, да и не мог не сработать эффект взаимного привыкания и притирки центра и периферии. Тем не менее, подчеркивает Н. Коллманн, «даже после губернской реформы 1775 г. имперские окраины продолжали управляться по разным моделям», и даже на западных «украинах» сохраня-

лись островки «различий». Больше того, император Павел I даже сделал шаг назад по сравнению с Екатериной II, пойдя на определенные уступки польско-литовской шляхте и остзейскому дворянству, вернув им ряд прежних привилегий, отмененных в предыдущее царствование (Kollmann, 2017: 125).

Рассмотрев в общих чертах ход развития «Русской империи» в раннее Новое время, Н. Коллманн затем, во втором и третьем разделах, подробнее касается проблем, связанных с развитием русской государственности соответственно в XVII и XVIII вв. Здесь она изменяет угол зрения, под которым рассматривает историю, выводя на первый план ключевые вопросы. Первый вопрос, с которого Н. Коллманн начинает вторую часть исследования, касается необычной и нетрадиционной для отечественной историографии проблемы репрезентации и легитимации верховной власти – лишь в последние десятилетия эта проблема стала предметом внимания российских историков (см., напр.: (Михайлова, 2010)). В первой главе второй части историк развивает идеи, которые были обозначены ею в уже упоминавшемся «Преступлении и наказании». Эта глава представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку поднимает вопросы, недостаточно изученные в российской исторической науке, и к тому же дает неординарный ответ на вопрос о пределах царской власти в допетровской России. Стоит, пожалуй, привести ряд цитат, которые наглядно демонстрируют, какова позиция Н. Коллманн в этом вопросе, столь дискуссионном и болезненном, и не только для российского общества.

Итак, что же пишет по этому поводу историк? Прежде всего вот что: «Идеальный образ политики в Московии, воплощенный в искусстве, ритуале, архитектуре и политической практике, не предполагал политики как института, но как практику и отношения между, с одной стороны, правителем и народом, а с другой, между правителем и элитой» ((Kollmann, 2017: 154);

сп: (Кром, 2005)). «Политика» в допетровской России отнюдь не являлась политикой в современном смысле этого слова и уж совершенно точно не артикулировалась и не рефлексировалась так, как это делается сегодня. Однако эта ее кажущаяся архаичность и традиционность, тем не менее, не мешала ей эффективно выполнять свои функции, поскольку она основывалась на ряде базовых принципов, одинаково пригодных для управления разнородными частями «Русской империи». Эти принципы, указывает Н. Коллманн, могут быть выражены в следующих тезисах (на которые, по нашему мнению, стоит обратить особое внимание).

Во-первых, отмечает Н. Коллманн, хотя чисто теоретически власть правителя считалась неограниченной, подобно власти отца в семье, однако на практике она была умеренной, ибо государь, «подобно отцу-патриарху, должен был быть строгим, но сдерживаемым благочестием и чувством христианской доброты, справедливым, милосердным и прощающим» (Kollmann, 2017: 154). Личным примером он вел свой народ к спасению и, что самое важное, не формализованные институты и отношения удерживали государя от злоупотреблений и поддерживали политическую систему в равновесии, но традиция и обычай. Здесь кстати снова вспомнить концепцию Ю.Г. Алексева, который указывал на неформализованные патернализм и патриархальность, освященные авторитетом церкви, в отношениях между государями и их народом как на отличительную черту политического устройства Русского государства в раннее Новое время (Алексеев, 2019: 707-708).

Во-вторых, Н. Коллманн подчеркивает гибкость идеологии, позволявшей в равной степени рассчитывать на справедливость, защиту и милосердие со стороны государя всем этническим и религиозным группам, проживающим на территории империи (Kollmann, 2017: 154).

В-третьих, хотя московская политическая реальность и не вполне соответ-

ствовала политическому идеалу, однако, как справедливо указывает Н. Коллманн, этот идеал оказывал определяющее воздействие на реальность и повседневные практики. Организованный на сложном переплетении неформальных отношений патронажа, родства, брачных и семейно-клановых связей, политический мир «Русской империи», пишет историк, поддерживался сотрудничеством и консенсусом между государем и элитами, а низы могли рассчитывать на государскую милость, подавая челобитные в суд или же лично государю (Kollmann, 2017: 154-155).

И последнее, на наш взгляд, едва ли не самое важное: Н. Коллманн подвергает жесткой критике утвердившиеся и в историческом сообществе, и в общественном сознании восприятие власти московских государей как «деспотической». Московские великие князья и государи обладали неограниченной властью лишь на словах; на деле же, отмечает Н. Коллманн, их власть была существенно ограничена «имперским воображаемым», то есть ожиданиями общества, которое соглашалось признавать власть монарха при условии, что он будет соответствовать образу идеального государя. «Православные правители, московские цари должны были быть благочестивыми, покровительствовать вере и защищать свое царство, поддерживать справедливость и, возможно, самое главное, защищать свой народ от зла» (Kollmann, 2017: 155), – указывает исследователь на эту особенность московской политической культуры. В противном случае общество, «земля» могли отказать государю в повиновении и, как это неоднократно повторялось в годы Смуты, выступить против него с оружием в руках. Конечно, продолжает развивать дальше свой тезис историк, московские государи могли и применяли силу, не останавливались перед использованием насилия, когда это было необходимо, однако эти действия воспринимались обществом как должное, если правитель соблюдал ритуал и гарантировал справедливость и правосудие. В

этом отношении Россия допетровского времени мало чем отличалась от аналогичных «деспотий», подобных китайской или османской, где неограниченная на словах власть императора или султана на деле ограничивалась традицией, формализованной или же поддерживавшейся в форме «имперского воображаемого».

Принимая этот тезис и поддерживая его, мы все же не согласимся с мнением исследователя, который, указывая на то обстоятельство, что раннемодерные государства нуждались в поддержке элиты, подчеркивает при этом, что для Московии это было особенно актуально, поскольку здесь не образовалась сложная социальная структура (Kollmann, 2017: 136). Безусловно, в допетровской России не сложились сословия, подобные тем, что будто бы существовали в Западной Европе¹. Однако полагать, что московское общество было в плане социальной структурированности примитивным и архаичным, было бы в корне неверно. Больше того, в известном смысле «сословия» в России («чины» «освященный, служилый, торговый и земледельческий») обрели законченную форму даже раньше, чем на Западе. Осторожно предположим, что именно эта система «чинов» в рамках традиционного московского «политикума» играла (наряду с церковью и аристократией) роль ограничителя власти монарха.

Последующие главы «Русской империи» рассматривают «власть кнута, армии и бюрократии» – эволюцию имперских административных практик, экономических, социальных, идеологических и культурных структур на протяжении XVII и XVIII вв., продолжая развивать тезисы, которые были заявлены в более ранних работах автора, в том же «Преступлении и наказании...» или в «Соединенных честию...» (Kollmann, 1999; Коллманн, 2001).

¹ М.А. Бойцов вполне резонно предположил несколько лет назад, что средневековые «сословия» суть теоретические конструкты, порожденные сознанием средневековых юристов. – См.: (Бойцов, 2014).

Не вдаваясь в подробности, поскольку текст основан на хорошо известных фактах, отметим самое, на наш взгляд, главное, а именно – несмотря на все серьезные перемены, имевшие место в XVIII в., основы «Русской империи», по мнению Н. Коллманн, оставались теми же, какими они сложились в предыдущие два столетия ее развития. И в конце XVIII в. «Русская империя», по словам историка, «все еще характеризовалась значительными региональными различиями в административной структуре, праве и в административных учреждениях». При этом, подчеркивает она, власть на протяжении XVIII века «поддерживала баланс между терпимостью к различиям в местных сообществах и сохранением централизованного контроля». Сами же российские императоры в своей политике следовали заложенным еще в московский период традициям управления – «правили самодержавно: приветствовали советы, взрачивали свою элиту, определяли закон, но никогда не уступали свой суверенитет, никогда не утверждали конституционные институты и не передавали право на фискальную, законодательную или исполнительную власть» (Kollmann, 2017: 292-293, 313, 314). Согласитесь, вывод более чем неожиданный и парадоксальный, противоречащий тому, что мы привыкли читать и слышать со времен школьной скамьи. И возразить Н. Коллманн в этом ее утверждении сложно, ибо она подводит основательную доказательную базу, приводя массу фактов.

Общий вывод: книга адресована, конечно, прежде всего англоязычному читателю, причем читателю относительно неплохо подготовленному, который в общих чертах представляет себе историю России раннего Нового времени, перед которым автор исследования рисует нетрадиционную картину формирования и эволюции «Русской империи». Однако, вне всякого сомнения, эта работа, несмотря на некоторые дискуссионные моменты, будет весьма полезна (особенно в том случае, если перевод и публикация на русском языке будут

сделаны так же быстро, как переводное издание «Преступления и наказания») и для отечественного любителя истории и, конечно же, российского исторического сообщества.

Литература

Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III: традиции и реформа // Алексеев Ю.Г. Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 312-711.

Аракчеев, В.А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.

Бойцов, М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. 2014. Т. 75. № 3-4. С. 66-78.

Коллманн, Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. П.И. Прудовского и др. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 610 с.

Коллманн, Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский. М.: Древлехранилище, 2001. 461 с.

Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

Кульпин, Э.С. Путь России. Кн. 1: Первый социально-экологический кризис. М.: Московский лицей, 1995. 199 с.

Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 2001. 572 с.

Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 1: СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 548 с.

Михайлова, И.Б. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздни-

чая культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 647 с.

Пенской, В.В. «Нормализация» ранне-модерной русской истории // Valla. An Interdisciplinary Journal of European Studies = Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. 2017. Т. 3. № 1. С. 100-111

Пенской, В.В. Святой или “Erbfeind gantzer christenheit”? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3(5). С. 110-125.

Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382.

Покровский, Н.Н. Томск, 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры / отв. ред. В.А. Александров; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. 388 с.

A Companion to Global Environmental History / Ed. by J.R. McNeill and E.S. Mauldin. Chichester, Wiley-Blackwell, 2012. 544 p.

Aberth, J. An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature. London and New York: Routledge, 2013. 326 p.

Braudel, F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vols. I-II. London: Harper & Row, 1972-1973. 1375 p.

Hoffmann, R. An Environmental History of Medieval Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 409 p.

Kollmann, N.Sh. By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaka & London: Cornell University Press, 1999. XIII+296 p.

Kollmann, N.Sh. Crime and punishment in early modern Russia. N.-Y.: Cambridge University Press, 2012. XVI, 488 p.

Kollmann, N.Sh. The Russian Empire, 1450 – 1801. N.-Y.: Oxford University Press, 2017. XIV, 497 p.

Simmons, I.G. Global Environmental History 10000 b.c. to a.d. 2000. Edinburg: Edinburg University Press, 2008. 271 p.

Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the

Sixteenth Century. New York-San Francisco-London, 1974. 410 p.

References

A *Companion to Global Environmental History* (2012), in McNeill, J. R. and Mauldin, E. S. (ed.), Wiley-Blackwell, Chichester, UK.

Aberth, J. (2013), *An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature*, Routledge, London and New York.

Alekseev, Yu. G. (2019), "Judicial Code of Ivan the Third. Tradition and reform", *Gosudarstvo i pravo epokhi formirovaniya Rossiyskogo gosudarstva (XIV – XV vekov)* [State and law of the era of the formation of the Russian state (14th – 15th centuries)], Oleg Abyshko Press, Saint Petersburg, Russia, 312-711 (in Russ.).

Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast` i "zemlya" Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglykh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and "land" Government policy in relation to the taxable estates in Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries], Drevlekhranilishhe, Moscow, Russia (in Russ.).

Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samopravlenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Local self-government in the Russian state of the 16th century] Dmitriy Bulanin Press, Saint Petersburg, Russia, 312-711 (in Russ.).

Boytsov, M. A. (2014), "Estates-Representative Monarchy: Error in Translation?", *Srednie veka. Studies on Medieval and Early Modern History*, 75 (3-4), Moscow, Russia, 66-78 (in Russ.).

Braudel, F. (1972-1973), *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. vols. 1-2, Harper & Row, London, UK.

Hoffmann, R. (2014), *An Environmental History of Medieval Europe*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kollmann, N. Sh. (1999), *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*, Cornell University Press, Ithaca & London.

Kollmann, N. Sh. (2012), *Crime and punishment in early modern Russia*, Cambridge University Press, N.-Y.

Kollmann, N. Sh. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. Sh. (2001), *Soedinennye chest`yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [By Honor Bound: State

and Society in Early Modern Russia], Drevlekhranilishhe, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N.Sh. (2017), *The Russian Empire, 1450–1801*, Oxford University Press, N.-Y.

Krom, M. M. (2006), "Sovereign of All Russia", *Odissey: Chelovek v istorii. 2005. Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odysseus: A man in History. 2005. Time and space of the holiday], Nauka, Moscow, Russia, 283-303 (in Russ.).

Kulpin, E. S. (1995), *Put` Rossii* [The way of Russia], book 1, Moskovskiy licey, Moscow, Russia, (in Russ.).

Milov, L. V. (2001), *Velikorusskiy pakhar` i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process], ROSSPEN, Moscow, Russia, (in Russ.).

Mironov, B. N. (2003), *Sotsial'naya istoriya Rossii* [Social history of Russia], vol. 1, Dmitriy Bulanin Press, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Mikhailova, I. B. (2010), *I zdes` soshlis` vse tsarstva... Ocherki po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI veka: povsednevnyaya i prazdnichnaya kul`tura, semantika etiketa i obryadnosti* [And here all the kingdoms converged ... Essays on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th century: everyday and festive culture, semantics of etiquette and rituals], Dmitriy Bulanin Press, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Penskoy, V. V. (2017), "'Normalization" of early modern Russian history", *Valla. An Interdisciplinary Journal of European Studies = Integrirovannyy istoriko-filologicheskiy zhurnal evropeyskikh issledovaniy* [Valla. An Interdisciplinary Journal of European Studies = Integrated Historical and Philological Journal of European Studies], 3 (1), 100-111 (in Russ.).

Penskoy, V. V. (2015), "Saint or "Erbfeind gantzer christenheit"? Ivan the Terrible and his era: image and reality", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 3 (5), 110-125 (in Russ.).

Petrov, K. V. (2008), "Did Sudebnik in 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Concerning the article by S. N. Kisterev "The Grand Duke's Judicial Code of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")", *Ocherki feodalnoy Rossii* [Essays on feudal Russia], 12, Al'yans-Arkheo, Moscow-St. Petersburg, 365-382 (in Russ.).

Pokrovskiy, N. N. (1989), *Tomsk, 1648-1649 gg. Voevodskaya vlast` i zemskie miry* [Tomsk, 1648-1649. Voivodship and zemstvo worlds], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Simmons, I. G. (2008) *Global Environmental History 10000 b.c. to a.d. 2000*, Edinburg University Press, Edinburg, UK.

Wallerstein, I. (1974), *The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*, New York - San Francisco - London.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru

УДК 165.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-13

Сабанчиев Р. Ю. | Миф, коллективная память, ошибка репрезентации:
границы понятий¹

Государственный академический университет гуманитарных наук, Марононский пер., д. 26,
Москва, 119049, Россия; rustamsabancheev@gmail.com

Аннотация. На сегодняшний день одной из самых обсуждаемых тем в гуманитарных исследованиях остается феномен мифа, о котором в последнее время пишут философы, социологи, исследователи истории. Однако при работе с коллективной памятью журналистами и учеными был выявлен так называемый эффект Манделы, который нельзя в полной мере сопоставлять с мифологизацией прошлого. Кроме того, как выясняется, существуют и другие научные представления о ложной памяти. В связи с обнаруженной эпистемологической проблемой актуальным оказалось прояснить понятия, проанализировав существующие научные концепции, и описать границы исследуемых феноменов. Для выполнения поставленной задачи автор обращается к трудам Я. Ассмана, А. Мегилла, Э. Лофтуса, А.Ф. Лосева, Р. Барта и других исследователей. Было установлено, в частности, что миф в границах коллективной памяти представляет собой сложный конструкт, псевдособытие, оказывающее влияние на повседневность и восприятие мира. Зачастую миф связан с контурами событий, имевших место в прошлом, он заключает в себе их интенцию. Эффект Манделы, напротив, является ошибкой коллективного воспоминания, это ложная память, сформированная посредством искажений в системе социальных коммуникаций. В целом же, проведенный анализ показывает, что коллективная память сама по себе не стремится к истинности формирующих ее локусов, даже несмотря на существующие и институционально представленные механизмы верификации. Поэтому разделяемые знания о прошлом и само прошлое зачастую не совпадают.

Ключевые слова: коллективная память; эффект Манделы; миф; Ассман; Мегилл; Лофтус

Для цитирования: Сабанчиев Р. Ю. Миф, коллективная память, ошибка репрезентации: границы понятий // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 168-173. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-13

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00371) «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях».

* Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 19-18-00371.

R. Yu. Sabancheev

**Myth, collective memory, error of representation:
the boundaries of concepts***

State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russia; *rustamsabancheev@gmail.com*

Abstract. Today, the phenomenon of myth remains for philosophers, sociologists, and history researchers one of the most discussed subjects in the humanitarian studies. However, working on the collective memory, the so-called Mandela Effect was revealed by journalists and scientists, and it cannot be fully compared with the mythologization of the past. Moreover, as it turns out, there are some other scientific ideas about false memory. In the connection with the discovered epistemological problem, it turned out to be relevant to clarify the very notion by analyzing the existing scientific concepts and to describe the boundaries of the studied phenomena. To complete this task, the author refers to the works of J. Assman, A. Megill, E. Loftus, A. F. Losev, R. Bart and other researchers. In particular, it was generally accepted that a myth within the boundaries of the collective memory is a complex construct, a pseudo-event that influences everyday life and the sensory perception of the world. A myth is often associated with the event contours that took place in the past; it contains their intentions. On the contrary, the Mandela Effect, is a collective memory error, a false memory formed through distortions in the system of social communications. Generally, the performed analysis shows that despite the existing institutionally presented verification mechanisms, the collective memory in itself does not strive for veracity of the loci that form it. Consequently, shared knowledge about the past and the past itself do not often coincide.

Keywords: collective memory; Mandela effect; myth; Assman; Megill; Loftus

For citation: Sabancheev R. Yu. (2021), “Myth, collective memory, error of representation: the boundaries of concepts”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 168-173, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-13

Вокруг феномена коллективной памяти сегодня сформировалось целое облако смежных понятий. Среди них есть неоднозначные. Например, одна из последних находок теоретиков – так называемый эффект Манделы. О нем сегодня пишут в основном журналисты. Его смысл заключается в том, что у определенной социальной общности одновременно формируется воспоминание, противоречащее реальным фактам. Впервые об этом явлении написали журналисты газеты Independent. В 2013 году ушел из жизни борец за права человека в период апартеида Нельсон Мандела. Однако пользователи интернета всерьез начали утверждать, будто Мандела

погиб в тюрьме еще в 1980-х, в то время как на самом деле он был из нее освобожден в 90-х. Впрочем, это не единственный случай, когда мы можем наблюдать подобный эффект. Многие пользователи российского сегмента интернета уверены, что первый президент Борис Ельцин, покидая свой пост в конце 90-х, заявил: «Я устал, я ухожу». Но в действительности Ельцин этих слов никогда не произносил. Они были растиражированы во всевозможных мемах и распространились по соцсетям. Похожий эффект вызвала якобы произнесенная фраза политика Бориса Грызлова, которая звучала так: «Парламент – не место для дискуссий». В действительности

же в стенограмме заседания Госдумы от 29 декабря 2003 года реплика звучит несколько иначе, фразу переписали журналисты для красноречивого заголовка статьи. В формулировке в виде лозунга она и вошла в российскую коллективную память.

Пожалуй, эффект Манделы – действительно нередкое явление. Противоречащие фактам воспоминания периодически возникают и укрепляются в памяти общества. По этой причине возникает главный эпистемологический вопрос памяти – как следует дифференцировать ложные и правдивые воспоминания? И нужно ли?

Отвечая на него, мы рискуем констатировать, что память не стремится к истинности. Поэтому в полной мере ассоциировать память и достоверные знания было бы наивно. В самой памяти не заложен инструмент верификации – она фиксирует следы прошлого, хранит их, но не выполняет функцию *ratio*. Это характерно и для индивидуальной памяти, и для коллективной. К примеру, Э. Лофтус провела огромное количество экспериментов с человеческой памятью, за которые ее упрекали в неэтичности. В частности, она пыталась «вживить» испытуемым ложную информацию, и ей это с успехом удавалось (Лофтус, 2011). Чаще всего эксперименты были связаны с событиями, происходившими в глубоком детстве участников исследований. К примеру, это был рассказ о том, как родители потеряли своего ребенка в торговом центре. Некоторые соглашались с тем, что такой факт действительно имел место в их биографии. «Память на события не просто реконструктивна, то есть человек не просто воспринимает факты о мире и затем воспроизводит их такими же, какими они были восприняты. В реальной жизни запоминание и воспроизведение конструктивны, что означает, что предшествующий опыт, полученная после события информация, перцептивные факторы и даже желание человека помнить некоторые события лучше, чем другие, влияют на то, что

мы вспоминаем» (Солсо, 2001: 257), – приводит к выводу Роберт Солсо.

Однако легко объяснимый для индивидуальной памяти процесс оказывается более сложным для понимания, если мы экстраполируем его на память коллективную. Почему ошибаюсь не Я, а ошибаемся Мы? Память, с которой мы имеем дело, нарративна – мы ее передаем из уст в уста, запечатлеваем в текстах, будь то объясняющая подпись под фотографией или фолиант, посвященный эпохам древних войн. Как я думаю, коммуникация не всегда представляет собой строго организованную систему. Это как детская игра «Испорченный телефон» – исходное сообщение на концах цепи коммуникации искажается настолько, что становится противоречивым по своей сути. Так и происходит производство ложного конструкта в условиях, когда ему не мешают произрастать и жить отсутствующие интенции к верификации, к проверке. Это можно назвать ошибкой репрезентации, поскольку нарушен именно коллективный репрезентативный механизм.

С одной стороны, коллективная память действительно уживается с ошибками репрезентации. Но с другой стороны – все ли ошибки однородны? И любую ли память, не поддающуюся верификации, можно считать ложной?

Так, слово *миф* в контексте истории интерпретируется зачастую с негативной коннотацией. Но неправильно было бы сравнивать миф с ошибкой репрезентации. Это социальный конструкт, обладающий самостоятельной природой, он созвучен памяти и является ее частью.

Немецкий исследователь Ян Ассман по-своему различает историческое событие и миф. Он рассматривает историческое событие как неповторяющийся, уникальный феномен, который четко определен в пространственно-временном континууме. Характеристика мифического события прямо противоположна – оно, в отличие от исторического, зациклено. Ассман подчеркивает, что миф своим повторением как бы

«орнаментализует» время «бесконечной вязью»: «Историческое событие структурирует время, разрывая его естественный круговорот и членя его на “до” и “после”. Мифическое событие придает времени цикличность, историческое – линейность. Мифическое событие требует разыгрывания, представления, актуализации. Историческое событие, поскольку оно уже актуализовано, поэтому именно историческое, а не мифическое событие является возбуждающим средством для воспоминания, исторического сознания, историографии» (Ассман, 2004: 267).

Миф в разрезе памяти пытались интерпретировать многие мыслители. Достаточно вспомнить эвгемеристические толкования язычества христианскими апологетами или современные попытки рационализировать древнегреческие представления о мире богов. Однако серьезный аргумент против попыток сравнивать миф и вымысел по своей значимости приводит А.Ф. Лосев. По его оценке, если исследовать миф в оптике мифического сознания, то он не будет эквивалентен ни фикции, ни фантазии «Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплытии больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; – то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов» (Лосев, 1991: 24). Стоит также обратить внимание на стиль Лосева, а именно его желание радикально изменить стереотипные представления о феномене. Философ будто специально подбирает слова, называя миф то самой подлинной действительностью, то необходимой категорией мысли и жизни.

Понимание мифа у Р. Барта произрастает из его философских представлений о суггестивности мира. Миф Барта – это не миф Лосева. Барт указывает, что мифом может оказаться вообще все, что угодно. Функция мифа – удалять реальность, пишет он: «Миф – язык, не желающий умирать; питаюсь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь, искусственно отсрочивает их смерть и сам удобно вселяется в эту отсрочку; он превращает их в говорящие трупы» (Барт, 2014: 293). Однако, если синтезировать представления Лосева и Барта, то окажется, что миф, в отличие от ошибок репрезентации, функционален. Он вписывается в мировоззрение и влияет на восприятие не только прошлого, но и будущего. Таким образом, миф сосуществует с памятью, являясь ее частью, и вместе с тем для исследователя он представлен как отдельный конструкт.

Нужно ли в таком случае исследователю памяти и истории стремиться строго дифференцировать псевдознание о прошлом и истинное знание? Например, американский историк Алан Мегилл, отвечая на этот вопрос, снимает противоречие ценной критики существующих классических философских представлений. «Следуя философам, они (исследователи. – *P.C.*) разделяют достоверное знание на две категории: с одной стороны, непосредственное знание, почерпнутое из личного опыта; с другой стороны, логическое знание, выведенное с помощью дедуктивных процедур. Но ни одна из этих форм тем не менее не может быть приложена к историческому знанию» (Мегилл, 2007: 398), – считает А. Мегилл. В попытке представить свою концепцию более подробно американский исследователь приводит пример с Наполеоном Бонапартом. Он считает, что невозможно доподлинно получить истинное знание, существовал ли французский император или нет. Мегилл связывает такое утверждение с непосредственным опытом, который по прошествии длительного времени оказывается недоступным. Кроме то-

го, всеми возможными логическими процедурами, по мнению Мегилла, также не представляется возможным установить факт существования Наполеона.

Вывод, который делает Мегилл, противоречив, однако с точки зрения исторической эпистемологии его, вероятно, можно считать в некоторой мере оправданным – вместо использования традиционной философской концепции достоверности для оценки знания о прошлом необходима просто ее дифференциация по степеням: «Степень достоверности, присущая определенной совокупности представлений о прошлом соответствует степени, в которой принятие этих представлений может обеспечить объяснение тотальности исторических источников» (Мегилл, 2007: 399).

Таким образом, проще говорить о достоверной/недостоверной памяти и мифе как отдельном конструкте внутри коммуникаций социальных групп. При этом, с точки зрения эпистемологического истолкования, мы можем сделать ряд неоднозначных выводов. Сама по себе коллективная память включает в себя как ложные, так и истинные воспоминания, поскольку представляет собой органический, необработанный, многослойный нарратив. Прошлое в нем запечатлено далеко не только в конкретных фактах, но и в различных интерпретациях и оценках. По этой причине нельзя сравнивать память с историей в научном модусе. История старательно просеивает воспоминания, оставляя достоверное и репрезентируя его при помощи многочисленных методов и подходов. Мы можем говорить о позитивистской парадигме истории, о междисциплинарном дискурсе или археологии знания, но в конечном счете любые стремления к рационализации не могут охватить постоянно разрастающуюся и угасающую память. По этой причине и мифы, сотканые не из событий, но представлений, и ошибки репрезентации будут всегда ей сопутствовать.

Литература

Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Барт, Р. Мифология / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенина. 3-е изд. М.: Академический проект, 2014. 351 с.

Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М.: Политическая литература, 1991. С. 21-186.

Лофтус, Э.Ф. Ложные воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1719.html> (дата обращения: 12.10.2021)

Мегилл, А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. М.: Канон+, 2007. 480 с.

Солсо, Р.Л. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2001. 589 с.

References

Assman, Ya. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity], Translated by M. M. Sokol'skaya, *Jazyki slavjanskoj kul'tury*, Moscow, Russia (in Russ.).

Bart, R. (2014). *Mifologiya* [Mythology], Transl. by S. Zenina, *Akademicheskij proekt*, Moscow, Russia (in Russ.).

Loftus, E. F. (2011), *Lozhnye vospominaniya* [False memories] [Online], available at: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1719.html> (Accessed 12 October 2021) (in Russ.).

Losev, A. F. (1990), "The Dialectic of myth", *Filosofija, mifologija, kul'tura* [Philosophy, mythology, culture], *Politicheskaja literatura*, Moscow, Russia, 21-186 (in Russ.).

Megill, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology], Translated by M. Kukarcevoj, V. Kataeva, V. Timonina, *Kanon+*, Moscow, Russia (in Russ.).

Solso, R. L. (2001), *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology], *Piter*, S. Peterburg, Russia (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Сабанчиев Рустам Юнусович, младший научный сотрудник, философский факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия;
rustamsabancheev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Rustam Yu. Sabancheev, Junior Researcher, Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russia;
rustamsabancheev@gmail.com

УДК 111

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-14

Антипенко Л. Г. | **О научных предпосылках построения космологической картины мира (логико-математический и философский анализ)**

Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Российская Федерация; *chistrod@yandex.ru*

Аннотация. Современная ортодоксальная космология подвергается серьезной критике со стороны ряда выдающихся физиков и астрофизиков, к числу которых относится, в частности, лауреат Нобелевской премии Р. Лафлин, опубликовавший книгу «Другая вселенная». Принимая во внимание эту критику, автор данной статьи ставит задачу выяснить, какие факторы должны быть непременно учтены при построении модели Вселенной, чтобы такая модель не оказалась заведомо ложной. Приводится аргументация, согласно которой надо учитывать экспериментально наблюдаемый эффект красного смещения (закон Хаббла), систему инерциальных, в глобальном масштабе, систем координат, наличие гравитационных и инерциальных сил. Важное значение имеет то обстоятельство, что описание временной эволюции всякой системы требует учета двойственной структуры времени, попеременной смены его течения в противоположных направлениях.

Ключевые слова: космология; пространство; время; гравитация; гравитационные и инерциальные силы

Для цитирования: Антипенко Л. Г. О научных предпосылках построения космологической картины мира (логико-математический и философский анализ) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 174-185. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-14

L. G. Antipenko | **On the scientific prerequisites for constructing a cosmological picture of the world (logical-mathematical and physical analysis)**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; *chistrod@yandex.ru*

Annotation. Modern orthodox cosmology is subject to serious criticism from a number of prominent physicists and astrophysicists, among whom is, in particular, the Nobel Prize Laureate R. Laughlin, the author of “A Different Universe”. Taking this criticism into account, the author of this article sets out to find out what factors must be considered in the construction of a model of the Universe so that such a model does not turn out to be deliberately false. The argumentation is given, according to which it is necessary to take into account the experimentally observed redshift effect (Hubble's law), the system of inertial, on a global scale, coordinate systems, and the presence of gravitational and inertial forces. It is important that the descrip-

tion of the temporal evolution of any system requires taking into account the dual structure of time, the alternate change of its course in opposite directions.

Key words: cosmology; space; time; gravity; gravitational and inertial forces

For citation: Antipenko L. G. (2021), “On the scientific prerequisites for constructing a cosmological picture of the world (logical-mathematical and physical analysis)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 174-185, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-14

В понятие космологической картины мира мы включаем, как и принято в научном сообществе, систему астрофизических представлений вместе с теорией гравитации, пространства и времени. В двадцатом столетии сложилась традиция, согласно которой научные предпосылки создания космологической модели Вселенной содержатся в *релятивистской* теории гравитации, обычно отождествляемой с *общей теорией относительности* (ОТО). От ОТО нить рассуждений ведет к концепции Большого взрыва, в результате которого возникает вселенная с последующим расширением, инфляцией на ранней стадии расширения и прочими метаморфозами. Однако в последние годы у многих (если не у большинства) физиков и астрофизиков возникли сомнения в этом подходе к построению такой космологической картины мира. Возникли они отчасти под влиянием наблюдений новых явлений, разыгрываемых на просторах Метагалактики (более совершенные телескопы), отчасти под влиянием опыта исследований свойств физического вакуума (конденсатные состояния материи). Но главное – выявление в структуре ОТО, и особенно в концепции Большого взрыва, бессмысленных утверждений типа высказывания о расширении Вселенной со сверхсветовыми скоростями на стадии инфляции и т. п.

Нельзя не согласиться с тем, что космология тесно связана с феноменом гравитации, не может обойтись без теоретического осмысления этого феномена. Но при изучении гравитационных взаимодействий нельзя не учитывать поляризацию их на *силы тяготения* и *силы инерции*. Каждый на

собственном опыте может убедиться, что, совершая поездку на трамвае, он испытывает действие сил, возникающих в том случае, когда трамвай отклоняется от прямолинейного движения. Но ведь каждый школьник знает, что согласно третьему закону Ньютона сила, действующая на тело *A* со стороны другого тела *B* (или какой-то системы тел), сопровождается обратным действием *A* на *B*, причем сила действия равна силе противодействия. Поэтому центральным, стержневым вопросом в теории гравитации является вопрос о том, по какому адресу «проживает» адресат, испытывающий реакцию тела *A*. Когда игнорируют этот вопрос, то пытаются построить гравитационную теорию так, чтобы вообще исключить из рассмотрения силы инерции, свести их каким-то образом к силам тяготения. Скажем заранее, что подобного рода попытки бесплодны сами по себе, но поучительны для научных поисков.

Многие ученые полагали, что ответы на эти коренные вопросы дает ОТО. Однако, как отметил академик Л.И. Седов, в этой теории «за счет искривления четырехмерного пространства исключаются не только силы инерции, но и силы тяготения» (Седов, 1980: 39). Так что здесь проблема не решается, а просто снимается.

Когда-то, во время учебы в Московском машиностроительном техникуме (1951–1955 гг.), я прочитал книгу С.Э. Хайкина «Механика». Мне повезло: в мои руки попало ее первое издание 1940 г. (Хайкин, 1940). У меня тогда возникло впечатление, которое не выветрилось и по сей день, что это одна из самых интерес-

ных книг, которые можно найти в научной литературе. Доходчиво и занимательно повествует она о механических законах и фактах со ссылками на измерительные процедуры, в которых раскрывается суть механических эффектов. Вот только механическая картина мира, нарисованная Хайкиным, оказывается неудовлетворительной в отношении его попыток ответить на вопрос о сущности инерциальных сил.

Эрнст Мах (1838–1916) освободил умы физиков от ньютоновского абсолютного пространства и абсолютного времени. Опыт с вращающимся ведром, в которое налита жидкость¹, и вообще комплекс инерциальных сил Мах соотнес с ориентацией на материальные (вещественные) тела, заполняющие вселенское пространство. И само пространство предстало как свойство, атрибут этих тел. Хайкин высоко оценил эту идею Маха, но вопрос о конкретной связи инерциальных сил с третьим законом Ньютона остался у него нерешенным.

Если обозреть систему рассуждений автора, то можно прийти к выводу, что он пытался наложить заклятие на инерциальные силы, пытался их «изжить», определить как силы *фиктивные*. В конечном счете выявилось его стремление свести силы инерциальные к силам тяготения. Для этого инерциальное движение было отождествлено со *свободным* движением. А свободное движение дает о себе знать человеку, который находится, к примеру, в падающем лифте и освобождается от тяжести. (Хайкин демонстрировал это обстоятельство на мысленном опыте с наблюдателем, помещенным в закрытый вагон, при свободном движении). Нарушение свободного движения вызывает реакцию, сопротивление этому изменению, что и выражается в форме инерциальной силы. Действие инерциальной силы на тело, как полагал Хайкин, можно избежать, если рас-

смаивать его движение по траектории, определяемой действием силы притяжения. Тогда можно заключить, что ускоренное движение эквивалентно силе гравитации. Инерциальным же силам здесь места не остается. Однако этот вывод автора «Механики» впоследствии подвергся справедливой критике, в которой было отмечено, что неправомерно отождествлять локальные гравитационные эффекты с гравитационными эффектами в глобальных масштабах пространства и времени (К обсуждению книги..., 1950).

Познакомимся теперь поближе с этими рассуждениями (ссылки даются на второе издание «Механики» (Хайкин, 1947)). Прежде всего, Хайкин выписывает и комментирует законы Ньютона. Первый закон гласит: «Всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или прямолинейного и равномерного движения, пока оно не принуждается приложенными силами изменить это состояние» (цит. по (Хайкин, 1947: 72)). И комментирует: «Движение в отсутствии сил, о котором идет речь в этом законе, называют движением по инерции, поэтому первый закон Ньютона часто называют “Законом инерции”» (Хайкин, 1947: 73).

Цитирование второго закона Ньютона сопровождается рядом математических определений и формул, некоторые из которых нам придется выписать для того, чтобы наметить новый подход к истолкованию закона инерции. Читаем: «Изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по непременно той прямой, по кото-

рой эта сила действует», т. е. $\frac{d\vec{P}}{dt} = \vec{F}$, где \vec{P} – импульс, а \vec{F} – действующая сила (Хайкин, 1947: 96).

Иначе: $\frac{d}{dt}(m_0\vec{v}) = \vec{F}$, $m_0 \frac{d\vec{v}}{dt} = \vec{F}$ или $m_0\vec{j} = \vec{F}$. (1)

При больших скоростях движения тела (в специальной теории относитель-

¹ См., например: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ведро_Ньютона

сти (СТО)) взаимоотношения между массой тела, силой и ускорением меняются, зависят от того, под каким углом действует на тело сила. Для двух крайних случаев прилагаемые силы – тангенциальная F_t и перпендикулярная F_n – имеют место следующие выражения.

1-й случай. Ускорение ортогонально (абсолютная величина скорости остается неизменной, меняется только ее направление).

$$F_n = \frac{m_0 \vec{j}_n}{\left(1 - \frac{v^2}{c^2}\right)^{1/2}} \quad (2)$$

2-й случай (направление неизменно, меняется абсолютная скорость).

$$\vec{F}_t = \frac{m_0 \vec{j}_t}{\left(1 - \frac{v^2}{c^2}\right)^{3/2}} \quad (3)$$

Здесь всё, что стоит перед величиной ускорения, относится к выражению величины массы, как и в нерелятивистской физике. Так что в этих двух разных случаях величина массы тела имеет разные значения, что и отметил в своей «Механике» Хайкин.

Но он оставил без внимания релятивистскую формулу

$$E_0 = m_0 c^2, \quad (4)$$

где c – скорость распространения света в вакууме и (по совместительству) универсальная константа, m_0 – собственная масса (масса покоя) тела, E_0 – энергия, эквивалентная массе m_0 .

Вообще механическое движение характеризуется скалярной мерой движения (энергия) и векторной мерой движения (импульс). Если энергия есть мера движения, то формула (4) тоже есть выражение определенной меры движения. И если так, то тогда возникает вопрос о том, при каких условиях эта мера остается неизменной. К тому же: как эта мера соотносится с тремя законами Ньютона? «Действие всегда

есть, – цитирует Хайкин Ньютона, – равное и противоположное противодействие, иначе – взаимодействия двух тел друг на друга между собой равны и направлены в противоположные стороны» (Хайкин, 1947: 107). Выше автор провозгласил закон инерции как такое движение тел, при котором на них не действуют никакие силы (гравитационные, в первую очередь). Но затем он уточняет, что закон инерции относится к инерциальным системам отсчета. «Инерциальные системы отсчета – это те, в которых справедлив закон инерции» (Хайкин, 1947: 115).

Нетрудно заметить здесь ошибку, которая называется *petitio principii*². Но эта ошибка не играла бы существенной роли, если бы закон инерции не ограничивался, согласно автору, неопределенными локальными рамками. Поэтому чтобы нам не подвергнуться такой жесткой критике, которая обрушилась на «Механику» Хайкина, мы введем понятия инерциального движения в узком и широком смысле слова. Критерием понятия инерциального движения в узком смысле слова послужит неизменность энергии и, соответственно (собственной) массы в формуле (4). (Конечно, речь идет о неизменности в тех пределах, в которых изменением массы можно пренебрегать). За этими пределами открывается другая картина, в которой наблюдается изменение массы или соответствующей ей энергии. Ставится вопрос о том, каков характер этого изменения, какова его скорость в зависимости от времени и можно ли его подвести под понятие инерциального движения в широком смысле.

Астрофизические наблюдения (закон красного смещения Хаббла) показывают, что энергия движущегося фотона, испущенного удаленной галактикой и регистрируемого земным наблюдателем, убывает равномерно по мере пространственной протяженности, которую преодолевает фотон в своем движении, по мере израсхо-

² Предвосхищение основания (лат.)

дованного времени (см. (Алеманов, 2014; Антипенко, 2019)). При этом важно учитывать то обстоятельство, что относительная потеря световым квантом энергии не зависит от его исходной энергии. Для элементарных частиц, обладающих собственной массой, эффект потери массы на протяжении космического хода времени обусловлен тем, что они суть композитные частицы. Масса электрона имеет положительное значение. Но это – средняя, точнее, средне-вероятностная, масса. Она представляет собой квантовую суперпозицию массы положительной и массы отрицательной, распределяемых *во времени* с разными амплитудами вероятности. (Такой вывод делается на основании полного решения квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона. (Антипенко, 2018)).

А вот на основании аналогии с движением фотона можно сделать вывод о том, что в нашей Вселенной с течением времени уменьшается не только энергия фотона, но и энергетическое содержание электрона. Данный вывод подтверждается тем фактом, что в квантовой механике энергия и импульс частицы даются равенствами Луи де Бройля: $E = h\nu$ и $\vec{p} = \hbar\vec{k}$. Уменьшается частота ν , уменьшается и энергия E . Но поскольку электрон, в отличие от фотона, имеет собственную массу, то понятно, что ее уменьшение нельзя объяснить иначе, нежели полагая, что происходит изменение амплитуд вероятности для двух противоположных значений массы.

Эти соображения позволяют обобщить понятие инерциального движения,

$$\frac{dE}{dt} = const.$$

подчинить его условию Отклонения от этой константы происходят под воздействием внешних сил, и тогда появляется инерциальная сила как реакция на изменение состояния движения. Если ньютоновская инерциальная сила абстрагирована от энергетического процесса, то здесь эта связь вполне очевидна.

Главная трудность для всех ученых, которые непосредственно занимались поисками решения поставленной здесь проблемы, заключается в получении ответа на вопрос, как установить критерий различия между локальными и глобальными инерциальными системами. Ее можно продемонстрировать на примере суждений по данной тематике академика Л.И. Седова. В статье «Мысли Коперника – истоки основ современной механики» он указывает, что силы инерции по своим физическим проявлениям полностью эквивалентны силам тяжести, причем физическое значение имеют только суммарные массовые силы, гравитационные силы и силы инерции. «Единственная особенность массовых сил инерции связана с тем, что если руководствоваться третьим законом Ньютона о силах действия и противодействия, то силу противодействия внешним силам инерции нельзя прикладывать к массам и полям внутри Солнечной системы, в которой выделяется гелиоцентрическая система координат» (Седов, 1980: 12-13). И тут остается без ответа вопрос о том, где находится адресат инерциальной силы, если его нет в Солнечной системе. Где его можно отыскать? Надо ли апеллировать к Галактике или к Метагалактике?

В другом месте Седов, ссылаясь на общую и специальную теории относительности, опять касается того же различия (Седов, 1980: 292). Основной принцип относительности Галилея–Ньютона, пишет он, состоит в утверждении, что все законы природы, формулируемые в виде соотношений между величинами, определенными в различных системах координат наблюдателей, сохраняют свой вид в инерциальных системах координат. «В ОТО для любой точки риманова пространства этот принцип относительности формулируется локально в локальных координатах, которые играют роль локальных инерциальных координат, аналогичных глобальным инерциальным системам координат, выделенных в СТО физическими телами, например, системой “неподвижных” звезд» (Се-

дов, 1980: 292). Мы видим, что дается ссылка на систему «неподвижных» звезд. Но ведь ясно, что поскольку СТО, рассматриваемая как предельный случай ОТО, относится к локальным инерциальным системам, то нельзя апеллировать к той же самой СТО при установлении (определении) глобальных инерциальных систем.

Уточним постановку рассматриваемой нами задачи. Задача состоит не в том, чтобы создать новую космологическую теорию взамен ортодоксальной, а в том, чтобы выяснить, какие факторы при построении модели Вселенной должны быть непременно учтены, чтобы эта модель не оказалась заведомо ложной. Учет инерциальных систем при формулировании механических законов физических явлений приводит к выводу о *единстве и противоположности* сил гравитационных и сил инерциальных. А далее ставится вопрос: нарушается ли это единство в глобальном, вселенском масштабе, в космологии? То есть, нельзя ли в космологии от инерциальных сил избавиться по типу того, что можно наблюдать в локальных движениях? И выясняется, что дело не только в том, что современная ортодоксальная космология, созданная на односторонней основе гравитационных взаимодействий, ложна, но ложный результат получается всякий раз, когда отбрасывается глобальная инерциальная система координат.

Поскольку с понятиями гравитационных и инерциальных сил связаны понятия гравитационной и инертной массы, то доказать несводимость одной массы к другой значит доказать несводимость инерциальных сил к силам тяготения. Путь этого доказательства намечен в книге Макса Джеммера «Понятие массы в классической и современной физике» (Джеммер, 1967). В главе XIV «Понятие массы в квантовой механике и теории поля» Джеммер вводит терминологическое различие между двумя концепциями, или теориями. Теория, в которой полная масса частицы есть ее полевая масса, будет называться *масс-*

унитарной. А вот *унитарной* (единой) называется теория, если она постулирует существование только одной сущности. Унитарная теория поля всегда масс-унитарна, но не всякая масс-унитарная теория является обязательно унитарной. Джеммер пишет, что электромагнитная теория массы служит примером того, как пытались сформулировать масс-унитарную теорию, но она не была унитарной, так как заряды и поля были взаимно несводимыми понятиями (Джеммер, 1967: 198).

Результаты новейшего развития квантовой физики, представленные концепцией корпускулярно-вихревого дуализма (теория и эксперименты), свидетельствуют о том, что теория любого типа физических взаимодействий не может быть унитарной, она всегда оказывается двойственной по типу двойственности электромагнитной теории массы (см. работы (Son, 2015; Manninen et al., 2005)). Средством выражения такой двойственности служит симметрия, ее нарушение и компенсация нарушения. При этом надо отметить, что есть два вида симметрии, к которым обращаются в современной квантовой физике: *калибровочная* симметрия и *суперсимметрия*. Калибровочная симметрия применяется тогда, когда описываются электромагнитные, сильные и слабые (ядерные) взаимодействия. А при попытках описания гравитационных взаимодействий поступают иначе: пытаются восполнить недостачу (неполноту) калибровочной симметрии, обращаясь к суперсимметрии. Возлагая надежды на ее существование, физики стоят перед задачей дать ей надлежащее выражение.

Калибровочная симметрия приводит к выводу о необходимости существования векторных калибровочных полей, обмен квантами которых представляется как взаимодействия частиц. В электродинамике это фотоны, в сильных взаимодействиях – глюоны, в слабых ядерных взаимодействиях – три вида бозонов. Происхождение понятия калибровочной симметрии связано с

понятием изотопического спина, посредством которого уподобляются и различаются взаимодействующие между собой протоны и нейтроны, расположенные в ядрах атомов. Различия между ними ставятся в зависимость от поворота изотопического спина в изотопическом пространстве. Наиболее наглядно калибровочная симметрия представлена в квантовой электродинамике. Здесь двум разным значениям изотопического спина ставятся в соответствие вещественная и мнимая части волновой функции электрона (ψ_e), а роль изотопического пространства играет плоскость комплексного переменного, где по одной оси откладывается вещественная часть ψ_e , а по другой – мнимая. Если комплексную функцию записать в виде произведения модуля на фазовый множитель, тогда поворот в этом пространстве на угол ϕ сведется к изменению фазового множителя, то есть к умножению ψ_e на новый фазовый множитель:

$$\psi_e(r, t) \rightarrow \psi_e(r, t) e^{ie\phi(r, t)}, \quad (1)$$

где e в показателе компоненты – заряд электрона.

Преобразованная функция подставляется в уравнение Дирака

$$\sum_{\mu=0,1,2,3} \gamma_{\mu} \frac{\partial \psi_e(x)}{\partial x_{\mu}} - \frac{mc}{i\hbar} \psi_e(x) = 0, \quad (2)$$

которое описывает свободное движение электрона. (Здесь x – четырехмерная координата с компонентами $x^0 = ct, x^1 = x, x^2 = y, x^3 = z, \gamma^{\mu}$ – т. н. матрицы Дирака). В результате появляется некоторая добавка, которую компенсируют, изменяя уравнение (2) так, чтобы оно стало калибровочно-инвариантным. Проводятся еще некоторые дополнительные операции, приводящие к выводу, что электрон должен взаимодействовать с некоторым векторным полем A_{μ} . В конечном итоге получают уравнения Максвелла. Или, иначе говоря, компенсирующим (калибровочным) полем для калибровочного

преобразования волновой функции электрона оказывается электромагнитное поле, а калибровочной частицей – безмассовая частица со спином 1. «Эти два свойства – отсутствие массы и спин 1 присущи любым калибровочным полям» (Физический..., 1983: 238).

Мы полагаем, что методом перехода от калибровочной симметрии к суперсимметрии может быть метод, при котором фазовые сдвиги волновой функции переносятся на само время. Замена волновой функции комплексно сопряженной функцией приводит к тому, что время предстает в виде сочетания двух противоположных потоков – прямого и обратного (Антипенко, 2021). (Конечно, с этим метаморфозом согласится лишь тот физик, который видит во времени фундаментальный циклический процесс вместо привычной координаты (Wendel et al., 2020). Отчасти этот метод был разработан Франком Вилчеком и описан им в статье «Квантовые кристаллы времени» (Wilczek, 2012). Посмотрим, что стоит за этим термином.

Симметрия и ее спонтанное нарушение, пишет Вилчек во вводной части статьи, стали центральной темой в современной физике. Возможно, что ни одна симметрия не более фундаментальна, чем трансляционная симметрия времени, лежащая в основе как воспроизводства опыта, так и стандартной динамической системы отсчета, в которой имеет место сохранение времени. Поэтому, естественно, возникает вопрос, может ли трансляционная симметрия времени быть нарушенной в некоторой квантово-механической системе (Wilczek, 2012: 1). Опираясь на аналогию с пространством, автор дает положительный ответ на этот вопрос: в случае кристаллических структур вполне очевидно нарушение пространственной симметрии. А это означает не что иное, как то, что мы уподобляем пространство вещественным структурам материи. Так и время, по Вилчеку, следует рассматривать в контексте систем, которые оно пронизывает. Только эти системы должны быть специ-

ально подготовленными для наблюдения теоретически предсказываемых эффектов времени. Речь идет о квантовых системах, находящихся в «основном состоянии», то есть в состоянии самой низкой энергии. Однако и в таком состоянии, утверждает автор, оператор Гамильтона должен действовать. А если так, квантовая система все равно будет иметь некоторый вид движения. Движение происходит во времени, и время может или должно подвергаться спонтанному нарушению симметрии, которое (нарушение) сводится к тому, что течение времени периодически испытывает разрывы (Wilczek, 2012: 1).

Спорным или не совсем ясным у Вилчека, является, по мнению ряда физиков, вопрос об основном состоянии. Из определения основного состояния следует, что его энергия равна нулю. Но если представить, что это состояние изменяется во времени, то ему должна сопутствовать энергия, иначе мы получим вечный двигатель. На это Вилчек, кажется, отвечает, что энергия берется из «разломов» времени. При этом, допуская наличие таких разломов, он вместе с тем не отказывает времени быть *инфинитезимальным*.

Чтобы разобраться с этим затруднением, нам придется обратиться к понятию физического вакуума. В связи с этим мы возвращаемся к тому, что изложено в начале статьи, к феноменам инерции и гравитации. В квантовую физику физический вакуум пришел на смену механическому эфиру. И здесь важно вспомнить про идею индуцированной гравитации, которую (идею) А.Д. Сахаров выразил в терминах «метрическая упругость вакуума». Согласно этой идее суть гравитации заключается не в том, что существует кривизна пространства-времени, а в наличии большой «метрической упругости», противодействующей сильному искривлению пространства-времени, за исключением мест, где сконцентрировано много вещества (Сахаров, 1995: 187). По сведениям Ю.С. Владимирова, разрабатывающего теорию предгеометрии (см. (Владимиров,

2010)), есть и другие ученые, которые поддерживали идею индуцированной гравитации. Среди них – Х. Теразава и Дж. Уилер. Последний, в частности, отмечал: «Новая перспектива, открывающаяся перед предгеометрией, связана с новым подходом к оценке общей теории относительности. <...>. В двух словах это означает, что гравитация для физики элементарных частиц – это то же, что упругость – для атомной физики. Энергия упругой деформации есть не что иное, как энергия, запасенная в связях между атомами при деформации. Энергия, затрачиваемая на искривление пространства, есть не что иное, как возмущение вакуумной энергии полей и частиц, вызываемое этой кривизной» (Уилер, 1962: 274].

Итак, концепция индуцированной гравитации почти напрямую указывает на источник инерциальных сил. Гравитация, по Сахарову, искривляет геодезические линии пространства-времени, вакуумные флуктуации противодействуют этому искривлению. Но Сахаров выдвигал еще аргументы, согласно которым изменение действия квантовых вакуумных флуктуаций может приводить к росту масс частиц до предельной величины, равной планковской массе (частицу с такой массой М.А. Марков называл *максимоном* (Сахаров, 1967: 71). Происходит теперь рост масс частиц в нашей Вселенной или их убывание – вопрос отдельного исследования. Важна констатация того, что такой процесс имеет место.

В тех случаях, когда физики и астрофизики обходятся без непосредственной апелляции к таким противоположным процессам, как действие гравитационных и инерциальных сил, они обращаются к понятиям отрицательной энергии и отрицательной массы. В таком случае, соотнося массу с энергией, констатируют наличие соответствия между потенциальной энергией и отрицательной (интенсивной) массой, с одной стороны, и кинетической энергией и положительной (экстенсивной) массой, с другой. Начало такому подходу к

решению вопроса о положительных и отрицательных массах было положено французским физиком Леоном Бриллюэном (1889–1969). Речь идет о его книге «Новый взгляд на теорию относительности» (Бриллюэн, 1972).

Затронув проблемы, возникающие при согласовании теории относительности с перенормировками в квантовой теории поля, Бриллюэн высказал мнение, что сделанный им анализ показывает необходимость *перенормировки массы* не только в квантовой теории. Она должна быть введена и в теорию относительности, «что было совершенно упущено из виду ее основоположниками» (Бриллюэн, 1972: 46).

Автор констатирует, что известное эйнштейновское соотношение между массой и энергией

$$E = mc^2 \quad (1)$$

не всегда с полной ясностью определяет роль потенциальной энергии. Действительно, для покоящегося тела

$$E_0 = m_0 c^2 \quad (2)$$

а если тело движется с постоянной скоростью \vec{v} , энергия и импульс приобретают значения:

$$E = mc^2, \quad \vec{p} = m\vec{v}, \quad (3), \text{ где}$$

$$m = \frac{m_0}{(1 - v^2/c^2)} \quad (4)$$

Что же из этого следует? Увеличение массы, отмечает Бриллюэн, от значения m_0 до m происходит за счет кинетической энергии. Физическое тело, двигаясь в статическом поле сил, может приобрести за определенный промежуток времени внешнюю потенциальную энергию U . Все считают, что полная энергия описывается соотношением

$$E_{\text{полн}} = mc^2 + U \quad (5),$$

где U остается постоянной, несмотря на движение со скоростью v (Владимиров, 2010: 31]. Но ведь это означает, что *всякая возможность существования у тела массы, связанной с внешней потенци-*

альной энергией, полностью исключается. Если бы внешней потенциальной энергии соответствовала масса, то последняя каким-то образом участвовала бы в движении ввиду перемещения физического тела, и такой движущейся массе соответствовала бы некоторая кинетическая энергия. Из соотношения (2) такую возможность никак усмотреть нельзя. «Таким образом, получается странная ситуация: внутренней потенциальной энергии отвечает масса, а внешней – нет» (там же).

Бриллюэн в своих рассуждениях вводит понятие о внутренней потенциальной энергии покоящегося или движущегося тела. При рассмотрении соотношений (2) и (3) нельзя не признать истинность этого понятия, поскольку в массе m_0 заключен энергетический потенциал, превращающий ее при подходящих условиях в энергию E_0 . (аннигиляция электронно-позитронной пары). Поэтому анализ соотношений между массой, кинетической и потенциальной энергией позволяет, по Бриллюэну, ставить вопрос о возможности существования отрицательных масс. Если обратиться к классической механике, то там, указывает автор, масса всегда положительна, энергия же (как только определен ее нулевой уровень) может быть как положительной, так и отрицательной. При этом выбор нулевого уровня энергии не имеет большого значения. А в релятивистской механике абсолютная величина энергии играет важную роль, особенно тогда, когда ставится вопрос об отрицательной энергии. Но если существуют отрицательные энергии, то, в силу соотношений (2) и (3), мы должны допускать возможность существования *отрицательных масс*, соответствующих этим отрицательным энергиям (Бриллюэн, 1972: 48).

Возражения большинства физиков против возможности существования отрицательных масс однотипны: не могут существовать такие частицы, массы которых отрицательны. С этим нельзя не согласиться. Но оппоненты Бриллюэна не догадыва-

лись, что все частицы, обладающие собственной массой, суть композитные частицы, сочетающие в своем составе и положительную, и отрицательную массу. Аннигиляция электрона и позитрона происходит не только потому, что у них противоположные электрические заряды. Она происходит потому, что потенцированы компоненты их масс. Сама же по себе гипотеза Бриллюэна о существовании отрицательных энергий и отрицательных масс нуждается, по нашему мнению, только в одном уточнении: в том, что не требуется ссылка на безымянные внешние статические поля, которые могут вносить свой вклад в массу движущейся частицы. На их место надо поставить физический вакуум, который нельзя отнять от инерциального движения.

Своей «Механикой» С.Э. Хайкин проложил дорогу к научной космологии. И это несмотря на то, что первое и второе (переработанное) издание его книги подверглось со стороны коллег-ученых в Советском Союзе жесткой критике (К обсуждению..., 1950). Рассматривая критические замечания тех лет, можно видеть, что они подразделяются в основном на два класса. К одному классу относятся идеологические обвинения в «махизме». В научном плане они теперь не заслуживают внимания. Другие, научно обоснованные, замечания касаются главного вопроса: являются ли инерциальные силы глобальными, или же они локально ограниченные, к чему склонялся Хайкин. А между тем, этот вопрос нашел бы принципиальное решение, если бы критики «Механики» и ее автор пересмотрели ее геометрические основания, введя в оборот неевклидову (гиперболическую) геометрию Лобачевского. В ней раскрывается геометрическая дисциплина мысли, которая и есть главное из того, что мы назвали научными предпосылками построения космологической картины мира. Без учета этих предпосылок появляются эклектические версии космологии и теории гравитации.

Общую теорию относительности (ОТО) обычно соотносят со специальной

теорией относительности (СТО) на том основании, что инвариантность уравнений СТО превращается в ковариантность уравнений ОТО. Но тут начинается эклектика. Дело в том, что уравнения ОТО, рассматриваемой как релятивистская теория гравитации, выводятся по правилам вариации величины действия S гравитационного поля, которая является величиной релятивистки инвариантной. Но затем структура четырехмерного пространства-времени ставится в зависимость от тензора энергии-импульса материи, который не удовлетворяет требованию релятивистской инвариантности. Сам Эйнштейн писал, что при такой формулировке вся механика гравитации сводится к решению одной системы ковариантных уравнений в частных производных. «Эта теория избегает всех внутренних противоречий, в которых мы упрекали классическую механику. <...>. Но она похожа на здание, одно крыло которого сделано из изящного мрамора (левая часть уравнения), а другое – из плохого дерева (правая часть уравнения)» (Эйнштейн, 1967: 217).

Гораздо хуже обстоит дело с ортодоксальным вариантом космологии, возведенным на базе ОТО. Напомним, что Эйнштейн вынужден был вставить в левую часть своего уравнения Λ – член, названный *космологической постоянной*, для того чтобы стабилизировать состояние Вселенной. Впоследствии эта константа претерпела ряд приключений: сначала она была отброшена в связи с нежеланием видеть нестационарную вселенную, затем снова вставлена в уравнение, чтобы согласиться с тем, что вселенная не только расширяется, но расширяется с ускорением, и т. д. С первоначальным предложением отбросить космологическую постоянную выступил в 1922 году А.А. Фридман (Сахаров, 1967). При этом он вывел из затруднений Эйнштейна по части составления тензора энергии-импульса материи. Фридман попросту приравнял компоненты этого тензора к нулю, оставив ненулевым только одну компоненту, ту, которая соответству-

ет дифференциальному элементу времени dt . Это и позволило обосновать представление, согласно которому вселенная, возникнув из первоначальной точки, расширяется по мере хода времени до сегодняшнего дня. Правда, при этом сторонники этой версии не исключают того, что эволюцию вселенной можно, если надо, подправить, внося в нее что-нибудь типа инфляции.

Литература

Алеманов, С.Б. Квантовый закон Хаббла (Квантовый закон космологического красного смещения) // Инженерная физика. 2014. № 3. С. 40-46.

Антипенко, Л.Г. О квантовом законе Хаббла и физико-математических основаниях альтернативной космологии // Прикладная физика и математика. 2019. № 12. С. 10-17.

Антипенко, Л.Г. К вопросу о двуспиновой интерпретации решения квантоворелятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона // Трибуна УФН (журнал «Успехи физических наук»). № 6р. 08 декабря 2018. 5 с. [Электронный ресурс] URL: <https://ufn.ru/tribune/trib6p.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

Антипенко, Л.Г. Квантово-геометрический подход к постижению времени // Феномен времени сквозь призму современной науки: Возможность нового понимания. Проблема времени в физике XXI века / под ред. А.Ю. Севальникова. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 185-201.

Бриллюэн, Л. Новый взгляд на теорию относительности / пер. с англ. К.А. Пирагаса; под ред. А.З. Петрова. М.: Мир, 1972. 144 с.

Владимиров Ю.С. Пространство-время: явные и скрытые размерности. 2-е изд., перераб и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.

Джеммер, М. Понятие массы в классической и современной физике / Перев. Н.Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1967. 225 с.

К обсуждению книги С. Э. Хайкина "Механика". Обзор материалов, полученных редакцией УФН // Успехи физических наук. 1950. Т. 40. Вып. 3. С. 476-483.

Сахаров, А.Д. Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и

теория гравитации // Доклады Академии наук СССР. 1967. Т. 177. № 1. С. 70-71.

Сахаров, А.Д. Научные труды. М.: АОЗТ «Изд-во ЦентрКом», 1995. 528 с.

Седов, Л.И. Размышления о науке и об учёных. М.: Наука, 1980. 440 с.

Уилер, Дж. Гравитация, нейтрино и Вселенная. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 404 с.

Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1983. 944 с.

Хайкин, С.Э. Механика. М.–Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1940. 372 с.

Хайкин, С.Э. Общий курс физики. Том 1. Механика. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.–Л.: ОГИЗ Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1947. 574 с.

Эйнштейн, А. Собрание научных трудов. В четырех томах. Т. 4. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М.: Наука, 1967. 599 с.

Son, D. Th. Is the Composite Fermion a Dirac Particle? // Physical Review X. Vol. 5. Iss. 3. 2015. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevX.5.031027>

Manninen, M., Reimann, S., Koskinen, M., Yu, Y. and Toreblad, M. Electron-Hole duality and vortex-rings in quantum dots // Physical Review Letters. 2005. Vol. 94. Iss. 10. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.94.106405>

Wendel, G., Martínez, L. and Bojowald, M. Physical Implications of Fundamental Period of Time // Physical Review Letters. 2020. Vol. 124. Iss. 24. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.124.241301>

Wilczek, F. Quantum Time Crystals // Physical Review Letters. 2012. Vol. 109. Iss. 16. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.109.160401>

References

Alemanov, S. B. (2014), "Hubble's Quantum Law (Quantum Law of Cosmological Redshift)", *Engineering Physics*, 3, 40-46 (in Russ.).

Antipenko, L. G. (2019), "On Hubble's quantum law and physical and mathematical foundations of alternative cosmology", *Applied Physics and Mathematics*, 12, 10-17 (in Russ.).

Antipenko, L. G. (2018), "On the question of the binor interpretation of the solution of the quantum-relativistic Dirac equation describing the free motion of an electron", *Uspekhi fizicheskikh*

nauk (Advances in Physical Sciences), 6, 08 December (in Russ.) [Online] URL: <https://ufn.ru/tribune/trib6p.pdf> (Accessed 15 October 2021).

Antipenko, L. G. (2021), "A quantum-geometric approach to the comprehension of time", *Fenomen vremeni skvoz' prizmu sovremennoy nauki: Vozmozhnost' novogo ponimaniya. Problema vremeni v fizike XXI veka* [The phenomenon of time through the prism of modern science: The possibility of a new understanding. The problem of time in physics of the XXI century], in Sevalnikov, A. Yu. (ed.), LENAND, Moscow, Russia, 185-201 (in Russ.).

Brilluen, L. (1972), *Novy vzglyad na teoriyu otноситel'nosti* [A new look at the theory of relativity], transl. by Piragas, K. A., in Petrov, A. Z. (ed.), Mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Einstein, A. (1967), *Sobranie nauchnykh trudov. V 4 tomakh. Tom 4. Statyi, retsenzii, pis'ma. Evolyutsiya fiziki* [Collection of scientific papers. In four volumes. Vol. 4. Articles, reviews, letters. Evolution of physics], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Jemmer, M. (1967), *Ponyatie massy v klassicheskoy i sovremennoy fizike* [The concept of mass in classical and modern physics], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Khaykin, S.E. (1940), *Mekhanika* [Mechanics], Gos. izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Khaykin, S.E. (1947), *Obschiy kurs fiziki. Tom 1. Mekhanika* [General physics course. Volume 1. Mechanics. 2nd edition, expanded and revised], OGIZ, Gos. izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Manninen, M., Reimann, S., Koskinen, M., Yu, Y. and Toreblad, M. (2005), "Electron-Hole duality and vortex-rings in quantum dots", *Physical Review Letters*, 94 (10). DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.94.106405>

Prokhorov, A. M. (ed.) (1983), *Fizicheskiy entsyklopedicheskiy slovar'* [Physical Encyclopedic Dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, Russia (in Russ.).

Sakharov, A. D. (1967), Vacuum quantum fluctuations in curved space and the theory of gravity, *Doklady Akademii Nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences], 177 (1), 70-71 (in Russ.).

Sakharov, A. D. (1995), *Nauchnye trudy* [Scientific works], AOZT "Izdatel'stvo TsentrKom", Moscow, Russia (in Russ.).

Sedov, L. I. (1980), *Razmyshleniya o nauke i uchenykh* [Reflections on science and scientists], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Son, D. Th. (2015), "Is the Composite Fermion a Dirac Particle?", *Physical Review X*, 5 (3). DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevX.5.031027>

To discuss S. E. Khaykin's book "Mechanics". Review of materials received by the editorial office of the UFN (1950), *Physics-Uspokhi (Advances in Physical Sciences)*, 40 (30), 476-483 (in Russ.).

Vladimirov, Yu. S. (2010), *Prostranstvo-vremya: yavnye i skrytye razmernosti* [Space-time: explicit and hidden dimensions. 2nd ed., revised and additional], "LIBROKOM" Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Wendel, G., Martínez, L. and Bojowald, M. (2020), "Physical Implications of Fundamental Period of Time", *Physical Review Letters*, 124 (24).

DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.124.241301>.

Wheeler, J. (1962), *Gravitatsiya, neytrino i Vselennaya* [Gravity, neutrinos and the Universe], Izdatel'stvo inostrannoy literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Wilczek, F. (2012), "Quantum Time Crystals" *Physical Review Letters*, 109 (16). DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.109.160401>.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Антипенко Леонид Григорьевич,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, сектор философии естественных наук, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; chistrod@yandex.ru

Персональный сайт: <https://www.titanage.ru/>

ABOUT THE AUTHOR:

Leonid G. Antipenko, PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; chistrod@yandex.ru

Personal site: <https://www.titanage.ru/>

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-15

Гурин Д. В. | Политика и право в философии Г. А. Ландау
(полемика с Л. И. Петражицким)¹

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236000, Россия; dgurin@kantiana.ru

Аннотация. В статье анализируется ранний период интеллектуальной биографии философа русского зарубежья Григория Адольфовича Ландау (1877–1941). Выявляются культурно-исторические и социально-политические предпосылки его оригинальной концепции «систематической философии». Особое внимание уделяется полемике Г.А. Ландау с концептуальными установками философии права Л.И. Петражицкого. Автор проводит мысль о том, что в тексте Ландау «О политике права (К истории прикладных наук)» затронуты проблемы не только политики права, но и этики, онтологии, гносеологии, телеологии и связанной с ней теорией идеала, развитию которых посвящен поздний период его научной деятельности.

Ключевые слова: философия русского зарубежья; философия права в России; политика права; Г.А. Ландау; Л.И. Петражицкий

Для цитирования: Гурин Д. В. Политика и право в философии Г. А. Ландау (полемика с Л. И. Петражицким) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 186-190. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-15

D. V. Gurin | Politics and law in the philosophy of G. A. Landau
(polemic with L. I. Petrazhitzky) *

Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandr Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia;
dgurin@kantiana.ru

Abstract. The article analyzes the early period of the intellectual biography of the philosopher of the Russian diaspora Grigory Adolfovich Landau (1877-1941). The cultural-historical and socio-political preconditions for his original concept of "systematic philosophy" are revealed. Special attention is paid to the polemics of G.A. Landau with the conceptual principles of the philosophy of law of L.I. Petrazhitzky. The author carries out the idea that in Landau's text "On the Politics of Law. On the History of Applied Sciences", the problems of not only the politics of law, but also ethics, ontology, epistemology, teleology and the theory of the ideal associated with it, are touched upon, the development of which is devoted to the later period of his work.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00884 «Философия культуры русского зарубежья: Г.П. Федотов, В.В. Вейдле, Г.А. Ландау, П.М. Бицилли».

* The research is carried out at expense of RFBR, project No. 20-011-00884 «Philosophy of Culture of Russian Abroad: G.P. Fedotov, V.V. Weidle, G.A. Landau, P.M. Bicilli»

Keywords: philosophy of the Russian abroad; philosophy of law in Russia; politics of law; Grigory Landau; Lev Petrazhitzky

For citation: Gurin D. V. (2021), "Politics and law in the philosophy of G. A. Landau (polemic with L. I. Petrazhitzky)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 186-190, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-15

В творческой биографии философа русского зарубежья Григория Адольфовича Ландау (1877–1941) есть страница, которая еще недостаточно исследована, хотя представляет интерес не только для историков философии, но и для современных дискуссий в области философии права, философии политики и, что весьма неожиданно, философии науки. Речь идет о его полемике с Львом Иосифовичем Петражицким по поводу «политики права». Обращаясь к биографии Г.А. Ландау, мы обращаем внимание на то, что при поступлении в университет он неслучайно выбрал естественное отделение физико-математического факультета¹. Этот выбор фактически свидетельствует о значительных логико-математических способностях Ландау, которые проявились впоследствии в его трудах (зачастую он превращал рассуждения о действительности в логически отвлеченные словесные формулы², схематизировал реальность и формулировал мысли в виде парадоксов). Но математика не давала Ландау главного: ощущения того, что эти формулы существуют не сами по себе, но творятся человеком и для человека. Он, вслед за отцом, Адольфом Ефимовичем Ландау, выбирает науку юриспруденцию, которая практически вся со-

стоит из формальных положений и долженствований, но при этом имеет ярко выраженную практическую направленность. На юридическом факультете он встречается с Л.И. Петражицким, который оказал на него существенное влияние в рамках Юридического кружка (Крейд, 2007: 293). По свидетельству Н.Н. Шульговского, Ландау не просто посещал кружок, но входил в группу его основателей наряду с К.Ю. Купаловым, Я.Г. Фрумкиным, А.Ю. Блохом и др. Весной 1900 года они решили «объединиться и положить основание постоянному общению студентов на почве философии права, образовав кружок с определенной организацией» (Шульговский, 1910: 6). Руководителем кружка стал Л.И. Петражицкий, чьи философско-правовые идеи стали предметом содержательных обсуждений среди членов кружка и других студентов. В. Крейд отмечает, что «участвуя в семинаре профессора Петражицкого, Г. Ландау работал над сочинением об этапах эволюции мышления» (Крейд, 2007: 293). По всей видимости, именно тогда начала формироваться его формально-конструктивная концепция систематической философии (Гурин, 2014). Несмотря на то что Ландау недолго посещал кружок, он посвятил учению Петражицкого внушительного размера статью под названием «О политике права (К истории прикладных наук)», которая вышла в двух книгах «Вестника права» в 1906 году³.

В первом же абзаце Ландау ставит вопрос, напрямую связанный с социокультурными истоками важнейшего полемического учения Петражицкого о «политике

¹ Кроме этого, В. Крейд указывает на обучение Г.А. Ландау в Германии. В Гейдельберге мыслитель посещал занятия гегельянца Куно Фишера и представителя юридического позитивизма Георга Еллинека См. (Крейд, 2007).

² Именно так можно интерпретировать его концепцию философии: «Если философия рассматривает какие-либо вопросы бытия или познания как объектов мышления, то философия изучает ответы на эти вопросы как продукты человеческой мысли» (Ландау, 1913). См. об этом подробнее: (Гурин, 2014: 36-37).

³ См. отдельный оттиск (Ландау, 1906).

права»: почему оно так заинтересовало немецких ученых и прошло незамеченным в России? Действительно, «появившись в немецкой литературе в связи с критикой проекта германского гражданского уложения, оно обратило на себя в немецкой юриспруденции всеобщее внимание» (Ландау, 1906: 1)⁴. Ландау имеет в виду сочинение Петражицкого “Die Lehre vom Einkommen” («Учение о доходе») (Petražicki, 1893), где формулируется «требование» о создании новой науки в правоведении, политики права. «Как раз в то время в Германии происходило обсуждение нового проекта Гражданского уложения. Петражицкий в своих сочинениях отвел большое место рассмотрению этого проекта, причем указал, что многие проектируемые нормы не только не представляют собою прогресса сравнительно с соответствующими положениями римского права, но, наоборот, являются шагом назад в смысле ухудшения с научно-правнополитической точки зрения тех мотивов человеческой деятельности, которые создаются этими нормами при их применении в жизни. Критика Петражицкого, как сообщает между прочим Leonhard в своем сочинении “Die Vollendung des Deutschen bürgerlichen Gesetzbuches”, вызвала сенсацию в ученых и парламентских сферах Германии, и некоторые положения нового проекта были просмотрены и исправлены благодаря указаниям молодого ученого» (Шульговский, 1910: 12). И далее Петражицкий обосновывал мысль о том, что введение новых законодательных реформ во многом зависит от психологических характеристик не только правителя, но и того общества, в котором он находится и которым управляет. Иначе говоря, в основе правовых действий законодателя лежит психология народа, он должен учитывать «психическое влияние права на поведение человека и развитие человеческого характера. Право в руках законодателя –

могучий фактор в жизни народа, им создается распределение благ в экономической жизни страны и укрепляются те или иные мотивы человеческих поступков. От характера права зависит в существенных чертах развитие народного хозяйства и народная этика. Поэтому законодатель должен иметь в виду соответственные задачи. Последнее возможно лишь тогда, когда в его распоряжении находятся точные научные выводы о влиянии права на человеческую психику, достигнуть же этого нельзя без особой специальной науки практического характера. Этой наукой и должна быть политика права» (Шульговский, 1910: 13).

Но в России концепция Петражицкого, по мнению Ландау, «как-то незаметно перешла в область подразумеваемого» (Ландау, 1906: 1), хотя далее он показывает, что она вызвала интерес со стороны философов естественного права. Ландау тщательно реконструирует позицию Петражицкого, воспроизводя его аргументы в пользу учения о «политике права». Ландау справедливо указывает, что в разрабатываемом Петражицким учении *теория* противопоставляется политике: «Теория – изучает то, что есть, политика – что должно быть» (Ландау, 1906: 5). И потому теорию он называет онтологией, а политику – деонтологией (т. е. она оценивает предметность, руководствуясь ее соответствием или несоответствием определенным правилам (Максимов, 2000)). Исходя из этого различия, Ландау доказывает, что «политика права» есть наука о праве «как средстве, долженствующем осуществить искомую (общественную) цель» (Ландау, 1906: 4)⁵. Именно эта формулировка, полагает он, отличает учение Петражицкого от позиции сторонников естественного права, которые сводят политику к «критике дей-

⁴ Здесь и далее цитаты в русской дореформенной орфографии приведены в соответствие современным нормам.

⁵ Ландау полагает, что «ставить совершенствование жизни в зависимость от совершенства общественной науки было бы непростительной ошибкой, но совершенствовать науку ради возможного совершенства жизни, конечно, необходимо» (Ландау, 1906: 156).

ствующего права с точки зрения нравственных постулатов» (Там же). И далее, он последовательно проводит мысль о том, что Петражицкий был далек от рассмотрения правовых норм как соответствующих этическим или логическим (внешним) критериям, для него было важно, чтобы они стали средством достижения социального идеала⁶ (в этом, кстати, и отличие учения Петражицкого от концепции Штаммлера).

Заметим, что стиль изложения Ландау аналитичен, он движется по мысли Петражицкого, последовательно структурируя его концептуальные основания и выделяя в политике права три области, которые могли бы рассматриваться как специфические предметные сферы политики права: «существо и идеал права», «психика индивида и общества», «методология политики» (Ландау, 1906: 8). При этом он показывает, что политика права – это не самостоятельная наука, но проблемная область, поскольку Петражицкий положил в ее основание любовь. Ландау не соглашается с таким выводом Петражицкого, поскольку считает, что любовь субъективна и не может дать политике права общезначимости. «Отбросив все, что включается в понятие любви и явно к нашей теме не имеет отношения, мы все же увидим перед собой весьма расплывчатый, неясный и изменчивый комплекс эмоций» (Ландау, 1906: 32). И как разнообразна любовь, так и политика права, построенная на ее основах, не сможет прийти к искомому научному единству⁷. «Итак, политика имеет тот же объект исследования, что и теория; только изучает его не систематически и с

⁶ Ср.: «идеал личности и идеал соединения личностей в общество, идеал психологический (культурный) и политический (организационный), вероятно, будут всегда существовать в цельном, совокупном общественном идеале, организуя (как необходимые предпосылки) идеалы других сторон общественности» (Ландау, 1906: 165).

⁷ Заметим, что современные исследователи идей Л.И. Петражицкого склонны искать методологические основания его теории не в позитивистских схемах, но в гуссерлевской феноменологии и австрийской философии языка (см.: Тимошина, 2018).

определенной целью переведения получаемых положений в нормативные, в каком виде они являются уже не общеобязательными» (Ландау, 1906: 72). Ландау приходит к выводу о том, что политика права является *прикладной наукой*, она нацелена на конкретный результат, а не на поиск закономерностей, не на расширение знаний о мире. Политика права может решать конкретные задачи, основываясь на достижениях фундаментальных наук. И этот факт, по мнению Ландау, роднит ее с такими (прикладными) областями знания, как техника, медицина, педагогика (читай, управление). «Технология есть политика обращения с природой, как политика есть социальная технология. Терапия есть политика здоровья, как политика – терапия и гигиена общественности» (Ландау, 1906: 94). Эта мысль Ландау не потеряла актуальности и сегодня; особенно ее важно осмыслить в рамках методологии политологии, которая так же, как и политика права, является прикладной областью знания.

Таким образом, Ландау анализирует сферу политической культуры (сферу ее правового регулирования). Да, его интерес к этой тематике можно объяснить его юридическим образованием и общением с Петражицким в Юридическом кружке. Но именно аналитические способности, внутренняя логичность мышления формируют его неповторимый «неформально-логический» стиль работы с текстами Петражицкого. Как уже отмечали исследователи его трудов: «Ландау имел вкус к парадоксальному мышлению и обладал способностью видеть обычные вещи в неожиданном свете: он умел элегантно перестановкой акцентов обновить какой-нибудь изрядно подзабытый философский сюжет, дать ему вторую жизнь. Человек исключительно ясного ума, он тонко чувствовал русский язык» (Повилайтис, 2011: 102). Этот стиль мы также сможем наблюдать и в более поздних его работах, где он будет рассматривать культуру как саморазвертывающуюся систему преодоления зла.

Литература

Гурин, Д.В. Григорий Ландау: дважды забытый философ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 35-39.

Крейд, В. Чужой в каждом стане // Ставрополь-на-Волге – город – Тольятти: Городской литературный журнал. 2007. № 19. С. 292-303.

Ландау, Г.А. О политике права (К теории прикладных наук). Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1906. 166 с.

Ландау, Г.А. Объектные мотивы философских построений // Логос. 1913. № 3-4. С. 127-190.

Максимов, Л.В. Деонтология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 1 / предс. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. М.: Мысль, 2000. С. 625-626.

Повилайтис, В.И. Философия культуры Григория Ландау // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 101-108.

Тимошина, Е.В. Логико-методологические основания теории права Л.И. Петражицкого в контексте аналитико-феноменологической традиции // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий и Б.А. Кистяковский / под ред. Е.А. Прибытковой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 151-184.

Шульговский, Н.Н. Кружок философии права профессора Л.И. Петражицкого при Санкт-Петербургском университете за десять лет существования. СПб.: Печатный труд, 1910. 45 с.

Petražicki, L.I. Die Lehre vom Einkommen. Vom Standpunkt des gemeinen Civilrechtes unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. B. 1. Berlin, 1893. 344 S.

References

Gurin, D. V. (2014), "Grigory Landau: A Twice Forgotten Philosopher", *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 6, 35-39 (in Russ.).

Kreyd, V. (2007), "A stranger in every camp", *Stavropol'-na-Volge – gorod – Tol'yatti. Gorodskoy literaturnyy zhurnal*, 19, 292-303 (in Russ.).

Landau, G. A. (1906), *O politike prava (K teorii prikladnykh nauk)* [On the Politics of Law (Towards the Theory of Applied Sciences)], Sen-

ate Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Landau, G. A. (1913), "Object motives of philosophical constructions", *Logos*, 3-4, 127-190 (in Russ.).

Maksimov, L. V. (2000), "Deontology", *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, 1, Mysl', Moscow, Russia, 625-626 (in Russ.).

Petražicki, L. I. (1893), *Die Lehre vom Einkommen. Vom Standpunkt des gemeinen Civilrechtes unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. B. 1*, Berlin (in Deutsch).

Povilaitis, V. I. (2011), "Philosophy of culture of Grigory Landau", *Voprosy filosofii*, 3, 101-108 (in Russ.).

Shulgovsky, N. N. (1910), *Kruzhok filosofii prava professora L. I. Petrazhitskogo pri Sankt-Peterburgskom universitete za desyat' let sushchestvovaniya* [The circle of philosophy of law of professor L. I. Petrazhitzky at St. Petersburg University during its ten years of existence], *Pechatnyy trud*, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Timoshina, E. V. (2018), "Logical and methodological foundations of the theory of law by L. I. Petrazhitzky in the context of the analytic and phenomenological tradition", *Filosofiya prava: P. I. Novgorodtsev, L. I. Petrazhitskiy i B. A. Kistyakovskiy*, in E. A. Pribytkova (ed.), *Politicheskaya entsiklopediya*, Moscow, Russia, 151-184 (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Гурин Дмитрий Валерьевич, кандидат философских наук, заместитель директора Института гуманитарных наук по образовательной деятельности, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236000, Россия; dgurin@kantiana.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dmitry V. Gurin, Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Director for Education at the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksand Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; dgurin@kantiana.ru

УДК 821.111

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-16

Штрамило А. В. | Особенности художественного пространства в романах
Клиффорда Саймака «Город» и «Вся плоть – трава»

Дальневосточный федеральный университет, п. Аякс, 10, о. Русский, г. Владивосток 690922,
Приморский край, Российская Федерация; *shtramilo_av@dvfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена пространственно-временной организации (хронотопу) романов К. Саймака «Вся плоть – трава» и «Город». Выбор темы мотивируется непреходящей актуальностью экзистенциальных проблем, поднимаемых Саймаком. Представляется важным проанализировать особенности пространства фантастического мира автора, чье творчество, несмотря на популярность как на родине автора, так и на территории бывшего СССР, практически не было рассмотрено литературоведами. Целью работы является изучение особенностей хронотопа в романах К. Саймака «Город» и «Вся плоть – трава». Опираясь на приемы биографического и компаративного методов, автор исследования выделяет такие основные пространственные категории, как топос города, топос провинциального городка и локус усадьбы; приходит к заключению, что замкнутое пространство в творчестве писателя создает ощущение одновременно несвободы и защищенности. Сделан вывод о том, что замкнутость пространства совпадает с духовной ограниченностью персонажей и их неспособностью повлиять на ход событий. Полученные результаты вносят вклад в литературоведение, опыт применения теории хронотопа, дополняют имеющиеся знания о социальной научной фантастике.

Ключевые слова: хронотоп; топос; локус; художественное пространство; топос города; топос провинциального городка; научная фантастика

Для цитирования: Штрамило А. В. Особенности художественного пространства в романах Клиффорда Саймака «Город» и «Вся плоть – трава» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 191-199 DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-16

A. V. Shtramilo | The features of fictional space in Clifford Simak's novels
The City (1952) and All Flesh Is Grass (1965)

Far Eastern Federal University, 10 Ajax Settlement, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia;
shtramilo_av@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the time-space organization (known as chronotope) of C. Simak's novels "All Flesh Is Grass" and "The City". The choice of the topic is motivated by the enduring relevance of the existential issues raised by Simak. It seems important to analyze the space features of the fictional world of the author, whose work, despite the popularity both in the author's homeland and in the territory of the former USSR, has practically not been considered by literary scholars. The aim of the work is to study the features of chronotope in the novels "The

City" and "All Flesh Is Grass" by C. Simak. Using biographical and comparative methods, the author of the study identifies such basic spatial categories as the topos of the city, the topos of a provincial town and the locus of the country estate, concluding that the enclosed space in the writer's work simultaneously creates the sensation of lack of freedom but security. It is concluded that the enclosed space coincides with the moral drawbacks of the characters and their inability to influence the course of events. The obtained results will contribute to literary criticism, the theory of chronotope, and complement the existing knowledge about soft science fiction.

Key words: chronotope; topos; locus; fictional space; city topos; town topos; science fiction

For citation: Shtramilo A. V. (2021), "The features of fictional space in Clifford Simak's novels *The City* (1952) and *All Flesh Is Grass* (1965)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 191-199, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-16

Хронотоп – одна из ключевых структурных категорий современного литературоведения. Термин был впервые использован в работах М. М. Бахтина, который определил хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» (Бахтин, 1975: 234). Хронотоп является единством художественного пространства и времени, где время определяет пространство, а пространство становится частью сюжета и, таким образом, частью художественного времени. Хронотоп также определяет образ героя и имеет жанровое значение.

Пространственно-временная организация произведений, принадлежащих различным жанрам, имеет свои особенности. Научная фантастика (НФ) – это, как определяет Д. Сувин, «литературный жанр, обязательными и достаточными критериями которого являются присутствие и взаимодействие отчуждения и познания, а основным литературным приемом – концептуальная модель, отличающаяся от чувственной реальности автора» (The Encyclopedia of Science Fiction, 1993: 313). Проблема фантастического хронотопа уже была рассмотрена в нескольких работах отечественных ученых (Чигиринская, 2008; Зубов, 2012; Гусева, 2016), однако хронотоп в творчестве американского писателя Клиффорда Саймака изучен не был.

Здесь необходимо прокомментировать, что является разграничивающим фактором в отношении терминов «топос», «локус» и «хронотоп», и каково соотношение между ними.

Хронотоп – это вся совокупность пространственно-временных особенностей художественного пространства. Поскольку здесь появляется категория времени, в хронотопических пространствах есть развитие, некие изменения. Пространства, относящиеся к категории локусов и топосов, гораздо более статичны.

Термин локус впервые был использован С.Ю. Неклюдовым, который ввел его как обозначение «общего места» (locus communis) – типичных ситуаций, образов и мотивов в художественном тексте (Неклюдов, 2004). Позже термин заимствовал Ю.М. Лотман, подразумевая под локусами «функциональные поля, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию», типичную для этого локуса (Лотман, 1988). А.Х. Гольденберг определяет локус как «некое ограниченное пространство художественного текста, имеющее референтную соотнесенность с действительностью» (Гольденберг, 2011), а Т.В. Субботина как «любое включенное в художественный текст автором намеренно или подсознательно пространство, имеющие границы» (Субботина, 2011). Таким

образом, под локусом следует понимать ограниченное пространство художественного мира, связанное с типичной для данного локуса конфликтной ситуацией.

Что касается термина топос, то в теорию литературы он был введен Э. Курциусом в 1948 г в значении клише, типичной ситуации. Особенность точки зрения Э. Курциуса в том, что он не разделял топосы и архетипы. Для него топос – это не просто единица художественного пространства, а мотив, например, «мальчик-старик» по Курциусу – это топос (Махов, 2001: 1076). В настоящее время принято разграничивать топосы и локусы на основании идеальности/реальности пространственной категории. Локус «соотносится с конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности», в то время как топос – это нечто более абстрактное («топос смерти, бытийный топос, топос небытия») (Прокофьева, 2004: 89). Иными словами, топосы – это культурно нагруженные пространства.

Цель настоящей работы: изучить особенности хронотопа в романах К. Саймака «Город» и «Вся плоть – трава». Задача состоит в том, чтобы показать, что замкнутые художественные пространства играют особую роль в творчестве автора, позволяют ему представить свой ответ на вопрос, что такое человек и в какую сторону он движется.

Выбор темы мотивируется непреходящей актуальностью экзистенциальных проблем, поднимаемых Саймаком. Представляется важным проанализировать особенности пространства фантастического мира автора, чье творчество, несмотря на популярность и на родине автора, и на территории бывшего СССР, практически не было рассмотрено в западном или отечественном литературоведении. Имеет значимость и рассмотрение фантастического хронотопа в целом, поскольку эта область остается малоизученной.

Материалом для настоящей работы выступают романы «Город» (1952) и «Вся плоть – трава» (1965). Это гуманистиче-

ские социально-фантастические романы с достаточно сложной пространственной-временной организацией, которые могут дать представление о своеобразии художественного мира Саймака. Оба романа имеют яркую антивоенную направленность.

Мы полагаем, что своеобразие пространственно-временной организации романов – замкнутость, ограниченность художественного пространства – является авторским инструментом для создания психологизма, служит фоном для поднимаемых экзистенциальных вопросов. Уже по названиям многих произведений Саймака («Город», «Кольцо вокруг солнца», «Заповедник гоблинов», «Пересадочная станция», «Могильник») можно сделать вывод о том, что пространство, а именно замкнутое пространство, является важным элементом художественного мира писателя. Имя героя практически никогда не выносится в название произведения, так как герой в творчестве Саймака – это условная фигура, обозначающая человека вообще или некий тип человека. В то же время хронотоп не обладает художественной значимостью сам по себе, в отрыве от системы персонажей. М.М. Бахтин пишет, что «образ героя всегда хронотипичен» (Бахтин, 1975: 234), и это нельзя назвать неактуальным для романов Саймака: пространство и время в них всегда связаны с внутренним миром героя, определяют его содержание.

Типичный центральный герой романов Саймака, обитающий в замкнутом пространстве – одинокий, рефлексирующий маленький человек, вынужденный представлять интересы всего человечества, но при этом оторванный от него. Таков любой из семьи Вебстеров, которые олицетворяют весь человеческий род, и их имя от поколения к поколению приобретает все большую нарицательность («Город»), таков Брэд Картер, посредник между пришельцами и людьми («Вся плоть – трава»), таков Инок Уоллис, оператор галактической пересадочной станции на Зем-

ле («Пересадочная станция»). Герой Саймака, нередко противопоставленный обществу скептических, не доверяющих ему горожан или сельских жителей, вынужден брать на себя ответственность за все человечество. Он не соответствует ожиданиям окружающих, но все же он – самый обычный, средний человек, всего лишь оказавшийся в необычных для человека условиях.

В структуре художественного мира К. Саймака можно выделить следующие основные категории художественного пространства:

топос провинциального городка,
топос города,
локус усадьбы.

Типичным для Саймака является топос глухого провинциального городка. Читатели называют Саймака представителем «пасторальной фантастики». И действительно, образ деревни или поселка появляется и в «Городе», и в романе «Вся плоть – трава», и во многих повестях и рассказах. Склонность Саймака изображать жизнь американской провинции не в последнюю очередь связана с тем, что он и сам вырос и прожил большую часть жизни в таком городке. Писатель сам отапливал и чинил свой дом, колол дрова, ухаживал за садом.

Родной город Клиффорда Саймака – Милвилл, штат Висконсин, неоднократно являлся местом действия в его произведениях. В романе «Снова и снова» действие происходит в окрестностях Милвилла, в «Вся плоть – трава», «Пересадочная станция» - в самом Милвилле. В романе «Город», точнее, в первом одноименном предании, присутствует образ почти заброшенного пригорода: основное население здесь - доживающие старики, время которых ушло, покрылось ржавчиной, как их старинные автомобили, теряющие на ходу гайки. Старики опасаются всего автоматического (“Some day”, he told himself, “that dadburned thing is going to miss a lick and have a nervous breakdown”¹) (Simak, 2005),

¹ «Когда-нибудь, - сказал он себе, - эта проклятая штука сойдет с ума из-за какой-нибудь ошибки». (Пер. с англ.)

не доверяют новым технологиям, будь то гидропоника или вертолеты на атомном двигателе. Упрямо они запроваживают свои машины чем придется - керосином, тракторным маслом, так как бензин признан устаревшим, вручную косят траву, когда все перешли на газонокосилки, пытаются продавать овощи, выращенные традиционными методами. Естественно, их продукция не выдерживает конкуренция, когда есть гидропоника – более дешевая технология, позволяющая выращивать экологически чистые, разнообразные сорта. Хотя автор иронизирует над пожилыми жителями пригорода (пример такой иронии – конфликт старика Грампа и газонокосилки), но в их старческом брюзжании он видит долю здравого смысла: для счастья человеку не нужно подменять все настоящее искусственным, перекладывать все свои заботы в руки машин и гнаться сломя голову за успехом, деньгами и властью. Человеку нужна простая, спокойная жизнь, гармония, связь с прошлым, традиции, воспоминания. В этом старый Грамп, возможно, очень прав: “Houses that could be changed each year, like one would shift around the furniture. What kind of thing was that?”² (Simak, 2005).

В другом романе Саймака, «Вся плоть – трава», деревня является не просто одним из пространств, где разворачивается сюжет, а основным местом действия. Автор подробно описывает городок Милвилл и его обитателей. Милвилл умирает: фермерское хозяйство здесь становится нерентабельным, и жители уезжают в большие города; всюду появляется запустение. Однако в этом умирании есть своя притягательность: “It was a place of genteel poverty and it had its share of musty quaintness, but it was dying just the same, albeit in the polite scent of lavender and impeccable good manners”³ (Simak, 2008). Рассказчик понимает,

² «Дома, которые можно менять каждый год, как будто переставлять мебель. Что это за штука?». (Пер. с англ.)

³ «Это было место благородной бедности, и в нем была доля консервативной причудливости, но

что этот захолустный городок губит его жизнь, он жалеет, что не уехал в свое время, но все же любит Милвилл, который для него полон воспоминаний – сад с теплицами, где прошло его детство, летние дни на реке, вечера у костра с друзьями.

Следует отметить саймаковский образ деревенского юродивого, который входит в топос провинциального городка. Например, это Люси в «Пересадочной станции» и Таппер в «Вся плоть – трава». Глухонемая Люси, выросшая в среде грубых и неотесанных жителей деревни, оказывается наделенной особым даром – она исцеляет людей и животных, ко всем живым существам она относится как к чему-то ценному, каждая былинка для нее – сокровище. Люси – чужая в окружающем ее мире, изгой среди людей, которые охотятся и просто издеваются над животными ради забавы, а конфликты друг с другом решают с помощью грубой физической силы. На Люси очень похож Таппер Тайлер. Его недостаток не физический, а ментальный. Таппер – умственно отсталый (“in his own mind Tupper never had outgrown childhood”⁴ (Simak, 2008)), однако имеет одно весомое достоинство – простодушие и отсутствие какой-либо агрессии. Это добрый и очень солнечный человек, настоящее дитя природы. В Милвилле его не любили за назойливость и бессмысленную болтовню (“Tupper, I recalled, had been something of a pest... something that one had to tolerate”⁵ (Simak, 2008)), и он нашел пристанище у Цветов, разума, бесконечно далекого от человеческого, однако в отношении такого существа, как Таппер, оказавшегося более гуманным, чем люди.

Деревенский дурачок, странная девушка – образ юродивого является очень

важным для Саймака. Это образ человека, простодушного по своей сути, свободного от грехов честолюбия, алчности и гнева, характерных для представителей человечества. Голый Таппер, сносивший свою одежду за десять лет пребывания в мире Цветов, подобен Адаму до грехопадения, не сознающему своей наготы. Именно такой тип человека, каким является Таппер или Люси, оказывается способным на контакт с иным разумом благодаря открытости и отсутствию безосновательной недоверчивости, присущей большинству людей.

По сравнению с топосом деревни, топос города у Саймака – это нечто менее конкретное, более символичное, монументальное. Может показаться парадоксальным, что в романе «Город» города прекращают существовать в самой первой главе-предании, поэтому в произведении с названием «Город» сам город практически отсутствует. Дело в том, что для Саймака город – это скорее концепция, чем место. Это символ человечества, сочетающего в себе одновременно рациональность – некое зерно благоразумия, и иррациональность – стихийность, склонность к разрушению. Это символ технологической мощи и порока, корнями уходящий в миф о Вавилоне. По Саймаку, само возникновение городов является следствием человеческой агрессии: люди объединялись, чтобы воевать друг против друга. С появлением ядерного оружия и доступных семейных вертолетов на ядерном топливе это стало не защитой, а угрозой, и не необходимостью, а архаизмом. Город как форма взаимодействия людей исчезает, и так начинается разрушение человеческой цивилизации, основанной на культе городов.

Писатель почти ничего не рассказывает нам о последнем городе на Земле, который жил еще тысячу лет после массового исхода из других городов. И тем не менее, у этого города есть имя – Женева. Возможно, Саймак выбрал это название потому, что современная Женева – это один из главных оплотов научной мысли, а

оно все равно умирало, с галантным ароматом лаванды и безусловно хорошими манерами». (Пер. с англ.)

⁴ «в его собственном сознании Таппер никогда не вырос из детства» (пер. с англ.)

⁵ «Я вспомнил, что Таппер был чем-то вроде вредителя ... чем-то, что нужно терпеть». (Пер. с англ.)

также штаб-квартира ООН – город, расположенный в центре европейского мира, оказывающего огромное влияние на все остальные культуры. Саймак относится критично к европейской цивилизации, основанной на рационализме, самоуверенной в своей возможности постичь мироздание и ценящей материальное превыше духовного.

Поэтому в романе «Город» прекращение войн и установление мира во всем мире идут рука об руку с деградацией цивилизации людей. Не стало постоянной борьбы за жизнь и ресурсы – исчез смысл жизни, остановилось развитие. В последние несколько сотен лет немногочисленные жители Женева занимаются лишь разнообразными хобби и увлечениями – потребность в серьезной деятельности, в больших стремлениях иссякла (“Man gave up trying. Man enjoyed himself. Human achievement became a zero factor and human life a senseless paradise”⁶ (Simak, 2005)). С приходом эпохи экономической стабильности и всеобщего благополучия исчез и такой фактор, скреплявший общество, как семейные узы. Все больше людей выбирают Сон – бегство от реальности, увлекательные видения вместо надоевших одинаковых дней. Событием, завершающим распад цивилизации, становится решение Джона Вебстера закрыть город. Ахроничное, психологически замкнутое художественное пространство становится замкнутым буквально, и ход времени в нем, до этого обозначенный как медленный, не прерываемый значительными событиями, полностью останавливается – жители города навсегда засыпают.

Городу, тесно связанному с войной, противопоставлена усадьба. Локус усадьбы – это пасторальная, фамильная среда, наиболее милая сердцу писателя, обитель спокойствия и тишины, дорогих традиций и бесед в кругу близких. Мы обозначили

эту пространственную категорию как локус, поскольку, по сравнению с городом, она имеет меньше культурной нагруженности, меньше соотнесенности с реальностью, то есть смыслов, выходящих за пределы художественного произведения.

Семейные усадьбы – это место, куда сбегают жители городов, чтобы спастись от угрозы войны. Возвращение в усадьбы – одновременно возвращение к семейному очагу и начало конца цивилизации. У новой жизни в фамильных поместьях две стороны. С одной стороны, такой образ жизни означает окончание войн, борьбы за ресурсы, восстановление связи с родными людьми, с другой – замкнутость, разобщенность, неумение действовать сообща и даже агорафобию. Нет ничего удивительного в том, что идиллия не может длиться вечно – скоро поместья переходят во власть Псов, в то время как люди, изголодавшиеся по переменам, обретают новый облик и покидают Землю.

Примечателен взгляд на усадьбу Вебстеров художницы Сары: “it probably had been the way the smoke streamed, wind whipped across the sky, the way the house crouched against the ground, blending in with the trees and grass, huddled against the storm that walked above the land”⁷ (Simak, 2005). На картине она изображает дом, который стал частью холма, приник к земле и сгорбился, как старик. Поднимающийся из дома дым, возможно, видится ею как тонкий, тающий след человека. Надвигающееся, мрачное, угрожающее что-то – буря в представлении Сары, в действительности оказывается просто наступлением сумерек Человека.

Итак, конец цивилизации, по Саймаку, оказывается следствием не катастрофы, но естественного развития общества, которое определяет сама сущность человека. Ход событий в романах писателя является

⁶ «Человек отказался от попыток. Человек наслаждался собой. Человеческие достижения стали нулевым фактором, а человеческая жизнь – бессмысленным раем». (Пер. с англ.)

⁷ «вероятно, это было похоже на то, как струится дым, ветер развеивается по небу, как дом прижимается к земле, сливается с деревьями и травой, сжимается от бури, которая бушует над землей» (пер. с англ.)

цепочкой явлений, predetermined, которые нельзя изменить. За исходом из городов следует распад общества, отчуждение и эпидемия агорафобии, за открытием возможности биотрансформации – прекращение существования человеческого рода. Этот фатализм во многом является следствием человеческой природы, неотъемлемый компонент которой – склонность к насилию: “a man will invent a bow and arrow, no matter what you do”⁸ (Simak, 2005).

Таким образом, замкнутое пространство города, провинциального городка и усадьбы одновременно выражает защищенность и отсутствие свободы. Обитатели поместий так привыкают к своим уютным домам, что больше не могут покинуть участок. Город в обоих рассматриваемых нами романах оказывается накрытым куполом и отгороженным от всего мира. В «Городе» такой купол играл оборонительную роль – на случай новой мировой войны. По иронии судьбы, он пригодился не как защита горожан, а как защита остального мира от жителей города. В романе «Вся плоть – трава» Милвилл находится под контролем пришельцев, установивших над городом невидимый барьер. В результате таинственных и угрожающих событий в городке и за его пределами начинается паника, жители ищут виновных и жаждут расправы, а власти страны говорят, что на Милвилл нужно сбросить бомбу, пока пришельцы не захватили планету. Многие жители городка беспокоятся о своих личных проблемах гораздо больше, чем о судьбе человечества, а если и думают о человечестве, то в том смысле, как уничтожить «захватчиков». Люди оказываются не готовыми, недостаточно зрелыми для контакта.

Замкнутость пространственная совпадает с духовной ограниченностью людей и их неспособностью повлиять на ход событий. Лишь некоторых героев, например,

⁸ «что ни делай, человек все равно изобретет лук и стрелы» (пер. с англ.)

независимых Брэда Картера из «Вся плоть – трава» и Инока Уоллиса из «Пересадочной станции», или же архетипичного «деревенского дурака», писатель противопоставляет толпе. В романе «Город» Псы, побочный продукт человеческой цивилизации, представлены в более выгодном свете, чем их создатели. Псы, связанные с локусом усадьбы, но свободно перемещающиеся за его пределами, не ограничены рациональным мышлением и материалистическими ценностями. Их будущее в большей степени зависит от них самих.

Итак, мы рассмотрели особенности образов пространства на материале романов К. Саймака «Город» и «Вся плоть – трава» и делаем следующие выводы:

1) Замкнутые пространства играют важную роль в творчестве К. Саймака. Проанализировав два произведения, мы выделили в них такие основные пространственные категории как топос города, топос провинциального городка и локус усадьбы. Все эти категории относятся к замкнутому пространству.

2) Замкнутое пространство в творчестве писателя создает ощущение одновременных несвободы и защищенности. Такая несвобода означает еще и то, что герои не способны принимать решения самостоятельно - человечество плывет по течению, повинувшись историческим процессам.

3) Ограниченные, замкнутые пространства мира Саймака населены духовно ограниченными людьми – мещанами с их материальными ценностями, военными с их стремлением ликвидировать любую потенциальную опасность, не разбираясь, и самой широкой категорией людей, жестоких к тем, кто выделяется из толпы, недоверчивых ко всему незнакомому.

Литература

Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.

Гольденберг, А.Х. Локус дома в мифопоэтике Гоголя // Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека. 2011.

[Электронный ресурс] URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1400/> (дата обращения: 01.10.2021).

Гусева, А.Ю. К вопросу о философии фантастики // *Studia Culturae*. 2014. № 19. С. 68-75. [Электронный ресурс] URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/viewFile/425/424> (дата обращения: 01.10.2021).

Зубов, А. «Топографический поворот»: исследования о времени и пространстве в спекулятивной фантастике // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 113. С. 311-318.

Лотман, Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251-292.

Махов, А.Е. Топос // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 1076.

Неклюдов, С.Ю. Мотив и текст // *Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996)*. Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236-247.

Прокофьева, В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2004. № 11. С. 87-91.

Субботина, Т.В. «Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 24. С. 111-113.

Чигиринская, О.А. Фантастика: выбор жанра, выбор хронотопа. Доклад. // *Звездный мост. Форум о конференциях по фантастике. Русская фантастика. 2008*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusf.ru/star/doklad/2008/chigr.htm> (дата обращения: 01.10.2021).

Simak, C. D. *City*. The Clifford D. Simak Centennial Edition, 2005 // *Royallib.com*. [Online] URL: https://royallib.com/read/Simak_Clifford/city.html#0 (дата обращения: 01.10.2021)

Simak, C. D. *All Flesh Is Grass and Other Stories*. 2008. // *Royallib.com* [Online] URL: https://royallib.com/read/Simak_Clifford/All_Fles

[h_Is_Grass_and_Other_Stories.html#0](#) (дата обращения: 01.10.2021).

The Encyclopedia of Science Fiction. Ed. by John Clute and Peter Nicholls. Orbit, 1993. 1370 p.

References

Bakhtin, M. M. (1975), "Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike" [Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics], *Voprosy literatury i estetiki* [Literature and Aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 234-407 (in Russ.).

Chigirinskaya, O. A. (2008), "Fantastika: vybor zhanra, vybor khronotopa" [Science fiction: choice of genre, choice of chronotope], *Zvezdnyy most [Star Bridge]. Forum about science fiction conferences*. [Online], available at: <http://www.rusf.ru/star/doklad/2008/chigr.htm> (Accessed: 1 October 2021) (in Russ.).

Clute, J. and Nicholls, P. (ed.) (1993), *The Encyclopedia of Science Fiction*, Orbit, 1370 p.

Goldenberg, A. Kh. (2011), "Lokus doma v mifopoetike Gogolya" [The locus of the house in Gogol's mythopoetics], *Gogol's House — A Memorial Museum and Research Library* [Online], available at: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1400/> (Accessed 1 October 2021) (in Russ.).

Guseva, A. Yu. (2014), "On the question of the philosophy of science fiction", *Studia Culturae*, 19, 68-75, [Online], available at: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/viewFile/425/424> (Accessed 1 October 2021) (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988), "Khudozhestvennoye prostranstvo v proze Gogolya" [Fictional space in Gogol's prose], in Lotman, Yu. M. (ed.), *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'*. [The School of the Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol], Prosveshcheniye, Moscow, Russia, 251-292 (in Russ.).

Makhov, A. Ye. (2001), "Topos", in Nikolukin, A.N. (ed.), *Literaturnaya entsyklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts], Intervalk, Moscow, Russia, 1076 (in Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (2004), "Motive and text", in Tolstaya, S.M. (ed.), *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'ichya Tolstogo (1923-1996)* [The Language of Culture: Semantics and Grammar. On the Occasion of the 80th Birthday

of Academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923-1996)], Indrik, Moscow, Russia, 236-247 (in Russ.).

Prokofieva, V. Yu. (2004), "Category of space in fictional refraction: loci and toposes", *Vestnik of the Orenburg State University*, 11, 87-91 (in Russ.).

Simak, C. D. (2005), *City*. The Clifford D. Simak Centennial Edition, Royallib.com. [Online] URL:

https://royallib.com/read/Simak_Clifford/city.html#0 (Accessed 1 October 2021).

Simak, C. D. (2008), *All Flesh Is Grass and Other Stories*. [Online] URL: https://royallib.com/read/Simak_Clifford/All_Flesh_Is_Grass_and_Other_Stories.html#0 (Accessed 1 October 2021).

Subbotina, T.V. (2011), "Locus, topos, urbanonym, microtoponym: on the question of the content of spatial concepts", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 24, 111-113 (in Russ.).

Zubov A. (2012), "Topographic shift: research on time and space in speculative fiction",

Novoye literaturnoye obozreniye, 113, 311-318 (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Штрамило Анастасия Владимировна, ассистент Академического департамента английского языка, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, п. Аякс, 10, о. Русский, г. Владивосток 690922, Приморский край, Российская Федерация; shtramilo_av@dvfu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia V. Shtramilo, Assistance Lecturer at the Academic Department of English, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, 10 Ajax Settlement, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia; shtramilo_av@dvfu.ru